ISSN 2712-9276 (PRINT)
ISSN 2949-2424 (ONLINE)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОРТОДОКСИЯ

ТЕМА НОМЕРА

ПРАВОСЛАВНАЯ МЫСЛЬ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ. ЧАСТЬ II

ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД
С 2021 ГОДА

№ 4 / 2023

ISSN 2712-9276 (PRINT)
ISSN 2949-2424 (ONLINE)

SCIENTIFIC JOURNAL

ORTHODOXIA

ISSUE TOPIC

ORTHODOX THOUGHT IN THE SOVIET RUSSIA. PART II

FREQUENCY: QUARTERLY
SINCE 2021

No. 4 / 2023

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Щипков Александр Владимирович — д-р полит. наук, ректор РПУ св. Иоанна Богослова, профессор кафедры философии политики и права МГУ им. М. В. Ломоносова

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Щипков Василий Александрович — д-р филос. наук, доцент кафедры международной журналистики МГИМО МИД России, директор Русской экспертной школы

ШЕФ-РЕДАКТОР

Михайлов Родион Владимирович — канд. полит. наук

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Пущаев Юрий Владимирович — канд. филос. наук, старший научный сотрудник философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, старший научный сотрудник ИНИОН РАН

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Мамаев Егор Евгеньевич — научный сотрудник Русской экспертной школы, старший преподаватель кафедры богословия РПУ св. Иоанна Богослова

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Багдасарян Вардан Эрнестович — д-р ист. наук, профессор кафедры государственной политики МГУ им. М. В. Ломоносова, декан факультета истории, политологии и права Государственного университета просвещения

Вассоевич Андрей Леонидович — д-р филос. наук, директор Института востоковедения РГПУ им. А. И. Герцена

Гайда Фёдор Александрович — д-р ист. наук, доцент кафедры истории России XIX века — начала XX века МГУ им. М. В. Ломоносова

Катасонов Владимир Николаевич — д-р филос. наук, д-р богословия, профессор Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. свв. равноапп. Кирилла и Мефодия

Корольков Александр Аркадьевич — д-р филос. наук, академик Российской академии образования

Маслин Михаил Александрович — д-р филос. наук, заведующий кафедрой русской философии МГУ им. М. В. Ломоносова, заслуженный профессор Московского университета

Минаков Аркадий Юрьевич — д-р ист. наук, профессор Воронежского государственного университета, директор Зональной научной библиотеки

Мягков Михаил Юрьевич — д-р ист. наук, научный директор Российского военно-исторического общества

Перевезенцев Сергей Вячеславович — д-р ист. наук, профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова

Полунов Александр Юрьевич — д-р ист. наук, заведующий кафедрой управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений МГУ им. М. В. Ломоносова

Пономарёва Галина Михайловна — д-р филос. наук, профессор кафедры философской антропологии МГУ им. М. В. Ломоносова

Саврей Валерий Яковлевич — д-р филос. наук, профессор кафедры философии религии и религиоведения МГУ им. М. В. Ломоносова

Шестопал Алексей Викторович — д-р филос. наук, почётный профессор МГИМО

Шмонин Дмитрий Викторович — д-р филос. наук, директор Института теологии Санкт-Петербургского государственного университета

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: серия ПИ № ФС77-79913 от 18 декабря 2020 г.
Условия распространения материалов: контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
Учредитель, издатель, редакция: Автономная некоммерческая организация социального и творческого развития «Русская экспертная школа».
Адрес издателя: 119192, Россия, г. Москва, Мичуринский просп., д. 8, стр. 1, к. 1302
Сайт: www.journal-orthodoxia.ru
E-mail: mail@journal-orthodoxia.ru
Копирайт: © АНО «Русская экспертная школа», 2023
Индексирование: журнал входит в библиографическую базу данных РИНЦ
Цена: свободная

Отпечатано: АО «Первая Образцовая типография», филиал «Чеховский Печатный Двор».
Адрес: 142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Формат: 70x100 1/16.
Тираж 350 экз.

EDITOR-IN-CHIEF

Alexander V. Shchipkov — Dr. Sci. (Political Studies), Rector of Russian Orthodox University of St. John the Divine, Prof., Department of Philosophy of Politics and Law, Lomonosov Moscow State University

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Vasily A. Shchipkov — Dr. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., School of International Journalism, MGIMO University, Director of the Russian Expert School

CHIEF EDITOR

Rodion V. Mikhailov — Cand. Sci. (Political Studies)

SCIENTIFIC EDITOR

Yuri V. Pushchaev — Cand. Sci. (Philosophy), Senior Researcher, Department of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; Senior Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

EXECUTIVE SECRETARY

Egor E. Mamaev — Researcher, Russian Expert School; Sen. Lect., Department of Theology, Russian Orthodox University of St. John the Divine

EDITORIAL BOARD:

Vardan E. Bagdasaryan — Dr. Sci. (History), Prof., Department of Public Policy, Lomonosov Moscow State University, Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, State University of Education

Andrey L. Vassoevich — Dr. Sci. (Philosophy), Director of the Institute of Oriental Studies, Herzen University

Fedor A. Gaida — Dr. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Russian History of the 19th — early 20th century, Lomonosov Moscow State University

Vladimir N. Katasonov — Dr. Sci. (Philosophy), Dr. Sci. (Theology), Prof., Ss. Cyril and Methodius Theological Institute of Post-Graduate Studies in Moscow

Alexander A. Korolkov — Dr. Sci. (Philosophy), Academician of the Russian Academy of Education

Mikhail A. Maslin — Dr. Sci. (Philosophy), Prof. emeritus, Head of the Department of Russian Philosophy, Lomonosov Moscow State University

Arkady Yu. Minakov — Dr. Sci. (History), Prof., Voronezh State University, Director of the Zonal Scientific Library

Mikhail Yu. Myagkov — Dr. Sci. (History), Scientific Director of Russian Military Historical Society

Sergey V. Perevezentsev — Dr. Sci. (History), Prof., Department of the History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Sciences, Lomonosov Moscow State University

Alexander Yu. Polunov — Dr. Sci. (History), Head of the Department of Interethnic and Interdenominational Relations Management, Lomonosov Moscow State University

Galina M. Ponomareva — Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Philosophical Anthropology, Lomonosov Moscow State University

Valery Ya. Savrey — Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Philosophy of Religion and Religious Studies, Lomonosov Moscow State University

Alexey V. Shestopal — Dr. Sci. (Philosophy), Prof. emeritus, MGIMO University

Dmitry V. Shmonin — Dr. Sci. (Philosophy), Director of the Institute of Theology, Saint Petersburg State University

Mass Media Registration Certificate: PI No. FS77-79913 dated December 18, 2020

Distribution Terms: The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Founder, Publisher, Editorial Office: Autonomous non-profit organization for social and creative development "Russian Expert School".

Address: 119192, Russia, Moscow, Michurinsky ave., 8, building 1, room 1302

Website: www.journal-orthodoxia.ru

E-mail: mail@journal-orthodoxia.ru

Copyright: © ANO Russian Expert School, 2023

Indexing: the Journal is included in the bibliographic database Russian Science Citation Index (RINTS)

Price: free

Printed: JSC "First Model Printing House", Branch "Chekhov Printing House"

Address: 142300, Russia, Moscow Region, Chekhov, Poligrafistov St., 1

Format: 70x100 1/16.

Print run 350 copies.

Содержание

Представляем номер: «Православная мысль
в Советской России. Часть II» 9

И. Б. Иванов
Игорь Огурцов: православный мыслитель, опередивший время 10

А. И. Осипов
Истоки Катастрофы и наши последние могикане.
Игумен Никон (Воробьёв) 30

Д. В. Сафонов, иерей
Николай Николаевич Лисовой: «Я – консерватор!»
(Обзор творчества Н. Н. Лисового в советский период) 58

В. А. Саулкин
Советская эпоха в тысячелетней истории России.
Перечитывая В. Н. Тростникова 90

Л. В. Щипкова
Процессы самоорганизации православной молодёжи
в 70-е годы XX века 118

В. Ю. Даренский
Воцерковление культуры как главная тема С. С. Аверинцева 154

А. Г. Зоитакис
Феномен почитания святителя Луки Крымского в Греции 174

Contents

We Present You the Issue "Orthodox Thought in the Soviet Russia. Part II" 9

I. B. Ivanov
Igor Ogurtsov:
A Visionary Orthodox Thinker Ahead of His Time 10

A. I. Osipov
The Origins of Catastrophe and Our Last Mohicans.
Hegumen Nikon (Vorobyov) 30

D. V. Safonov, Priest
Nikolay Lisovoy: "I am a Conservative!"
(Review of Nikolay Lisovoy's Work in the Soviet Period) 58

V. A. Saulkin
The Soviet Era in Russia's Millennium History.
Rereading Viktor Trostnikov 90

L. V. Shchipkova
Self-Organization Processes
of Orthodox Youth in the 1970s 118

V. Yu. Darenskiy
The Churching of Culture as the Main Theme
of S. S. Averintsev 154

A. G. Zoitakis
The phenomenon of veneration of St. Luke of Crimea in Greece 174

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР: «ПРАВОСЛАВНАЯ МЫСЛЬ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ. ЧАСТЬ II»

Уважаемый читатель!

Мы представляем вашему вниманию второй номер из серии выпусков, посвящённых интеллектуальной жизни русского православия в советский период отечественной истории. Преодоление обновленческого раскола, победа в Великой Отечественной войне и ослабление антицерковных гонений открыли перспективы для активизации идейных процессов внутри Церкви. Цель номера состоит в том, чтобы осветить сложные идейные процессы, происходившие в православной среде во второй половине XX века.

Одним из наиболее значимых, но при этом до сих пор в недостаточной мере оценённых событий этого периода стало создание подпольной организации ВСХСОН (Всероссийского Социал-Христианского Союза Освобождения Народа) и разработка её идеологической платформы, опиравшейся на русскую православную традицию. Возглавил организацию выдающийся православный мыслитель Игорь Вячеславович Огурцов (1937– 2023), биографии, взглядам и деятельности которого посвящена первая статья настоящего номера (И. Б. Иванов). Незадолго до смерти Игорь Вячеславович был награждён Патриархом Московским и всея Руси Кириллом орденом преподобного Сергия Радонежского II степени, вручить который выпала честь автору этих строк. Высокая награда стала признанием заслуг Огурцова, который верностью своим убеждениям и жизненным подвигом стал подлинным примером для подражания православных христиан.

Следующая статья номера посвящена жизненному пути, богословским идеям и пастырской деятельности игумена Никона (Воробьёва), православного проповедника и подвижника XX века (А. И. Осипов). Третье и четвёртое места в номере занимают статьи о философах Н. Н. Лисовом (иерей Д. В. Сафонов) и В. Н. Тростникове (В. А. Саулкин), предложивших новаторский взгляд на советский период российской истории — не как разрушающий, но исполняющий призвание России как Третьего Рима. Пятая статья рассказывает о религиозном ренессансе в среде православной молодёжи Москвы и Санкт-Петербурга в 70-е годы XX века (Л. В. Щипкова). Завершают номер статьи о концепции воцерковления культуры, сформулированной С. С. Аверинцевым (В. Ю. Даренский), и о почитании одного из наиболее прославленных святых советского периода Луки Крымского (Войно-Ясенецкого) в Греции и на Балканах (А. Г. Зоитакис), демонстрирующие всеправославное значение русской богословской мысли советского периода.

А. В. Щипков

ОРТОДОКСИЯ. 2023. № 4. С. 10–29.
УДК 271.2
DOI: 10.53822/2712-9276-2023-4-10-29

И. Б. Иванов

РУССКИЙ ОБЩЕ-ВОИНСКИЙ СОЮЗ (РОВС),
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ

Игорь Огурцов: православный мыслитель, опередивший время

Аннотация. В статье, основанной на собранных автором воспоминаниях участников описываемых событий, мемуарах, публицистических статьях, опубликованных в российских и русских эмигрантских изданиях, а также на документальных материалах засекреченных в своё время судебных процессов, проходивших в 1967–1968 годах в г. Ленинграде, рассказывается об истории и идеологии подпольной антикоммунистической организации — Всероссийского Социал-Христианского Союза Освобождения Народа (ВСХСОН). В центре публикации — судьба основателя ВСХСОН, выдающегося русского православного мыслителя Игоря Вячеславовича Огурцова, который в начале 1960-х годов вместе с группой своих соратников выступил под знаменем синтеза христианства, патриотизма и социальной идеи против коммунистической системы. Особое внимание уделено Программе ВСХСОН. Написанная И. В. Огурцовым 60 лет назад, она и сегодня во многом не утратила своей научной и политической актуальности. Автор Программы, подвергнув в ней анализу коммунистическую систему, смог не только предсказать неизбежность краха коммунизма, но и предложить конкретный путь возрождения России после падения «партийной диктатуры» — путь, отвергающий крайности как социалистической, так и капиталистической перспективы и подразумевающий дальнейшее развитие страны на основе принципов социальности и идеалов христианства.

Ключевые слова: И. В. Огурцов, Всероссийский Социал-Христианский Союз Освобождения Народа (ВСХСОН), коммунизм, антикоммунизм, подполье, социал-христианство, социальность, теократия, «русизм»

Для цитирования: Иванов И. Б. Игорь Огурцов: православный мыслитель, опередивший время // Ортодоксия. — 2023. — № 4. — С. 10–29. DOI: 10.53822/2712-9276-2023-4-10-29

22 августа 2022 года Святейший Патриарх Московский и вся Руси Кирилл подписал Указ о награждении орденом Св. Сергия Радонежского 2-й степени Игоря Вячеславовича Огурцова. В Указе Святейшего говорится, что высокой награды И. В. Огурцов удостоен «во внимание к вкладу в сохранение традиционных ценностей в обществе и в связи с 85-летием»[1].

Новость эта осталась мало замеченной широкой российской общественностью. И вряд ли могло быть иначе: имя и подвиг Игоря Огурцова — подвиг духовный, научный и гражданский — и до сего дня известны немногим. Тому есть объяснение: в советское время не только деятельность, но и сам факт существования этого человека на протяжении нескольких десятилетий замалчивались по прямому указанию Председателя КГБ Ю. В. Андропова. Да и западные «голоса», когда-то столь громко выкрикивавшие имена советских диссидентов, фигуру Огурцова предпочитали обходить молчанием: и для коммунистических властителей, и для пропагандистов на Западе этот человек был чужим и… опасным. Неудивительно, что в последовавшую за падением коммунистического режима «демократическую» эпоху об Огурцове и его соратниках также старались не вспоминать.

А между тем Игоря Огурцова можно считать выдающимся христианским мыслителем советской эпохи, подлинным национальным

[1] Святейший Патриарх Кирилл удостоил христианского мыслителя И. В. Огурцова ордена преподобного Сергия Радонежского // Официальный сайт Московского Патриархата. — 2022. — 1 ноября. — URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5973079.html?ysclid=ld5p8g8rmk269068708 (дата обращения: 01.11.2022).

героем русского народа и человеком, на многие десятилетия опередившим своё время. Главный же труд И. В. Огурцова, написанный им ещё в начале 1960-х, — «Программа Социал-Христианского Союза Освобождения Народа (ВСХСОН)» — во многом не потерял своей актуальности и сегодня. И потому имя и подвиг этого выдающегося русского мыслителя, несомненно, достойны сегодня упоминания и уважения соотечественников, а его интеллектуальное наследие — самого внимательного изучения.

***

Игорь Огурцов родился 22 августа 1937 года на Волге, в тогдашнем Сталинграде, в интеллигентной русской семье, имевшей дворянские, крестьянские и купеческие корни. Его отец, Вячеслав Васильевич Огурцов, был инженером-кораблестроителем, а мать, Евгения Михайловна (в девичестве Деревенскова), — преподавательницей музыки. Во время войны семья Огурцовых разделилась: Евгения Михайловна с пятилетним Гариком оказалась в эвакуации, в Казахстане; отец ушёл на фронт добровольцем и, начав войну младшим лейтенантом морской пехоты под Ленинградом, закончил её в 1945-м в Китае, в звании майора и в должности начальника штаба стрелковой дивизии.

Школьные годы и юность Игоря Огурцова прошли в Ленинграде, на родине его отца. В городе на Неве Игорь окончил школу, поступил в Ленинградский государственный университет им. Жданова, готовился стать востоковедом. И с внешней стороны он, пожалуй, не отличался от многих своих сверстников: с увлечением учился в университете, занимался спортом, музицировал на фортепьяно, много читал. Впрочем, необыкновенные черты его характера стали проявляться ещё в юности.

Вот что писал известный диссидент, православный публицист В. Н. Осипов, тесно общавшийся с Игорем Огурцовым: «Я не знаю человека, равного ему по своим личным качествам… Он с детства закалял волю, вёл аскетический образ жизни, не курил, не прикасался к вину, спал почти на досках. Огромная сила воли, большой ум, эрудиция, владение несколькими иностранными языками, способности к писательскому делу, отличное знание музыки и при всём этом нравственная чистота, чуткость к окружающим — всё это резко выделяло Огурцова всюду: дома, на работе, в организации. Он отказывался от всего, что напоминало о роскоши. И одновременно вытаскивал пьяниц из канавы, никогда не проходил

мимо нищих, переживал при виде несчастных. Огурцов — христианин и убеждённый патриот России…» (Осипов 1975).

И ещё один характерный штрих к портрету: Игорь Огурцов не был членом комсомола и всякий раз под различными предлогами уходил от предложений вступать в эту фактически обязательную для каждого советского молодого человека организацию. Из-за этого ему даже пришлось перевестись с философского факультета на менее политизированный — восточный. В те времена это выглядело очень необычно для студента гуманитарного ВУЗа, тем более столь опекаемого партией, как Ленинградский госуниверситет. Но то была принципиально-честная, хотя и не афишируемая, позиция человека, у которого слово не расходились с делом: напомним, Устав ВЛКСМ, помимо всего прочего, обязывал каждого комсомольца и комсомолку быть строителями коммунизма и «вести решительную борьбу с религиозными предрассудками».

Игорь был крещён в детстве, хотя о Боге, о вере в доме Огурцовых не говорили: семья выглядела «типично-советской», как, кстати, и у большинства будущих соратников Игоря Вячеславовича. Воцерковлённой, как это часто тогда случалось, в семье Огурцовых была только бабушка. Тем удивительнее всё то, что произошло с Игорем Огурцовым в дальнейшем.

***

В начале 1960-х годов, когда по стране прокатилась новая волна борьбы с религией, а советский народ, охваченный эйфорией достижений научно-технического прогресса, грезил идеями покорения далёких планет, когда, казалось бы, в умах советской молодёжи не должно было оставаться ни сомнения в прочности коммунистической системы, ни места для «религиозных заблуждений», в стенах Ленинградского государственного университета возникла подпольная организация. В составе подпольщиков (распространившееся позже слово «диссидент» участники ВСХСОН не любили и в отношении себя не применяли) были десятки человек — студенты, начинающие писатели, молодые учёные и столь же молодые рабочие ленинградских предприятий.

Среди членов организации были такие известные впоследствии люди, как будущий преподаватель Ленинградской духовной академии Михаил Садóй, будущие писатели Леонид Бородин и Анатолий Сударев, выдающиеся ассириолог Игорь Клочков, африканист Вячеслав Платонов,

исследователь творчества Достоевского и филолог Евгений Вагин, физик Дмитрий Фредерикс и другие.

Организация действовала на основе строгой дисциплины и жёсткой конспирации. В течение нескольких лет её ячейки появились в нескольких городах Советского Союза. Организация называлась Всероссийским Социал-Христианским Союзом Освобождения Народа (ВСХСОН), а во главе её стоял воспитанник Восточного факультета ЛГУ Игорь Огурцов.

Удивительным является здесь вовсе не факт возникновения подпольной организации, созданной молодыми учёными в стенах одного из ведущих ВУЗов страны: в то время в СССР возникало немало антикоммунистических групп, ставящих своей целью политические и социальные преобразования в стране. Может показаться невероятным, но только в период с 1967 по 1971 год в СССР Комитетом государственной безопасности было раскрыто не менее 3096 групп так называемого политически вредного характера (Крамола 2005: 317). Также удивительно не то, что ВСХСОН оказался самой многочисленной и разветвлённой подпольной организацией за весь хрущёвско-брежневский период советской истории. Удивительна для советской эпохи идейная направленность созданного И. В. Огурцовым Союза.

В отличие от тысяч других подпольных и диссидентских групп того времени, члены ВСХСОН отнюдь не призывали к «защите советской Конституции» или к борьбе за возвращение якобы «попранных ленинских идеалов». Столь же далеки социал-христиане были и от модной среди ориентированных на Запад диссидентов «борьбы за права человека» и «приоритет общечеловеческих ценностей». В русле этих двух направлений действовало абсолютное большинство тогдашних т. н. инакомыслящих и антисоветских организаций. Но не исправление ошибок коммунистической системы и не устремление в чаемую многими капиталистическую альтернативу вдохновляли Игоря Огурцова и его соратников.

Уникальной особенностью ВСХСОН было то, что против коммунистического тоталитаризма эта организация поднялась под знаменем христианства, а своё выступление против диктатуры КПСС рассматривала не просто как политическую борьбу с тоталитарной системой, но и как духовную брань с тёмными силами мира сего.

«Борьба в современном мире не определяется и не исчерпывается только экономическими интересами социальных классов, — писал в начале 1960-х годов двадцатипятилетний И. В. Огурцов, — она гораздо шире и глубже; это решительное столкновение двух противоположных концепций человека — христианской и антихристианской.

Идёт духовная борьба за личность. Перед человечеством только два пути: свободное обращение к Богу и принятие Его заповедей, и тогда раскрываются все силы и красота Человека, или отпадение от Бога, и тогда — сатанократия, растворение личности в стихийных силах, рабство у материи, вырождение сознания вследствие потери истинных целей и смысла жизни.

И капитализм, и его болезненное порождение — коммунизм могут быть преодолены только христианизацией всей жизни общества» (Программа 2015: 323).

***

Идейная платформа ВСХСОН была изложена в Программе, написанной Игорем Огурцовым в 1962–1963 годах. Говорящим было и само название организации — Всероссийский Социал-Христианский Союз Освобождения Народа, — которое точно отражало её цели: освобождение народа от коммунистического режима и возрождение России на основе христианства и социальности.

Важно отметить, что принцип социальности, вынесенный в название Союза и ставший одной из составляющих мировоззрения ВСХСОН, отнюдь не отождествлялся Игорем Огурцовым с социализмом. Напротив, социал-христиане прямо противопоставляли эти понятия. Кстати, о социальности как об антиподе социализма в своё время писал ещё философ Иван Александрович Ильин.

«“Социальный” и “социалистический”, — утверждал И. А. Ильин в своей работе “Крах социализма”, — совсем не равнозначные понятия. Мыслить и чувствовать “социально” значит заботиться о своих согражданах и особенно о слабых и нуждающихся; это значит бороться против эксплуатации человека человеком; это значит иметь душу братски-сострадательную, искать справедливости; это значит строить народное благосостояние на благосостоянии всех граждан, взятых порознь; это значит будить и оживлять качественные, творческие силы человеческого инстинкта и человеческого духа во всех слоях народа… Эта сущность дела вытекает целиком из христианского духа, а не материализма и безбожия: в материализме и безбожии оказывается заложено обратное. Отсюда вывод: кто мыслит социально — совсем не должен быть марксистом, безбожником и социалистом; а кто идёт за материализмом, безбожием и социализмом, тот будет действовать антисоциально» (Ильин 2001: 419–420).

Вслед за И. А. Ильиным Игорь Огурцов отмечал, что социализм не имеет ничего общего с понятием социальной справедливости, а лишь стремиться сделать людей равными в нищете, выделяя и наделяя непомерными привилегиями только правящую партийную прослойку, которая в формально «бесклассовом» советском обществе на деле превращается в «класс всемогущих эксплуататоров».

Интересно, что в момент написания Программы ВСХСОН И. В. Огурцов ещё не был знаком с трудами И. А. Ильина (книги и статьи опального философа тогда были упрятаны в спецхраны), как и с трудами многих других запрещённых в СССР учёных. Ко всем своим выводам молодой христианский мыслитель фактически пришёл самостоятельно. Учитывая условия, в которых Игорь Огурцов писал главный труд своей жизни, это, несомненно, можно назвать исследовательским и духовным подвигом.

В первой части Программы ВСХСОН был сделан всесторонний научный анализ теории и практики марксизма-ленинизма, идеологию которого социал-христиане характеризовали как квазирелигию, сектантское мировоззрение хищнического класса, порвавшего с общечеловеческими идеалами.

Впоследствии советские органы безопасности будут обвинять социал-христиан в попытке организовать захват власти и насильственное свержение коммунистического строя. При этом ни теория, ни практическая деятельность ВСХСОН не были направлены на такое развитие событий: одним из важнейших тезисов Программы ВСХСОН был тезис о происходящем разложении коммунистической системы и неизбежности её крушения в силу её нежизнеспособности. Для начала 1960-х годов, когда мировая коммунистическая система казалась незыблемой, утвердившейся на века, это было чрезвычайно смелым утверждением. Тем не менее Огурцов обосновывал неизбежный крах коммунизма-социализма в России и заявлял, что это произойдёт в обозримой исторической перспективе, что уже поколение его сверстников «покончит с этой тоталитарной системой!» (Иванов 2015: 93).

«Природа этой системы такова, — писал И. В. Огурцов, — что она не может улучшаться, не подрывая тем самым своих основ. Всякое улучшение её вызвало бы лишение господствующего класса его права, незаконно присвоенного, монопольно владычествовать в экономике, политике или идеологии. Любая из этих отдельных свобод неизбежно вела бы к свободе полной, к ликвидации тоталитарной системы»[2].

[2] Программа Всероссийского Социал-Христианского Союза Освобождения Народа. Цит. по: (Иванов 2015: 302).

Таким образом, своей задачей ВСХСОН считал не организацию вооружённого переворота для свержения коммунистической системы, а заблаговременную подготовку патриотических, государственно-мыслящих, идейно подготовленных кадров, способных в будущем, в момент самораспада этой системы не позволить коммунистической верхушке расчленить и разграбить страну. То есть подготовку кадров, могущих предложить освободившемуся от тоталитарного диктата обществу позитивный путь развития — христианский и социальный и направить Россию по этому пути. Именно для обеспечения такого перехода («быстрого и бескровного» — подчёркивалось в Программе ВСХСОН) социал-христиане задумывали создание «подпольной армии освобождения».

Важно отметить, что, по мысли социал-христиан, после падения коммунизма в России необходимо было предотвратить поворот к другому опасному для неё пути — капитализму. Отказывая коммунистической идее в какой-либо «прогрессивности», Огурцов в то же время указывал и на крайне негативные стороны капиталистической системы, на антихристианский характер многих её черт. Более того, коммунизм рассматривался им как «болезненное детище материалистического капитализма», развившее все самые вредные тенденции, которые имелись в буржуазных экономике, политике и идеологии.

***

Во второй части Программы ВСХСОН были изложены основные принципы социал-христианства и грядущего возрождения Российского государства. Сегодня, на третьем десятке XXI века, когда Россия продолжает преодолевать негативные элементы советского наследия и тяжкие последствия полуколониальных девяностых, пытается вернуться на свой собственный, исторический путь, идеи государственного строительства, сформулированные И. В. Огурцовым, представляют особый интерес.

Программа ВСХСОН — документ многогранный, рассматривающий с позиции христианства и социальности самые разные проблемы бытия и сферы человеческой деятельности: государство, права человека, собственность, земельные отношения, промышленность, кредит, банковское дело, торговлю, культуру, науку, семью, роль женщины, образование, здравоохранение, правосудие и многое другое. К сожалению, в рамках данной статьи рассмотреть все пункты Программы ВСХСОН не

представляется возможным, поэтому мы обратим здесь внимание лишь на отдельные, наиболее существенные, её моменты.

Социал-христиане понимали государство как естественный орган, выражающий высшие интересы народа в их единстве и создающий условия для свободного развития и широкого проявления личности в границах правового порядка. Считая миссией Российского государства служение национальной идее, укоренённой в Богооткровенной Истине, хранимой Православной Церковью, ВСХСОН провозглашал своей целью создание народного, представительного, правового государства, построенного на принципах христианства. Для достижения этой цели предусматривалось проведение в будущей России широких реформ, в основе которых лежали три главных, определяющих принципа:

— христианизация политики,

— христианизация экономики,

— христианизация культуры.

Критикуя существующую в Советском Союзе однопартийную систему, Программа ВСХСОН отрицала и систему многопартийную. «Социал-христианская государственная доктрина, — провозглашал Игорь Огурцов, — рассматривает как безусловное зло такую организацию власти, при которой она является призом для соперничающих политических партий или монополизируется одной партией. Вообще партийная организация власти неприемлема с точки зрения социал-христианства».

С этой точки зрения партийная система, раздирающая общество на враждующие части, выражала не интересы всего народа, а интересы той или иной узкой партийной прослойки. Программа ВСХСОН предполагала, что непосредственное участие общества в политической жизни страны должно осуществляться через самоуправление на местах, представительства крестьянских общин и национальных корпораций — крупных союзов работников физического и умственного труда — в высшем законодательном органе страны.

Ещё одной особенностью социал-христианской программы государственного строительства было обращение к идее теократии (Боговластия), которая мыслилась членами ВСХСОН как государственное устройство, основанное на принципах естественного (Божественного) права, симфонии духовной и светской властей. В качестве механизма такой власти предполагалось наряду с традиционными законодательной, исполнительной и судебной властями учредить в России власть

«блюстительную» — Верховный Собор, состоящий из выдающихся представителей Церкви и народа.

По мысли автора Программы, «четвёртая власть» в лице Верховного Собора не должна была наделяться административными функциями и правом законодательной инициативы, её роль в государстве иная — служить духовным авторитетом для народа и предупреждать злоупотребления политической властью. Практическая задача блюстительной власти — соблюдать соответствие принимаемых законов и административных решений христианским принципам, используя для этого право вето.

Представители Церкви в Верховном Соборе должны были составлять одну третью часть его членов, и две трети — выдающиеся люди страны, пользующиеся моральным авторитетом и безусловным доверием народа — без каких-либо национальных или конфессиональных ограничений. Программа ВСХСОН провозглашала, что все традиционные религии получат в России свободу проповеди вероучения и отправления культа: христианизация политической, экономической и культурной жизни — вовсе не есть духовная диктатура христианства.

Социал-христиане предполагали, что все политические и социальные преобразования могут оказаться бесполезными, если в корне не изменится само отношение к человеку. Поэтому ядром идеологии ВСХСОН стал христианский персонализм.

Социал-христиане рассматривали личность в качестве центра нравственной ответственности и духовного восприятия Божественной воли. Считая, что неотъемлемой чертой коммунистического учения является его антиличностный, антиперсоналистический характер, они ставили во главу угла внутреннее освобождение человека от большевизма.

«Высшей и абсолютной ценностью христианская религия признаёт каждую человеческую личность и братское отношение между людьми, — писал Игорь Огурцов. — Восстанавливая личность, социал-христианство тем самым восстанавливает народ как сложное духовное целое, способное на творческое самопроявление. Идеал христианства — индивидуальное многообразие в свободном единстве. Христианство против эгоистического индивидуализма и против и безличного коммунизма… В то время как коммунизм деморализует личность и общество, отчуждая человека от его собственного “Я”, социал-христианство признаёт за человеком неотчуждаемые права, вытекающие из его природы. Оно восстанавливает равновесие между личностью, обществом и государством».

Несмотря на то что отдельные положения Программы ВСХСОН перекликались с мыслями, в своё время высказанными такими русскими православными мыслителями, как Ф. М. Достоевский, И. А. Ильин, А. Ф. Лосев и др., труд И. В. Огурцова был совершенно самостоятельной, оригинальной работой, открывавшей в 1960-е годы новый этап и новые горизонты общественно-политической мысли в СССР и впоследствии оказавшей огромное влияние на её развитие. Неслучайно А. И. Солженицын, высоко ценивший Огурцова, впоследствии будет говорить, что считает автора Программы ВСХСОН единственным человеком, который после падения диктатуры КПСС смог бы написать по-настоящему достойную Конституцию для свободной России.

***

Организации Огурцова не было суждено выполнить провозглашённую задачу. Подпольщиков выдал предатель: один из недавно принятых в ВСХСОН членов оказался слабым человеком, он сам явился в КГБ с доносом на своих товарищей. Сотрудники госбезопасности были ошеломлены и поначалу не могли поверить в возможность существования в Ленинграде — в «Колыбели Октябрьской революции» — какой-то реальной крупной подпольной антикоммунистической организации. Ситуацию для органов безопасности усугубляло то, что это произошло накануне юбилея Октябрьской революции и визита в Ленинград всего партийного руководства во главе с Брежневым.

В феврале 1967-го, когда в Советском Союзе вовсю готовились праздновать 50-летие Октября, в Ленинграде, а затем и в других городах Советского Союза, грянули аресты и обыски. По делу ВСХСОН было арестовано более двух десятков человек. Ещё более пятидесяти человек были привлечены в качестве свидетелей, обыскам подверглись несколько сот квартир.

Против четверых подпольщиков — Игоря Огурцова, Михаила Садо, Евгения Вагина и Бориса Аверичкина — были выдвинуты обвинения по статье 64 Уголовного кодекса РСФСР («измена Родине») по пункту «заговор с целью захвата власти». Оба обвинения подпольщики категорически отрицали: практических шагов к «захвату власти» члены ВСХСОН не предпринимали, осознавали себя патриотами и считали оскорбительным обвинения в «измене Родине». Но следствие и суд, вероятно, стремились подвести обвиняемых под «расстрельную» статью: 64-я предусматривала наказание вплоть до высшей меры. Ещё семнадцати

подпольщикам были предъявлены обвинения по 70-й и 72-й статьям УК РСФСР — «антисоветская агитация и пропаганда» и «членство в антисоветской организации».

К делу ВСХСОН советское руководство отнеслось серьёзно. Юрий Андропов, к тому моменту только что назначенный на пост Председателя КГБ СССР, считал «русистов», к каковым он, прежде всего, относил Огурцова и его единомышленников, наибольшей из существующих для коммунистического режима опасностью. Именно с подачи Ю. В. Андропова русских православных патриотов в органах госбезопасности объявили «русскими националистами» и стали именовать «русистами». «Главная забота для нас — русский национализм: диссиденты потом — их мы возьмём за одну ночь», — так характеризовал позицию Андропова один из участников ВСХСОН Л.И. Бородин (Бородин 2003: 498).

Для следствия по делу ВСХСОН были привлечены наиболее опытные силы КГБ, а для допроса Игоря Огурцова из Москвы в Ленинград лично прилетал 1-й заместитель председателя КГБ генерал-полковник Н. С. Захаров.

Важно отметить, что во время следствия чекисты добивались от Игоря Огурцова и некоторых его близких соратников отречения от веры в Бога, суля за это заменить грозящий им расстрел более мягким наказанием. Они стремились дискредитировать на предстоящем суде руководителей ВСХСОН, выставив их в образе политических шарлатанов, которые якобы лишь «прикрывались» лозунгами христианства. Задачей было не только нейтрализовать подпольщиков, но морально уничтожить то идейное знамя, под которым объединились социал-христиане.

В конце 1967-го — весной 1968 года в Ленинграде были проведены два судебных процесса. На первом, проходившем в обстановке строгой секретности, судили «руководителей ВСХСОН» — Игоря Огурцова, Михаила Садо, Евгения Вагина и почему-то присоединённого к ним Бориса Аверичкина, хотя последний не занимал в организации никаких руководящих постов. На втором процессе судили семнадцать «рядовых» подпольщиков.

Впоследствии Евгений Александрович Вагин, выполнявший в ВСХСОН обязанности начальника идеологического отдела, вспоминал: «Огурцов вёл себя на суде с исключительным достоинством, зная, что его может ожидать высшая мера наказания, он не допустил ни малейшего компромисса со своей совестью, был спокоен и уравновешен» (Вагин 1978: 156).

Под занавес процесса над руководителями перед вынесением приговора прокурор Ленинграда С. Е. Соловьёв поочерёдно задал четверым главным подсудимым один и тот же вопрос: «Верите ли вы в Бога?» Но только один из четверых, Борис Аверичкин, назвал себя неверующим.

И всё же расстрелять молодых христиан власти тогда не решились: с политической точки зрения это было бы слишком плохим для них символом и итогом в год празднования «50-летия Великого Октября». С социал-христианами поступили по-иному. Строго засекретив всякую информацию об их деле, им назначили различные сроки заключения. Самый большой срок — 20 лет лишения свободы — получил основатель и глава ВСХСОН Игорь Огурцов. Учитывая условия, в которых ему предстояло отбывать наказание, это было равносильно медленной казни: шансов вернуться на свободу у Огурцова почти не было.

***

О жизни Игоря Огурцова и его соратников в советских тюрьмах и лагерях, о сохранении ими религиозной веры и убеждённости в своей идейной правоте можно было бы написать отдельное произведение. За время заключения Игорь Вячеславович прошёл через разнообразные застенки Советского Союза, включая карцеры Владимирского централа, Чистопольской тюрьмы и штрафной барак усиленного режима (БУР) печально известной колонии строгого режима «Пермь-35». Пожалуй, ни один из знаменитых советских диссидентов и т. н. инакомыслящих 1960–1980-х годов не подвергался такому длительному сроку заключения, какой выпал на долю лидера социал-христиан. Не раз, будучи подвергнутым моральным и физическим издевательствам, он находился на пороге смерти. Об Огурцове прекрасно знал весь диссидентский мир, фактически Огурцов был одним из символов борьбы с советской властью. При этом о нём западные СМИ говорили редко, на первый план диссидентской медийной повестки выдвигались не представители православно-патриотического лагеря, а деятели праволиберального, прозападного крыла. Лишь А. С. Солженицын неоднократно выступал с публичными призывами помнить об узнике и продолжать оказывать ему моральную поддержку, а в 1979 году Солженицын даже написал открытое письмо президенту и сенаторам США с призывом о политической поддержке Огурцова связи с тем, что его общее физическое состояние ухудшилось и возникла угроза смерти.

Несмотря на лишения тюремной и лагерной жизни, Огурцов не отказался от своих убеждений и отбыл все двадцать лет лишения свободы. Он вышел на свободу только 15 февраля 1987 года — без права проживания в крупных и сколько-нибудь значимых городах СССР. В это время в стране уже шла перестройка, разворачивалась демократизация и гласность, но даже в этих условиях власть по-прежнему считала Огурцова опасной для себя фигурой. Уже в ноябре того же 1987 года, несмотря на протесты Огурцова, он вместе со своими родителями был выдворен из страны и лишён гражданства.

Семья Огурцовых вернулась в новую, разорённую и разорванную на части Россию в конце 1992 года. Он основал в Санкт-Петербурге благотворительный фонд «Милосердие», который бесплатно доставлял из-за границы в российские госпитали, родильные дома, детские приюты и тюремные больницы необходимые, дефицитные лекарства. Он помогал нуждающимся многодетным семьям, брошенным на произвол судьбы старикам-ветеранам и раненым в Чечне солдатам, покупал на свои деньги компьютеры для редакций православно-патриотических изданий. При этом идеи по государственному строительству России, когда-то выдвинутые И. В. Огурцовым в Программе ВСХСОН, при капиталистическо-олигархическом режиме 1990-х оказались невостребованными.

В качестве дополнительного штриха нужно отметить, что Верховный Суд РФ в ноябре 1996 года отказал Игорю Огурцову и его ближайшим соратникам в реабилитации[3]. Парадоксальность ситуации в том, что это один из немногих деятелей христианско-патриотического подполья, заслуги которого признала Русская Православная Церковь, но который так и остался нереабилитированным.

Сегодня, в совсем иной политической и геополитической обстановке, в которой оказалась Россия, снова становятся актуальными подходы Огурцова, который стремился осуществить синтез христианства и традиционных ценностей с идеями социально справедливого и нравственно ориентированного государства.

[3] Дело № 164пс96. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 20.11.1996. См.: (Иванов 2015: 337–345).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

«Нет духа — нет страны» (Интервью И. В. Огурцова газете «Вера Эском») // Вера-Эском. — 1994. — № 159–160. — С. 5–6.

«Пусть каждый делает то, что должно» (Интервью И. В. Огурцова газете «Вера-Эском») // Вера-Эском. — 2006. — № 513.

Бородин Л. И. Без выбора. — М. : Молодая гвардия, 2003. — 512 с.

Бородин Л. И. Всероссийский Социал-Христианский Союз Освобождения Народа. Состав, программа, методы работы, идеологические позиции, причины поражения // Вече. — 1984. — № 13. — С. 166–179.

Вагин Е. А. Воспоминания о прошедшем // Вече. — 1998. — № 62. — С. 180–190.

Вагин Е. А. Религиозное инакомыслие в сегодняшней России // Русское возрождение. — 1978. — № 1. — С. 51–70.

Вагин Е. А. Спасти Огурцова! (Текст несостоявшегося доклада на Сахаровском слушании в Риме) // Русское возрождение. — 1987. — № 1. — С. 151–170.

Всероссийский Социал-Христианский Союз Освобождения Народа // Православная энциклопедия. — М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2005. — Т. IX. — С. 685–686.

Всероссийский Социал-Христианский Союз Освобождения Народа. Программа, суд, в тюрьмах и лагерях. — Париж : YMKA-PRESS, 1975. — 217 с.

Двадцать лет спустя // Вече. — 1984. — № 13. — С. 56–65.

Дэнлоп Джон. Национально-религиозное возрождение в современной России // Русское возрождение. — 1978. — № 1. — С. 15–36.

Иванов И. Б. И. В. Огурцов: «Помогать людям нужно уже сегодня!» (Интервью с И. В. Огурцовым) // Наши Вести. — 2000. — № 458/2759. — С. 14–16.

Иванов И. Б. Русское подполье. Пути и судьбы социал-христианского движения. — М. : ООО «Традиция», 2015. — 376 с.

Ильин И. А. Собрание сочинений: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). — М. : Русская книга, 2001. — 558 с.

К вопросу о реабилитациях // Вече. — № 61. — 1998. — С. 11–16.

Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущёве и Брежневе. 1953–1982 гг. — М. : «Материк», 2005. — 432 с.

Лурьи Ю. На процессе ВСХСОН // Новый журнал. — 1975. — Кн. 119. — С. 119–129.

Никон (Лысенко), архим. К 40-летию программы ВСХСОН // Посев. — 2004. — №2. — С. 43–46.

Осипов В. Н. Бердяевский кружок в Ленинграде // Вестник РСХД. — 1975. — № 104–105. — С. 153–165.

Осипов В. Н. Верховный Суд РФ отказал в реабилитации «антисоветчикам» 1968 года! // Корень нации. Записки русофила / В. Н. Осипов. — М. : Алгоритм, 2008. — С. 306–307.

Программа Всероссийского Социал-Христианского Союза Освобождения Народа // Русское подполье. Пути и судьбы социал-христианского движения / И. Б. Иванов. — М. : Традиция, 2015.

Солженицын А. И. Сахаровским слушаниям в Вашингтоне // Новое русское слово. — 1979. — 9 октября.

Сведения об авторе:
Иванов Игорь Борисович — историк, публицист, специалист по русской военной истории, истории русского антикоммунистического движения, председатель Русского Обще-Воинского Союза, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: nevsky.polk@yandex.ru

Конфликт интересов:
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 26.01.2023; одобрена после рецензирования 13.02.2023; принята к публикации 21.02.2023.

I. B. Ivanov

RUSSIAN ALL-MILITARY UNION (ROVS),
SAINT PETERSBURG, RUSSIA

Igor Ogurtsov: A Visionary Orthodox Thinker Ahead of His Time

Abstract. Based on the author's collected memories of participants in the events described, memoirs, journalistic articles published in Russian and Russian emigrant publications, as well as on the documentary materials of the classified court proceedings that took place in Leningrad in 1967–1968, the article recounts the history and ideology of the underground anti-communist organization — the All-Russian Social Christian Union for the Liberation of the People (VSKhSON). The publication focuses on the fate of the founder of the All-Russian Social Christian Union for the Liberation of the People, the outstanding Russian Orthodox thinker Igor Vyacheslavovich Ogurtsov, who, in the early 1960s, along with a group of his associates, advocated for the synthesis of Christianity, patriotism, and social ideas against the communist system. Particular attention is given to the Program of the All-Russian Social Christian Union for the Liberation of the People. Written by Igor Ogurtsov 60 years ago, it remains relevant today in both scientific and political contexts. The author of the Program, while analyzing the communist system, not only predicted the inevitability of communism's collapse but also proposed a specific path for the rebirth of Russia after the fall of the "party dictatorship" — a path rejecting the extremities of both socialist and capitalist perspectives and implying the country's further development based on the principles of sociality and Christian ideals.

Keywords: Igor Ogurtsov, All-Russian Social Christian Union for the Liberation of the People (VSKhSON), communism, anti-communism,

underground resistance, social Christianity, sociality, theocracy, "Russism"

For citation: Ivanov, I. B. (2023). Igor Ogurtsov: A Visionary Orthodox Thinker Ahead of His Time. *Orthodoxia*, (4), 10–29. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2023-4-10-29

REFERENCES:

"Net dukha — net strany" (Interv'iu I. V. Ogurtsova gazete "Vera Eskom") ["No Spirit — No Country" (Interview with I. V. Ogurtsov for the "Vera Eskom" Newspaper]. (1994). *Vera-Eskom*, 159–160, 5–6. [In Russian].

"Pust' kazhdyi delaet to, chto dolzhno" (Interv'iu I. V. Ogurtsova gazete "Vera-Eskom") ["Let Everyone Do What They Should" (Interview with I. V. Ogurtsov for the "Vera-Eskom" Newspaper)]. (2006). *Vera-Eskom*, 513. [In Russian].

Borodin, L. I. (1984). Vserossiiskii Sotsial-Khristianskii Soiuz Osvobozhdeniia Narda. Sostav, programma, metody raboty, ideologicheskie pozitsii, prichiny porazheniia [All-Russian Social-Christian Union for the Liberation of People. Composition, Program, Methods of Work, Ideological Positions, Reasons for Defeat]. *Veche*, 13, 166–179. [In Russian].

Borodin, L. I. (2003). *Bez vybora* [Without a Choice]. Moscow: Molodaia gvardiia. [In Russian].

Denlop, J. (1978). Natsional'no-religioznoe vozrozhdenie v sovremennoi Rossii [National-Religious Revival in Modern Russia]. *Russkoe vozrozhdenie*, 1, 15–36. [In Russian].

Dvadtsat' let spustia [Twenty Years Later]. (1984). *Veche*, 13, 56–65. [In Russian].

Ilyin, I. A. (2001). *Sobranie sochinenii: Stat'i. Lektsii. Vystupleniia. Retsenzii (1906–1954)* [Collected Works: Articles. Lectures. Performances. Reviews (1906–1954)]. Moscow: Russkaia kniga. [In Russian].

Ivanov, I. B. (2000). I. V. Ogurtsov: "Pomogat' liudiam nuzhno uzhe segodnia!" (Interv'iu s I.V. Ogurtsovym) [I. V. Ogurtsov: "We Need to Help People Today!" (Interview with I. V. Ogurtsov)]. *Nashi Vesti*, 458/2759, 14–16. [In Russian].

Ivanov, I. B. (2015). *Russkoe podpol'e. Puti i sud'by sotsial-khristianskogo dvizheniia* [Russian Underground. Paths and Destinies

of the Social-Christian Movement]. Moscow: OOO “Traditsiia”. [In Russian].

K voprosu o reabilitatsiiakh [On the Issue of Rehabilitation]. (1998). *Veche*, 61, 11–16. [In Russian].

Kramola. Inakomyslie v SSSR pri Khrushcheve i Brezhneve 1953–1982 gg. [Sedition. Dissent in the USSR Under Khrushchev and Brezhnev 1953–1982]. (2005). Moscow : “Materik”. [In Russian].

Luri, Iu. (1975). Na protsesse VSKhSON [At the VSKhSON Trial]. *Novyi zhurnal*, 119, 119–129. [In Russian].

Nikon (Lysenko), archim. (2004). K 40-letiiu programmy VSKhSON [To the 40th Anniversary of the VSKhSON Program]. *Posev*, 2, 43–46. [In Russian].

Osipov, V. N. (1975). Berdiaevskii kruzhok v Leningrade [Berdyaev’s Circle in Leningrad]. *Vestnik RSKhD*, 104–105, 153–165. [In Russian].

Osipov, V. N. (2008). Verkhovnyi Sud RF otkazal v reabilitatsii “antisovetchikam” 1968 goda! [The Supreme Court of the Russian Federation Refused to Rehabilitate the “Anti-Soviet” of 1968!]. In *Koren’ natsii. Zapiski rusofila* [Root of the Nation. Notes of a Russophile] (pp. 306-307). Moscow: Algoritm. [In Russian].

Programma Vserossiiskogo Sotsial-Khristianskogo Soiuza Osvobozhdeniia Naroda [Program of the All-Russian Social-Christian Union for the Liberation of the People]. (2015). In I. B. Ivanov *Russkoe podpol’e. Puti i sud’by sotsial-khristianskogo dvizheniia* [Russian Underground. Paths and Fates of the Social-Christian Movement]. Moscow: Traditsiia. [In Russian].

Solzhenitsyn, A. I. (1979). Sakharovskim slushaniiam v Vashingtone [Sakharov Hearings in Washington]. *Novoe russkoe slovo*, 9th of October. [In Russian].

Vagin, E. A. (1998). Vospominaniia o proshedshem [Memories of the Past]. *Veche*, 62, 180–190. [In Russian].

Vagin, E. A. (1978). Religioznoe inakomyslie v segodniashnei Rossii [Religious Dissent in Today’s Russia]. *Russkoe vozrozhdenie*, 1, 51–70. [In Russian].

Vagin, E. A. (1987). Spasti Ogurtsova! (Tekst nesostoiavshegosia doklada na Sakharovskom slushanii v Rime) [To Save Ogurtsov! (Text of the Failed Report at the Sakharov Hearing in Rome)]. *Russkoe vozrozhdenie*, 1, 151–170. [In Russian].

Vserossiisky Sotsial-Khristianskii Soiuz Osvobozhdeniia Naroda [All-Russian Social-Christian Union for the Liberation of the People]. (2005). In *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox Encyclopedia] (Vol. IX, pp. 685–

685). Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr “Pravoslavnaia entsiklopediia”. [In Russian].

Vserossiisky Sotsial-Khristianskii Soiuz Osvobozhdeniia Naroda. Programma, sud, v tiur’makh i lageriakh [All-Russian Social-Christian Union for the Liberation of the People. Program, Court, In Prisons and Camps]. (1975). Paris: YMKA-PRESS. [In Russian].

About the author:
Igor Borisovich Ivanov — historian, publicist, specialist in Russian military history, history of the Russian anti-communist movement, and the chairman of the Russian All-Military Union, Russia, Saint Petersburg, e-mail: nevsky.polk@yandex.ru

Conflict of interest:
The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 26.01.2023; approved after reviewing 13.02.2023; accepted for publication 21.02.2023.

ОРТОДОКСИЯ. 2023. № 4. С. 30–57.
УДК 271.2
DOI: 10.53822/2712-9276-2023-4-30-57

А. И. Осипов

МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ,
СЕРГИЕВ ПОСАД, РОССИЯ

Истоки Катастрофы и наши последние могикане. Игумен Никон (Воробьёв)

Аннотация. Рассказывается о жизненном пути, богословских идеях и пастырской практике одного из выдающихся православных подвижников в истории Русской Православной Церкви — игумена Никона (Воробьёва) (1894–1963). В юности, поддавшись духу времени, он был сначала атеистом, ревностно изучал разные науки и философию. Однако, не найдя в философии того, что искал, он горячо обращается к вере. В «пограничной ситуации» в его душе совершился полный переворот, и Бог явил Себя тому, кто искал Его всеми силами своей души. В Минске в 1930 году состоялся монашеский постриг Николая Николаевича. Он получил имя в честь игумена Радонежского Никона, а затем был рукоположен и во иеромонаха. В то время гонений этот шаг был действительным отречением от мира и прямым путём на Голгофу. В 1944 году он был назначен настоятелем Благовещенской церкви города Козельска. Здесь он жил на квартире у монахинь и вёл в полном смысле слова подвижнический образ жизни. В маленькой комнатушке он всё своё свободное время проводил в молитве. Его проповеди

производили сильное впечатление на верующих, поскольку объясняли Евангелие, как правильно молиться, что такое смирение, покаяние — основы духовной жизни. В 1948 году отца Никона начали гонять по приходам: сначала перевели в г. Белев, затем в г. Ефремов, далее — в г. Смоленск. Его прекрасные проповеди никому не давали покоя, в том числе, нередко, и собратьям. Из Смоленска в 1948 году он был направлен в город Гжатск (ныне Гагарин), по словам батюшки — в ссылку. Отец Никон вёл строгий монашеский образ жизни. У него был дар непрестанной молитвы, который обнаружился случайно. Постоянным чтением игумена Никона были святоотеческие творения, Отцы Добротолюбия, жития святых, проповеди, толкования, редко — учёно-богословские и философские сочинения. Особенно тщательно и постоянно он перечитывал и изучал творения святителя Игнатия (Брянчанинова), которого в качестве истинно духовного отца настоятельно завещал всем своим духовно близким. Суть его наставлений прекрасно выражена в его письмах, которые многократно издавались под разными названиями: «Нам оставлено покаяние», «Письма о духовной жизни», «Внимай себе» и др. Он говорил и писал о том, что сущность проповеди Спасителя заключается в призыве к духовному и нравственному изменению себя через познание повреждённости человеческой природы и неспособности её исцеления своими силами от страстей, прежде всего, глупейшей из них — гордости. Через это познание себя совершается истинное покаяние, обращённое к Христу Спасителю, Который и исцеляет нас.

Ключевые слова: игумен Никон (Воробьёв), история Русской Православной Церкви, революция, советское время, религиозные гонения

Для цитирования: Осипов А. И. Истоки Катастрофы и наши последние могикане. Игумен Никон (Воробьёв) // Ортодоксия. — 2023. — № 4. — С. 30–57. DOI:

Начало XX века ознаменовалось в истории государства Российского многими серьёзными событиями во всех сферах жизни, и прежде всего в политической и религиозной. Достаточно указать на революции 1905 и 1917 годов, чтобы понять, насколько серьёзные произошли изменения во всей внешней и духовной жизни нашего народа. И эти события были совсем не случайными и обусловленными какими-то внешними,

явными или тайными, обстоятельствами. Сами обстоятельства явились лишь инструментами той силы, о которой не знали и сами творцы этих страшных событий, разрушавших и уничтожавших великий народ и его великую культуру.

Но именно эта сокровенная сила явилась причиной всех произошедших политических и прочих событий, и прежде всего — страшной катастрофы Православной Церкви, которая была государственной. Впрочем, это в полной мере относится и к любой другой православной стране.

Почему же это случилось с Российской Церковью? Здесь две взаимоисключающие оценки. Первая исходит из оптимистического понимания состояния Церкви и её положения в государстве и главную причину произошедшего видит в агентах враждебных государств, тайных заговорах, предателях, неудачных правителях и чиновниках, негодных иерархах и так далее. Всё это позволило захватить власть тем враждебным по отношению к Церкви лицам и организациям, которые и совершили свои злодеяния. Эта точка зрения является общепринятой не только в светских, но и в церковных кругах. Она, например, чётко выражена в следующих словах: «Когда 25 октября 1917 года к власти в России пришли большевики, Русская Православная Церковь находилась в зените славы и могущества» (Митрополит Иларион (Алфеев), Корытко, Васечко 2016: 260).

Однако насколько эта оценка соответствует реальному положению Русской Церкви, хотя бы как одной из организаций в государстве, говорят хотя бы следующие слова известного Киевского митрополита[1]: «”Мы живём в век жестокого гонения на веру и Церковь под видом лукавого о них попечения…” — так писал митр. Арсений ещё в 1862 году. Этот резкий отзыв был бы ещё уместнее несколькими годами позже», — замечает прот. Георгий Флоровский (Флоровский 1981: 344). Особенно такое положение Русской Православной Церкви усугубилось после трагического Указа Николая II о «Веротерпимости…» 1905 года, когда все религии получили свободу, кроме Российской Церкви.

Архиепископ Иларион (Троицкий) писал: «Перед началом войны [1914 г.] Церковь в России была унижена до крайности… И это в то самое время, когда и раскольники, и сектанты… получили полную свободу… И только Православная Церковь не может составить Собора!.. Хотелось воскликнуть: доколе, Господи!»[2]

[1] Митрополит Киевский и Галицкий Арсений (Москвин) (1795–1876).

[2] Цит. по: Церковь и общество. — 1998. — № 3. — С. 57.

В феврале 1917 года, когда открылся Поместный Собор, он писал: «Высочайшая резолюция 31 марта 1905 года на докладе Святейшего Синода о созыве Собора: “Признаю невозможным совершить в переживаемое ныне время столь великое дело…”»[3] «Годы шли за годами… положение Православной Церкви становилось невыносимым. Церковная жизнь приходила всё в большее и большее расстройство… Отношение царствовавшей династии к Православной Церкви — это исторический пример неблагодарности… Ужасным позором и тяжким всенародным бедствием оканчивается Петербургский период русской истории»[4].

Внешние оценки положения и состояния Церкви в данном вопросе и оценки святых, независимые от меняющейся политической и идеологической конъюнктуры, решительно расходятся.

Святые единогласно говорят о тяжёлом духовном расстройстве жизни нашего народа, нашей Церкви и это расстройство называют той страшной силой, которая низвергла нашу Церковь и страну в глубокую пропасть. Об этом они говорят прямо, нередко с риском для своего положения в церковной структуре. Вот несколько их ярких высказываний.

Святитель Филарет Московский: «Как время наше походит на последнее! — Соль обуявает [Мф. 5: 13]. Камни святилища падают в грязь на улицу (Плач. 4: 1). С горем и страхом смотрю я в нынешнюю бытность мою в Синоде на изобилие людей, заслуживающих лишения сана» (Письма мит. Филарета 1871: 483). «Видно, грехи наши вели́цы пред Богом» (Письма мит. Филарета 1872: 210).

Святитель Игнатий (Брянчанинов): «Россия, пожалуй, находится недалеко от взрыва в ней еретического либерализма. У нас есть хорошая внешность: мы сохранили все обряды и Символ первобытной Церкви, но всё это мёртвое тело, в нём мало жизни»[5]. «С внутренним оскудением и падением монашества неизбежны удары по монастырям извне»[6].

Святитель Феофан Затворник о церковной жизни: «И часы хорошие идут исправно; но кто скажет, что в них есть жизнь?» (Феофан 2008: 21). «Зло

[3] Церковные Ведомости. — 1905. — № 14. — С. 99.

[4] Цит. по: Церковь и общество. — 1998. — № 4. — С. 60. См. также: Церковь и общество. — 1998. — № 3. — С. 57.

[5] Цит. по: (Флоровский 1981: 394).

[6] Цит. по: (Новосёлов 1994: 101).

растёт: зловерие и неверие поднимают голову; вера и Православие слабеют. Ужели же мы не образумимся? “Попы́ всюду спят”, “через поколение, много через два иссякнет наше православие”»[7]. «Если не изменят у нас образа воспитания и обычаев общества, то будет всё больше и больше слабеть истинное христианство, а наконец и совсем кончится; останется только имя христианское, а духа христианского не будет. Всё преисполнит дух міра»[8].

Праведный Иоанн Кронштадтский: «Если в России так пойдут дела, и безбожники-анархисты не будут подвержены каре закона, и если Россия не очистится от множества плевел, то она опустеет … за своё безбожие и за свои беззакония» (Столп Православной Церкви 1915: 402). «Молись Богу кровавыми слезами о общем безверии и развращении России» (Св. Иоанн Кронштадтский 2003: 68).

В 1910 году святитель Серафим (Чичагов) пишет: «Перед глазами ежедневно картина разложения нашего духовенства. Никакой надежды, чтобы оно опомнилось, поняло своё положение!.. Ещё год — и не будет даже простого народа около нас»[9].

Митрополит Вениамин (Федченков), будучи в 1911 году инспектором Санкт-Петербургской духовной семинарии, рассказывает: «Семинаристы устроили бунт. Утром я обходил спальни и увидел следы его: ручки из дверей были вывернуты; лампадки разбиты; всё прокурено. На обеде семинаристы устроили мне демонстрацию: кричали, свистели, мычали, блеяли» (Вениамин (Федченков) 2003: 68–69).

Приведённые высказывания святых нелицеприятно указывают на действительную причину той катастрофы, которая обрушилась на наш народ, на нашу Церковь, уничтожив во мгновение ока всю эту внешнюю т. н. *славу и могущество:* множество её прекрасных храмов, монастырей, духовных школ, духовенства, монашества. Поэтому Святейший Патриарх Тихон призывал: «Никто и ничто не спасёт Россию от нестроений и разрухи… пока сам народ не очистится в купели покаяния от многолетних язв, а через то не возродится духовно в нового человека, созданного по Богу в праведности и святости истины (Еф.4: 24)» (Акты Святейшего Патриарха Тихона 1994: 163–164).

---

[7] Цит. по: (Флоровский 1981: 397).

[8] Цит. по: (Флоровский 1981: 425–426).

[9] Цит. по: (…И даны будут Жене два крыла 2002: 521–522).

Жизнь идёт по непреложным духовным законам, один из которых гласит: «Где будет труп, там соберутся орлы» (Мф. 24: 28). И история Церкви показывает: когда ослабевает внимание к единственной цели её существования — духовному исцелению человека, а проблемы плоско земные становятся преобладающими, в ней, то как в теле без души, начинается омертвение. Именно отсюда возникают, растут и умножаются всевозможные беды и в ней, и вне её. Ибо Церковь — это духовная закваска общества и ничто заменить её не может.

***

Но Бог, который «трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит» (Ис. 42: 3), из остатков спасающихся, способных к созиданию Церкви, продолжал воздвигать в ней истинных пастырей и наставников. Многие из них, прежде чем стать таковыми, прошли тяжёлый путь исканий, разочарований, даже отрицания Бога, а затем страданий, нередко до смерти, за найденную с великим трудом и подвигом веру во Христа. Как писал о себе Ф. М. Достоевский: «Не как мальчик же я верую во Христа и Его исповедую, а через большое горнило сомнений моя осанна прошла».

Одним из таких ищущих и нашедших Истину был выдающийся человек Николай Николаевич Воробьёв, впоследствии — игумен Никон. Он родился в 1894 году в крестьянской семье в Тверской губернии. В семье было шестеро детей, все — мальчики. В детстве Коля отличался особой честностью и удивительной сердечностью, любовью ко всем. Эти черты он сохранил во всю свою жизнь.

Интересно отметить один эпизод из его детской жизни. В их селе часто появлялся и подолгу у них жил юродивый по прозвищу Ванька-малый. И вот однажды, когда дети играли, он вдруг подошёл к Коле и, указывая на него, несколько раз повторил: «*Это — монах, монах*». Мальчишки, естественно, посмеялись. И лишь впоследствии, когда из всех братьев только Коля стал монахом, вспомнили это удивительное предсказание.

После начальной школы, которую Коля окончил блестяще, отец сумел устроить его в реальное училище в Вышнем Волочке. И здесь он сразу же обратил на себя внимание своими исключительными и разносторонними способностями. Он обнаружил прекрасные математические дарования, был великолепным стилистом (это видно и по его письмам, которые, как правило, не имели черновиков). Пел в хоре (тенор), играл на альте,

готовил рисунки к школьным мероприятиям, поскольку прекрасно чертил и рисовал. Младшие братья[10] рассказывали, что его рисунки продолжали и при них висеть в классах в качестве образцовых. При переходе из класса в класс он неизменно получал награду первой степени (похвальный лист и книгу).

Но в каких условиях жил и занимался Коля в реальном училище?

Из дома ему помогали лишь в начальных классах. Но он страстно хотел учиться. Поэтому, чтобы заработать на хлеб и заплатить за квартиру, после уроков Коля вынужден был идти и помогать отстающим обеспеченным товарищам. Трудности увеличились, когда туда же поступил его брат Миша, помочь которому мог только он. Нужда, голод и холод были его спутниками во всё время обучения. Зимой он ходил в лёгком бессменном пальто и в летних «штиблетах».

***

Его семья была традиционно православной, но кроме праздников, постов и обрядов не имела никакого знания о христианстве. Поэтому когда после манифестов Николая II о свободе печати, религии началась бурная атеистическая пропаганда, то молодёжь стала легко терять веру.

Это случилось и с Колей. Поступив в реальное училище, он поверил, что наука доказала небытие Бога, и с жаждой ринулся в изучение наук, считая, что они ответят на вопрос, не дающий ему ни днём, ни ночью покоя: зачем живёт человек, каков смысл его жизни? Но довольно скоро он понял, что эмпирические науки этими вопросами вообще не занимаются. Вместе с друзьями какое-то время увлекался восточными мистическими культами, йогой, буддизмом. Рассказывал, как однажды в полной тишине один из них продемонстрировал силу своей мысли. У всех на глазах на его руке стало появляться сначала розовое, затем багровое пятно, потом оно начало вспухать и превратилось в пузырь, как от ожога, который прорвался. Рана очень долго не заживала. Но и эти вещи ненадолго увлекли юношу.

И он полностью погружается в изучение истории философии, надеясь здесь найти ответ на всё тот же вопрос. Его ревность настолько была велика, что он часто, оставаясь в прямом смысле слова без куска хлеба, покупал на последние деньги интересную книгу. Так, с древнегреческой

[10] Его младшими братьями были: Саша (1895–1988), Миша (1899–1982), Вася (1903–1961), Володя (1906–1985). Старший брат Ваня скончался в отрочестве.

и европейской началось серьёзное изучение истории философии. Ещё в реальном училище он хорошо освоил немецкий, французский и древнегреческий языки, и это очень помогало ему разбираться в сложных лабиринтах философской мысли. Позже при аресте ему разрешили взять с собой очень маленькую книжечку на непонятном, и потому не опасном для людей, языке. Это было греческое Евангелие.

О степени его исканий в тот период жизни свидетельствует тот факт, что, уже будучи монахом и священником, он в своей библиотеке всё же имел книги далёкого прошлого. Так, одному из своих юных знакомых он давал читать диалоги Платона, «Творческую эволюцию» Бергсона, «Историю древней философии» Виндельбанда, «Очерк истории греческой философии» Э. Целлера и «Греческие мыслители» Т. Гомперца. Из русских мыслителей: А. С. Хомякова, прежде всего его «Несколько слов о западных исповеданиях», письма к Пальмеру и, конечно, «Церковь одна»; статьи И. В. Киреевского, особенно «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России»; «Оправдание добра» и некоторые статьи В. С. Соловьёва, хотя и негодовал на его сочинение «Россия и Вселенская Церковь»; «Смысл жизни» кн. Евгения Трубецкого; «Столп и утверждение Истины» о. Павла Флоренского, лекции которого в МДА, как он говорил, много дали ему в научном обосновании веры; «Два града», «Тихие думы» и, с оговорками, «Свет Невечерний» С. Н. Булгакова; сочинения Ф. М. Достоевского, которого считал лучшим писателем-психологом. Но в то же время резко отзывался о некоторых наших философах, оказавшихся за рубежом: «Возьмите Бердяева. Какие кощунственные выражения допускает он о святых отцах! Он их, значит, никогда не читал или читал одним кусочком мозга, без сердца, без души. Он совершенно не понимает христианства и потому писал ложь о святых отцах. И очень многие, особенно в эмиграции, писали о духовных вопросах совершенно неправильные, лживые вещи. Говорит о Боге, а сам — дьявол».

Батюшка хорошо был знаком с классической русской и зарубежной литературой. Всё это *приплывало* к нему от бывшей интеллигенции и хранилось, видимо, как некая память о тех годах, когда он искал истину жизни.

У него, конечно, было много и различной церковной литературы[11].

Истинным же сокровищем его библиотеки, как он говорил, были творения святых отцов. Их он искал всюду и собрал немало. Читал их

[11] Хочу отметить уникальный «Словарь к Новому Завету», составленный Петром Гильтебрандтом, который представляет большую богословскую ценность, особенно для библеистики, и нуждается в переиздании.

постоянно, можно сказать, ежедневно и много. На них была основана вся его проповедь в храме.

Чем больше приобретал он знаний и становился взрослее, тем более обострённо чувствовал и осознавал, что наука и философия ответа ему на бессмысленность этой жизни, неминуемо кончающейся смертью, не дают.

В конце жизни он говорил: «Изучение философии показало — каждый философ считал, что он нашёл истину. Но сколько их, философов, было? А истина одна. И душа стремилась к другому. Философия — это суррогат; всё равно что вместо хлеба давать жевать резину. Питайся этой резиной, но сыт будешь ли? Понял я, что как наука ничего не говорит о смысле жизни, о Боге, о будущей жизни, так не даёт ничего и философия».

***

В 1914 году, двадцати лет, Николай блестяще оканчивает реальное училище, но выходит из него без радости. Разуверившись и в науке, и в философии, он предпринимает ещё одну попытку найти научный ответ на главный вопрос жизни: кто есть человек, зачем он живёт? Он поступает в Психоневрологический институт в Петрограде. Однако и здесь его постигло глубокое разочарование. «Я увидел: психология изучает вовсе не человека, а его “кожу”: сознательные и бессознательные реакции, чувства, мысли, память, внушение, скорость психических процессов и т. п. Сплошной материализм, ни о каком смысле жизни и речи нет, всё находится в том же замкнутом пространстве переживаний, ощущений, эмоций, которые есть и у высших животных. А где же человек? Всё списали у немцев. Такая чепуха, что это тоже оттолкнуло меня»[12].

Окончив первый курс, он ушёл из института. Наступил тяжёлый духовный кризис. Никакой перспективы жизни, кроме неминуемой смерти, нет. Начала приходить мысль о самоубийстве. Позднее, вспоминая то время, он писал: «Я когда-то был настолько наивен, что хотел познать душу, изучая курсы психологии. Сколько глупостей делаешь в молодости, когда нет у тебя руководителя».

И вот однажды летом 1915 года, в Вышнем Волочке, когда Николай ощутил такое состояние полной безысходности, у него, как молния, промелькнула мысль о детских годах веры: а что, если действительно Бог существует? Должен же Он открыться? И вот юноша, неверующий, от всей

[12] Здесь и далее цитируется с магнитофонной записи.

глубины своего существа, почти в отчаянии, воскликнул: «Господи, если Ты есть, то откройся мне! Я ищу Тебя не для каких-нибудь земных, корыстных целей. Мне одно только надо: есть Ты или нет Тебя?» И… Господь открылся.

«Невозможно передать, — говорил батюшка, — то действие благодати, которое убеждает в существовании Бога с силой и очевидностью, не оставляющей ни малейшего сомнения у человека. Господь открывается так, как, скажем, после мрачной тучи вдруг просияет солнышко: ты уже не сомневаешься, солнце это или фонарь кто-нибудь зажёг. Так Господь открылся мне, что я припал к земле со словами: “Господи, слава Тебе, благодарю Тебя! Даруй мне всю жизнь служить Тебе! Пусть все скорби, все страдания, какие есть на земле, сойдут на меня, — даруй мне всё пережить, только не отпасть от Тебя, не лишиться Тебя”».

Долго ли продолжалось это состояние: час, два, он точно не помнил. Но когда поднялся с колен, то услышал мощные, размеренные, уходящие в бесконечность удары церковного колокола. В первый момент он не придал этому значения, полагая, что звонят в монастыре, который был неподалёку. Но звон не прекращался, да и время не для благовеста — за полночь.

Николай недоумевал относительно этого звона, опасаясь, не галлюцинация ли это? Объяснение пришло позже, когда он нашёл подобное же в автобиографических заметках у С. Н. Булгакова в «Свете Невечернем», вспомнил рассказ Тургенева «Живые мощи» в «Записках охотника», где Лукерья тоже говорила, что слышит звон «сверху», не смея сказать «с неба». Он понял, что Господь наряду с внутренним откровением иногда являет человеку и особые внешние знаки для его большего удостоверения.

Так буквально в «пограничной ситуации» совершился полный переворот в мировоззрении. Бог явил Себя тому, кто искал Его всеми силами своей души. Господь ответил на эти искания и дал ему *вкусить и увидеть*, что Он *есть* и что Он *благ*.

***

Но юноша совершенно не знал, что теперь делать и каков должен быть путь его новой жизни, чтобы не утратить найденной истины. Батюшка рассказывал, как в школе учили Закону Божьему. Преподавание велось настолько мертво, схоластично, что уроки Закона Божьего, вспоминал он, превращались во «время острот и кощунств». Неслучайно преподобный Варсонофий Оптинский говорил: «Революция вышла из семинарии».

Игумен Никон в связи с этим часто говорил, что именно по причине такого «духовного» образования самые злые безбожники выходили из стен духовных школ, а наш народ легко поддался атеистической пропаганде.

Вот что говорил отец Никон о своих дальнейших шагах жизни после обращения. «Я был поражён, когда после такого откровения Божия вошёл в церковь. И раньше ведь приходилось: и дома заставляли ходить, и в средней школе нас водили в церковь. Но что там? Стоял как столб, не интересовался, занимался своими мыслями, и всё.

И вот первое ощущение в церкви после пережитого состояния, что человек — не на земле. Церковь — не земля, это кусочек неба. Какая радость была слышать: “Господи, помилуй!” Это вызывало какое-то восхищение, радость, насыщало…

И когда человек вот так придёт, припадёт ко Господу: “Господи, сам я ничего не знаю (на самом деле, что мы знаем?), делай со мной, что хочешь, только спаси”, тогда Господь начинает вести человека Сам».

И Господь повёл его. «Повёл так, что я после этого года два в Волочке жил, занимался с книгами, молился дома». Это был период «горения» сердца. Он не видел и не слышал того, что делалось вокруг него. Эти два года жизни были у него временем настоящего аскетизма. Впервые он познакомился здесь с творениями святых отцов, впервые, по существу, с Евангелием. Вот что рассказал он об этом периоде:

«И только у святых отцов и в Евангелии я нашёл действительно ценное. Когда человек начнёт бороться с собой, будет стремиться идти путём евангельским, то ему святые отцы сделаются необходимыми и своими родными. Как тоску, уныние, рвоту вызывали эти философии и всякие сектантские гадости, так, наоборот, как к родной матери, приходил к Отцам. Они меня утешали, вразумляли, питали.

Потом [в 1917 г.] Господь дал мысль поступить в Московскую духовную академию. Это много для меня значило». По его словам, благодаря лекциям отца Павла Флоренского он получил здесь теоретическое обоснование бытия Бога, духовного мира, понимание смысла жизни.

Но через год академия была закрыта.

«Затем Господь устроил так, что я ещё несколько лет мог пробыть в Сосновицах [Тверская губерния] один, в уединении». Здесь в средней школе он, имея небольшое количество часов, преподавал математику. Однако его уволили из школы после того, когда он отказался заниматься на Пасху.

В 1925 году он переезжает в Москву и устраивается псаломщиком в Борисоглебском храме. Здесь он близко сходится с настоятелем храма Николаем Семеняко (в монашестве — Феофаном), которого вскоре возводят во епископа и направляют в Минск. С ним едет и Николай. Там в Козыревской церкви он организует хор, которым и руководит.

***

В Минске 23 марта (5 апреля по н. ст.) 1930 года состоялся монашеский постриг Николая Николаевича. Он получил имя в честь игумена Радонежского Никона, а затем был рукоположен и во иеромонаха.

Немногие решались на подобный подвиг в это время гонений. Этот шаг был действительным отречением от мира и прямым путём на Голгофу! Она не замедлила прийти и к иеромонаху Никону. В одном из писем он чуть-чуть поделился воспоминанием об этом периоде своей жизни:

«Сегодня, 5/IV–30 года, было Вербное воскресенье. Я получил новое имя. А через три года, тоже 5/IV–33 г., я был verhaften [арестован]. Это было действительно отречение от всего. Наше поколение (их уже мало в живых) буквально было навозом для будущих родов. Потомки наши не смогут никогда понять, что пережито было нами. Достойное по делам нашим восприняли. Что-то вы воспримете? А едва ли вы лучше нас. Да избавит вас Господь от нашей участи!»

Начались первые допросы, некоторые подробности которых стали известны благодаря инициативе священника Феодора Кривоноса, которому разрешили ознакомиться с архивами КГБ в Минске, в том числе и с делом о. Никона. Он был обвинён в антисоветской агитации. Отец Никон на допросах заявлял: «В служители культа я перешёл потому, что мои внутренние искания Бога и Истины привели меня в результате долгих размышлений и переживаний к несомненному убеждению в бытии Бога и необходимости религии для спасения души. Твёрдо веруя в Бога, естественно было прийти к желанию и служить ради Бога, особенно в настоящее время, когда нельзя заподозрить в этом какие-либо корыстные цели» (Кривонос 2007: 169). «В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю́ и поясняю, что в контрреволюционных организациях не состоял и не состою. Рясу одел по глубокому убеждению в существовании Бога. Пришёл к этому убеждению в результате исканий всей своей жизни» (Кривонос 2007: 170). На допросах о. Никон не оговорил ни одного

из своих собратьев и сотрудников. Его приговорили к пяти годам заключения (каторги). Он строил Комсомольск-на-Амуре.

В лагере незадолго до своего освобождения о. Никон на короткое время встретился со знакомым епископом Феодосием, который дал ему следующий документ (на всякий случай):

«*19/1–1937 г.*
г. Комсомольск-на-Амуре

Удостоверение

Предъявитель сего иеромонах Никон, в мире Николай Николаевич Воробьёв в вере верности заветам Святой Православной Церкви твёрд, в слове Божием и святоотеческой литературе весьма начитан, жизни и образа мыслей строго православно-христианского. Крест уз лагерных нёс терпеливо, без уныния и скорби, подавая своею жизнию добрый пример всем его окружающим. С пользою для Православной Церкви может быть использован как приходский пастырь и даже как ближайший верный сотрудник епархиального святителя, что удостоверяю.

Феодосий (Ващинский),
епископ Кубанский и Краснодарский,
б. Могилевский».

Тяжёлая рана от этого ареста, перенесённых жестоких допросов и ожидания в любой момент нового ареста и после освобождения очень долго приносили ему страдания. Ещё в Гжатске (с 1948 года) он спал не раздеваясь. Каждый ночной стук приводил его в напряжение — арестовывали ведь по ночам. Так было в те 1920–1950-е годы. Но вот однажды, уже после смерти Сталина, батюшка вдруг радостно сказал: «Всё, меня не арестуют. Сегодня я ощутил полное освобождение от гнёта, почувствовал, что всё прекратилось». Видимо, вопрос о его аресте стоял.

***

Вследствие зачёта рабочих дней, а в действительности прямым Божьим чудом, батюшка был досрочно освобождён в 1937 году. Его с понятным риском для себя принял в Вышнем Волочке в качестве универсальной прислуги отец товарища по Реальному училищу авторитетный в городе хирург Михаил Львович Сергиевский (1872–1955), заступничество которого потом не раз спасало о. Никона от нового ареста.

Он жил на втором этаже флигеля в небольшой комнатке. Основной дом, флигель и вся большая, порядка полутора гектаров, усадьба ещё целы. На ней батюшка один насадил большой фруктовый сад и огород. Невольно поражает тот объём работ, который выполнял он один! Сейчас, к сожалению, весь участок зарос, запущен — ухаживать некому.

Но здесь ему пришлось пройти ещё один суровый курс науки терпения. Жена врача Александра Ефимовна и её сестра, также врач, Елена Ефимовна были убеждёнными атеистками и в открытой, саркастической форме выражали своё отношение к христианству и к монаху-служке. О том, как он реагировал на это, лучше всего говорят последующие факты из жизни этой семьи. Обе сестры в конечном счёте оставили веру в атеизм и стали настоящими христианками. И привели их ко Христу не просто ум, энциклопедические познания и ясные ответы на самые, казалось бы, сокрушительные вопросы о христианстве о. Никона, но прежде всего его подвижничество и поразительное терпение.

История обращения первой из сестёр очень интересна и необычна. Её описала в своём дневнике Елена Ефимовна.

«30 мая 1940 года. Ещё после смерти сестры, Александры Ефимовны, явилось у меня желание описать её болезнь и смерть, и то, что она частично открывала нам о себе. Пусть то, что я расскажу, послужит во славу Божию.

Сестра моя была неверующая всю свою жизнь. Идеи сестры насчёт веры, Бога и религии были типичны для интеллигента её времени. Она относилась нетерпимо ко всему, что касалось религии, и возражения её часто носили циничный характер. В эти годы в нашем доме жил Николай Николаевич (отец Никон). Я всегда страдала от её тона и не любила, когда Николай Николаевич затрагивал эти вопросы. Любимым возражением сестры на все доводы Николая Николаевича были слова: “Написать-то всё можно, все книги о духовном содержат одно враньё, которое только бумага терпит”.

Она безнадёжно заболела (рак желудка) и не переставала глумиться над верой, стала очень раздражительной, потеряла сон, аппетит и слегла в постель. Сперва за больной ухаживал её муж, но от бессонных ночей он стал валиться с ног. Днём у него было много работы в больнице. Тогда мы ввели ночные дежурства с Николаем Николаевичем. У неё был период сильной раздражительности, требовательности, она каждую минуту требовала что-нибудь. Когда ей стало трудно напрягать голос, Николай Николаевич провёл электрозвонок к её изголовью. Он сидел по ночам в комнате больной.

Приехала из Ленинграда жена старшего сына больной — Е. В., но она недолго погостила. Ей больная рассказывала о своём видении. Видела она, как в комнату вошли семь старцев, одетые в схиму. Они окружили её с любовью и доброжелательством и сказали: “Пусть она его молитвами увидит свет!” Николай Николаевич запретил говорить “его молитвами”, а Е. В. утверждала, что больная говорила именно так. Это явление повторилось несколько раз.

Тогда больная сестра обратилась к Н. Н. с просьбой об исповеди и Причастии.

Она не говела сорок лет. Просьбу больной Н. Н. выполнил сам, и видения прекратились. В душе больной совершился перелом: она стала добра и кротка со всеми. Стала ласкова. [Эта перемена чрезвычайно поразила домашних и всех знавших её.] Н. Н. рассказывал, что после Причастия она рассуждала с ним о том, что если бы это галлюцинации были, то почему же они сразу прекратились после Причастия Святых Тайн и повторялись несколько раз до него? Ум её работал до последнего вздоха. Она сказала, что если бы она выздоровела, то первая её дорога была бы в церковь, в которой она не была сорок лет. Сознание у неё было ясное, и она много думала и говорила: “Каждый человек должен умереть в вере отцов!”»

Эту историю рассказывал и сам батюшка, но передавал только следующие слова старцев: «У вас в доме есть священник, обратись к нему».

О второй сестре, Елене Ефимовне, батюшка говорил, что, уверовав, она так каялась, как ещё никто в его священнической практике. Это было стенание из глубины души. Она приняла монашеский постриг с именем Серафимы. Когда в 1950 году она скончалась и её, врача, как было принято в те времена, хоронили от больницы торжественно, с музыкой, никто не знал, что под подушкой в гробу лежали мантия, параман, чётки.

С открытием церквей батюшка приступил к священнослужению. В 1944 году епископом Калужским Василием он был назначен настоятелем Благовещенской церкви города Козельска, где и служил до 1948 года.

Здесь он жил на квартире у монахинь и вёл в полном смысле слова подвижнический образ жизни. По воспоминаниям общавшихся с ним в то время, он был невероятно истощённым. В маленькой (5–6 кв. метров), отгороженной невысокой тесовой перегородкой комнатушке он всё своё свободное время проводил в молитве (так говорили монахини, которые потихоньку подглядывали и часто видели его стоящим на коленях).

Литургию совершал он кроме воскресных и праздничных дней каждые среду, пятницу, субботу и даже в небольшие праздники. Как правило, проповедовал за каждой литургией, часто и в будни, иногда и за вечерним богослужением, хотя бы народу было и немного. Его проповеди производили сильное впечатление на верующих, поскольку объясняли Евангелие, как правильно молиться, что такое смирение, покаяние — основы духовной жизни.

В 1948 году отца Никона начали *гонять* по приходам: сначала перевели в г. Белев, затем в г. Ефремов, далее — в г. Смоленск. Его прекрасные проповеди никому не давали покоя, в том числе, нередко, и собратьям. Из Смоленска епископом Сергием в том же 1948 году он был направлен в город Гжатск (ныне Гагарин), по словам батюшки — в ссылку. Позднее он писал: «Чтобы остаться в “Окопах”[13], надо было поступить так, как все делают, а я не хочу; вторая причина — боятся меня везде, думают, что всё потечёт ко мне… Да будет воля Божия. Лучше жить в захолустье, но с чистой совестью, чем в столице, но путём неправым. Люди, в конце концов, только орудия в руках Божиих. И дурные действия Господь направляет ко благу».

Отец Никон вёл строгий монашеский образ жизни. Вставал в пять-шесть часов, ложился около двенадцати. В неслужебные дни до самого завтрака, который был где-то в одиннадцать часов, молился и читал Новый Завет, толкования, святых отцов. Молился и днём, делая пятисотницу (триста молитв Иисусовых, сто — Божией Матери и по пятьдесят всем святым и Ангелу Хранителю), иногда приглашая к этому и других. Ел мало. Редко, лишь по какому-то особому случаю, мог выпить немного сухого вина.

У него был дар непрестанной молитвы, который обнаружился случайно. Однажды он так угорел в бане, что потерял сознание. И когда его несли, то окружающие с удивлением услышали, как он, не приходя в себя, непрерывно произносил молитву Иисусову. Особенно поражены были прибывшие медработники скорой помощи. Но иногда и на фотографиях видно его самоуглублённое состояние.

Постоянным чтением игумена Никона были святоотеческие творения, Отцы Добротолюбия, жития святых, проповеди, толкования, редко — учёно-богословские и философские сочинения. Особенно тщательно и постоянно он перечитывал и изучал творения святителя Игнатия

[13] Один из районов в Смоленске, где был действующий храм.

(Брянчанинова), которого в качестве истинно духовного отца настоятельно завещал всем своим духовно близким. Его творения батюшка считал лучшим руководством для нашего времени в духовной жизни. Он особенно подчёркивал, что без постоянного руководства творениями святителя монашество в наше время невозможно. Вообще он много читал. Если ему в руки попадала интересная книга, то он не расставался с ней целый день, мог не спать и ночь, пока не прочитывал её. Зная французский и немецкий языки, он иногда читал и иностранную литературу.

Он никогда не оставлял на будущее разрешение вопроса, возникшего при чтении Священного Писания. Сразу же брал имеющиеся у него толкования на Новый Завет: святителя Иоанна Златоуста, блаженного Феофилакта, святителя Феофана (Говорова), архиепископа Никифора (Феотоки), архимандрита (потом епископа) Михаила (Лузина), прот. Василия Гречулевича, Александра Иванова. Толкование отдельных мест он находил в творениях святых отцов, преимущественно аскетических, которые постоянно и тщательно изучал.

Имущества у него никакого не было. В Гжатск приехал, имея старую зимнюю рясу одного оптинского иеромонаха, поношенный тёплый подрясник, который он через некоторое время сжёг ввиду полной его ветхости, летнюю рясу с двумя или тремя лёгкими подрясниками. Вот и всё его имущество, если не считать ещё нескольких алюминиевых ложек и вилок. Он органически не мог переносить чего-то сверхнеобходимого, называя всё это мусором, захламляющим душу. Многая имения, повторял он, умножает печаль (заботы). Был решительным противником всякой красивости, мягкости, элементов какой-либо роскоши, говоря, что всё это развивает в человеке тщеславие, праздность и глупое, пустое самомнение. Его одежда всегда была сшита из самого дешёвого материала портнихой-самоучкой и выглядела иногда довольно неуклюже. Но он был доволен этим. Всячески предостерегал от привязанности к вещам, удобствам, комфорту и их источнику — деньгам. Сам постоянно помогал, чем мог, очень многим. Уже после его кончины обнаружились несколько случаев, когда он неожиданно давал деньги совсем незнакомому человеку, находившемуся в отчаянном положении.

Он никогда не снимал подрясника — ни дома, ни в городе, в том числе и в Москве, ни на огородных и других работах, на которых трудился много, иногда до изнеможения. И в то же время никогда не одевал монашеской мантии, клобука, говоря, что эта форма естественна в монастыре, но не

на приходе. Многие одеждой хотят показать свою духовность. Но духовность — в жизни, а не в одежде. На приходе и рясы достаточно.

Он не позволял сделать себе какую-либо услугу, что-то принести, убрать и проч., поскольку считал, что без крайней нужды нехорошо, грешно пользоваться трудом другого человека. Пока были силы, много трудился физически. Трудился до полного изнеможения. Он сам загружал и вычищал в доме котёл, который топился углем и был очень неудобным для пользования, делал парники, высаживал в них разные овощи, копал огород, обрабатывал плодовые деревья и кустарники, пилил и колол дрова и т. д. Насадил огромный сад в Вышнем Волочке, два сада в Козельске. В Гжатске — не только большой сад и питомник, из которого бесплатно раздавал всем желающим в городе яблони, вишни, груши, смородину, крыжовник. Много пришлось ему проводить и строительно-ремонтных работ.

Игумен Никон не выносил праздности и всегда что-то делал: читал, молился, много трудился физически, разговаривал на духовные, иногда богословские, темы. Политические темы практически не затрагивал. Но о событиях революции 1917 года говорил: «Как будто ад выплеснул на нашу землю». О Западе он повторял следующие слова: «Европейские народы всегда завидовали России, старались делать ей зло. Естественно, что и на будущее время они будут следовать той же системе» (Епископ Игнатий (Брянчанинов) 1875: 31). Поэтому говорил: «Хорошо, что у нас граница закрыта. Это великая милость Божия к нашему народу. Нас бы завалили (особенно Америка) дьявольской, сатанинской и сектантской литературой, а русские люди очень падки на всё заграничное и окончательно погибли бы». Прочитав «Один день Ивана Денисовича», сказал: «Солженицын, видимо, был на курорте, а не в лагере заключённых». Когда умер Сталин и велено было служить панихиду, то после неё поделился: «Молился от всей души, и думаю, что хотя на одного беса стало меньше около него».

Он был человеком, который не знал, что такое человекоугодие, и не выносил людей льстивых, лукавых. Последним от него обычно доставалось. Он говорил, что льстит тот, кто сам жаждет получить похвалу, и самый отвратительный человек — лукавый.

Вёл себя батюшка чрезвычайно просто. С ним легко было разговаривать, независимо от разницы в возрасте. Был рад, когда задавали вопросы по существу, особенно о духовной жизни. Мог иногда и пофилософствовать, побогословствовать. Но не терпел пустых разговоров, воспоминаний, пересудов и т. п.

Батюшка очень любил лес, который был в пяти минутах ходьбы от дома. Ходил в любое время года. Летом за грибами с ним обычно собиралась целая команда, от мала до велика, поскольку в это время и к батюшке, и к его близким приезжали многочисленные родные, дети, внуки. Но было не просто весело, а полезно. Поскольку на привале обычно начинались разговоры, вопросы, ответы.

Иг. Никон очень боялся дешёвой народной молвы, говорил, что народ всегда ищет чудотворцев, прозорливцев, целителей, блаженных, но не тех, кто помог бы избавиться от тщеславия, зависти, гнева, самолюбия.

«Народ в своём подавляющем большинстве, — скорбел батюшка, — совершенно не знает христианства и ищет не пути спасения, не вечной жизни, а тех, кто бы помог ему что-то “сделать”, чтобы сразу избавиться от той или иной скорби». Приходящим к нему с подобным настроением он говорил: «Не хочешь скорбей — не греши, раскайся искренне в своих грехах и неправдах, не делай зла ближним ни делом, ни словом, ни даже мыслью, почаще храм посещай, не откладывай надолго причащение, молись, относись с милосердием к своим близким, соседям, прощай всех, тогда Господь и тебя помилует, и если полезно, то и от скорби освободит». Некоторые после таких слов уходили недовольными, так как ожидали, что скажет, какую молитву перед какой иконой читать или кому молебен заказать, в какой монастырь к какому прозорливому поехать, что «сделать», — а он строго говорил о необходимости примириться со всеми, перестать воровать, лгать, клеветать, почаще исповедоваться и причащаться.

Суть его наставлений прекрасно выражена в его письмах, которые многократно издавались под разными названиями: «Нам оставлено покаяние», «Письма о духовной жизни», «Внимай себе» и др. Он говорил и писал о том, что сущность проповеди Спасителя заключается в призыве к духовному и нравственному изменению себя через познание повреждённости человеческой природы и неспособности её исцеления своими силами от страстей, прежде всего глупейшей из них — гордости. Через это познание себя совершается истинное покаяние, обращённое к Христу Спасителю, Который и исцеляет нас.

***

Его письма наиболее сильно свидетельствуют о нём, как он верил, чем жил и чему учил тех, кто к нему обращался.

Есть целый ряд и других фактов, говорящих о том, кто он.

ВАНЬКА-МАЛЫЙ

Интересно отметить один эпизод из его детской жизни. В их селе часто появлялся и подолгу жил юродивый по прозвищу Ванька-малый, которого охотно привечали родители Коли. И вот однажды, когда дети играли дома, этот юродивый вдруг подошёл к Коле и, указывая на него, несколько раз повторил: «*Это — монах, монах*». Эти слова ничего, кроме смеха, ни у кого не вызвали. Лишь впоследствии, когда из всех братьев только Коля стал монахом, вспомнили это удивительное предсказание.

Этот Ванька-малый был действительно прозорливым. Он также за несколько десятков лет предсказал смерть матери Коли в Таганроге. Както, подойдя к ней и сложив руки трубочкой, стал наигрывать: «Дуру-дара, дуру-дара, в Таганроге жизнь скончала». В семье тогда никто даже не слышал о существовании такого города. В 1930-х годах она действительно переехала в Таганрог к сыну Василию и там скончалась.

Вот несколько рассказов разных людей об игумене Никоне от первого лица.

ЛИЗА

У этой девушки руки и ноги едва двигались. Иг. Никон на Успение Божией Матери опустил на её голову плащаницу, и её руки исцелились. И она потом в течение 60 лет работала портнихой. Она рассказывала: «Я сразу не обратила внимания на руки, но когда приехала домой, вдруг увидела — руки-то здоровы».

КОШКА С КОТЯТАМИ

Однажды в Козельске батюшку пригласили домой на чай. Мне было 7 лет. Я встретил его на улице и рассказал о своей трагедии — окотилась кошка, а котят не кормит. Он меня погладил по головке и говорит: «Ну, ничего». И я с ним пошёл домой. Там сели за стол. И вдруг кто-то с улыбкой показывает на пол. Перед всеми нами на полу растянулась наша кошка, мурлычет и кормит своих котят. Я, понятно, пришёл в неописуемый восторг. И на всех этот случай, помню, произвёл большое впечатление.

МОЙ РОСТ

У меня рост был менее 150 см. И я не рос. Но вот однажды, когда мне исполнилось 15 лет, батюшка вдруг подзывает меня, это было

в конце мая, ставит к двери, берёт линейку, карандаш и говорит: «Так, ну давай-ка измерим тебя». И отчеркнул. Затем почти каждую неделю опять измеряет и приговаривает: «Смотри-ка, ещё прибавилось!» И так продолжалось почти до конца августа. И вдруг он прекратил. Я стал просить, а он говорит: «Ты что, хочешь выше Бога стать?» За эти менее чем 3 месяца я так сильно вырос, раздвинулся в плечах, что когда 1 сентября зашёл в класс, то был общий вопль: «Ой, Алик-то какой!» Объяснить это обычным изменением в переходном возрасте невозможно, поскольку процесс роста в этот период продолжается годами. Я же больше не подрос ни на один сантиметр. Здесь всё неожиданно началось и столь же неожиданно закончилось в течение 2,5–3 месяцев.

ВАЛЯ

Однажды у моей двоюродной сестры семи лет заболел животик. Подсказали ей: зайди к батюшке в комнату, скажи ему. Она постучалась, вошла. Он её расспросил, погладил по головке, дал ей даже какую-то денежку, и она, размахивая ею, вышла. О том, что живот болел, она даже и не вспомнила.

ТЁТЯ ПОЛЯ

Однажды в 5 часов утра стучится к батюшке страшно перепуганная моя двоюродная сестра: «Батюшка, умирает моя мама, невыносимые боли, она уже как мёртвая, что делать?» Батюшка наливает столовую ложку кагора в стакан и говорит: «Дай ей выпить». Она выпивает и скоро засыпает. Потом у неё таких приступов больше не повторялось. Неужели столовая ложка кагора могла так быстро исцелить её от приступа в почках?

ТРИ ДНЯ ПРИЧАЩАЛАСЬ

Приехала издалека одна незнакомая женщина, по каким-то трудным обстоятельствам в жизни. Отец Никон её принял, поисповедовал и сказал, чтобы она на следующий день причащалась. Она так сделала и хотела уехать. А он говорит: «Нет, нет, оставайся. Завтра ещё раз причастись». Она удивилась, но послушалась. Осталась, причастилась и приходит, чтобы проститься. А он опять говорит: «Нет, останься ещё на день и причастись. Она отвечает: «Батюшка, меня же там ждут!» Он же твёрдо говорит: «Нет, нет, нет, останься». Она послушалась, осталась,

причастилась. И он говорит: «Ну, вот теперь езжай». В Москве её насмерть сбивает трамвай. Случай просто невероятный, такая подготовка к кончине!

НАТАЛЬЯ ГЕОРГИЕВНА

Она в отчаянии, ей срочно нужно было ехать в Москву на операцию, а денег не было и занять не у кого. И вдруг её неожиданно догоняет иг. Никон и даёт конверт, в котором была необходимая сумма. Лично они знакомы не были.

АМВРОСИЙ ОПТИНСКИЙ

Где-то дней за 10 перед своей кончиной батюшка попросил, чтобы зачитали то место из жития преподобного Амвросия Оптинского, где говорится, что по его кончине от тела начался запах тления. Эту просьбу исполнили, не придав ей никакого значения. Но накануне погребения отца Никона во второй половине ночи на 9 сентября двое из читавших по два часа Евангелие у гроба один за другим ощутили сильный запах тления. Огорчение трудно передать — что будет за литургией, когда на отпевание придёт народ? Однако произошло нечто поразительное. Запах продолжался только три-четыре часа и прекратился. Уже при последующем чтении Евангелия ночью и затем при совершении литургии, при отпевании, во время погребения ни малейшего запаха уже не было!

КОНЧИНА

Последнее время беспокоились, как бы батюшка не скончался один. Но он твёрдо заверил: «Не беспокойтесь, когда надо, всех позову». И действительно, когда 7 сентября в полдень он тихо кончался, все собрались около него в эти минуты и со свечами в руках совершили отходные молитвы.

ПРАЗДНИК

В день погребения храм был переполнен, как на Пасху. Все стояли со свечами. Многие плакали. Ещё бы — все переживали кончину своего любимого наставника. Но произошло такое, что поразило многих, — они ощутили необычные мир и радость в душе, когда происходило отпевание. Эту непонятную радость и чувство какого-то большого праздника настолько сильно ощущали и не могли скрыть даже самые близкие

и родные батюшки, что просто удивлялись. И уже потом тайну этого состояния открыл великий учитель батюшки Никона святитель Игнатий (Брянчанинов). Он написал такие удивительные слова: «Видел ли кто тело праведника, оставленное душою? Нет от него зловония, не страшно приближение к нему; при погребении его печаль растворена какою-то непостижимою радостью. Черты лица, застывшие такими, какими они изобразились в минуты исшествия души, иногда почивают в глубочайшем спокойствии, а иногда светит в них радость усладительных встречи и целования — конечно с Ангелами и с ликами святых, которые посылаются с неба за душами праведников» (Игнатий (Брянчанинов) 1905: 384).

ПОМИНКИ

Дома, естественно, готовили поминки человек на 30. В храм пришло несколько сот человек. И вот мой двоюродный брат, который служил священником с батюшкой Никоном последние 10 лет, вдруг по окончании отпевания с амвона объявляет: «А теперь, пожалуйста, если кто желает помянуть батюшку игумена Никона, то заходите к нам». Вы понимаете, что это такое? На 30 человек готовили. А тут сотни. Как быть? У него спрашиваем: «Что ты сделал?» Он, бедняга, сам не знает. И вот что было дальше.

Факт, который совершился на наших глазах. Приходит группа 30 человек, сажают за стол, угощают. Уже ждёт другая группа. А там уже стоят другие — ну как же не помянуть батюшку Никона. И так несколько групп. И из тех же кастрюль, чугунов, сковород опять накладывают. И всем хватило! Оказывается, не только пятью хлебами Христос накормил пять тысяч, но как сказал: *и се, Я с вами во все дни до скончания века*, — так и совершает!

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО К ПРИХОЖАНАМ ГОРОДА ГЖАТСКА

22 августа 1963 г.

Дорогие прихожане!

Почти 15 лет я служил в этом храме. Несомненно, кого-нибудь обидел, многие, может быть, остались недовольны мною. Вот я отхожу в вечность и при гробе прошу прощения у всех. Сам я крайне доволен всеми прихожанами, от многих видел искреннюю любовь к себе. Благодарю всех, и любящих, и недовольных, всех благодарю и искренне

у всех прошу прощения. Земно кланяюсь вам, простите меня ради Христа, не помяните злом.

Кто может, хоть изредка поминайте о упокоении грешного вашего священника.

Всё время я старался от всей души наставить вас на правильный путь. Большинство не понимает христианства. Некоторые поняли; поняли, что самое главное — понуждать себя к деланию заповедей Христовых и каяться в своих недостатках и нарушениях заповедей, каяться всегда, считать себя негодными для Царствия Божия, умолять Господа о милости, как мытарь: Боже, милостив буди мне, грешнику.

Вот мой завет умирающего: кайтесь, считайте себя, как мытарь, грешниками, умоляйте о милости Божией и жалейте друг друга.

А кто из вас обидел меня, кто ненавидел (были такие) праведно или ложно, да простит вам всем Господь. От искреннего сердца прошу, чтобы Господь всех вас простил и вразумил, и привёл ко спасению.

Благословение Божие да будет со всеми вами во веки. Поминайте меня, грешного. Аминь.

13 августа 1963 г.

ЗАВЕЩАНИЕ

Очень прошу всех родных и близких твёрдо держаться православной христианской веры и прилагать до смерти все усилия ко спасению души через исполнение евангельских заповедей и частого (не меньше одного раза в год[14]) исповедания грехов и причащения. В течение моей жизни я находил утешение в самых тяжких обстоятельствах и искушениях лютых — в вере в Господа Иисуса Христа и в молитве.

Прошу жалеть и любить друг друга, помогать взаимно в материальной и духовной нужде. Где мир и любовь — там Бог, там радость и спасение, а вражда и зависть от дьявола.

Спасайтесь.

И. Никон

[14] Завещание было адресовано и к тем людям, среди которых были и считавшие нормальным причаститься один раз в несколько лет. Батюшка советовал причащаться не реже одного раза в месяц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / сост. [и авт. примеч.] М. Е. Губонин. — Москва : Изд-во Православ. Свято-Тихонов. богослов. ин-та : Братство во имя Всемилостивого Спаса, 1994. — 1063 с.

Вениамин (Федченков), митр. Письма о монашестве. — М., 2003. — 190 с.

Епископ Игнатий (Брянчанинов). Письма к Антонию, игумену Череменецкому. — М., 1875. — 41 с.

...И даны будут Жене два крыла: сб. к 50-летию Сергея Фомина. — М., 2002. — 703 с.

Игнатий (Брянчанинов), свт. Творения. — СПб., 1905. — Т. 1. — 570 с.

Иларион (Алфеев), митр., Олег Корытко, прот., Валентин Васечко, прот. История религий. — М. 2016. — 776 с.

Иоанн Кронштадтский, св. Предсмертный дневник. — М., 2003. — 349 с.

Кривонос Фёдор, свящ. У Бога мёртвых нет. — Минск, 2007. — 240 с.

Новосёлов М. А. Письма к друзьям. — М., 1994. — 352 с.

Письма митр. Филарета епископу Иннокентию (Сельно-Кринову). Письмо 55, январь 1828 // Прибавления к изданию святых отцов. — Ч. 24. — М., 1871.

Письма митр. Филарета епископу Иннокентию (Сельно-Кринову). Письмо 137, январь 1828 // Прибавления к изданию святых отцов. — Ч. 25. — М., 1872.

Столп Православной Церкви. — Петроград, 1915. — 844 с.

Феофан, свт. Путь ко спасению. Краткий очерк аскетики. — М., 2008.

Флоровский, Г. В. Пути русского богословия. — Париж: ИМКА-ПРЕСС, 1981. — 599 с.

Сведения об авторе:
Осипов Алексей Ильич — доктор богословия, заслуженный профессор Московской духовной академии, 141300, Московская область, Сергиев Посад, Территория Лавра, Академия.

Конфликт интересов:
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 08.08.2022; одобрена после рецензирования 13.11.2022; принята к публикации 18.04.2023.

A. I. Osipov

MOSCOW THEOLOGICAL ACADEMY,
SERGIEV POSAD, RUSSIA

The Origins of Catastrophe and Our Last Mohicans. Hegumen Nikon (Vorobyov)

Abstract. This article narrates the life journey, theological ideas, and pastoral practices of one of the eminent Orthodox ascetics in the history of the Russian Orthodox Church — Hegumen Nikon (Vorobyov) (1894–1963). In his youth, influenced by the spirit of the time, he was initially an atheist, fervently studied various sciences and philosophy. However, not finding what he sought in philosophy, he ardently turned to faith. In the "borderline state", his soul experienced a somersault, and God revealed Himself to the one who sought Him with all the strength of his soul. In Minsk in 1930, Nikolai took monastic vows. He was given the name in honor of Hegumen Nikon of Radonezh, and later was ordained as a hieromonk. At that time of persecutions, this step was a true renunciation of the world and a direct path to Golgotha. In 1944, he was appointed the abbot of the Annunciation Cathedral in the city of Kozelsk. Here, he lived in an apartment held bynuns and kept a truly ascetic lifestyle. In a small room, he spent all his free time in prayer. His sermons made a strong impression on the believers, as he explained the Gospel, taught how to pray correctly, what humility and repentance meant as the foundations of spiritual life. In 1948, Father Nikon began to be driven from one parish to another: initially transferred to Belyov, then to Efremov, and further to Smolensk. His excellent sermons made many people restless, including, quite often, his fellow brethren. In 1948, from Smolensk, he was sent to the city of Gzhatsk (now Gagarin) — according to the father,

in exile. Father Nikon led a strict monastic life. He had the gift of unceasing prayer, which was discovered accidentally. Hegumen Nikon's constant readings included patristic writings, the Fathers of the Philokalia, the lives of saints, sermons, expoundings, and rarely — scientific, theological and philosophical works. Especially diligently and constantly he re-read and studied the works of St. Ignatius (Bryanchaninov), whom, being a truly spiritual father, he strongly recommended to all his spiritually close ones. The essence of his instructing was beautifully expressed in his letters, which were repeatedly published under various titles: "Repentance Is Left to Us", "Letters on Spiritual Life", "Give Heed to Yourself", and others. He spoke and wrote about the essence of the Savior's preaching, calling for spiritual and moral self-change through recognizing the damaged nature of humanity and its inability to heal itself from passions, primarily from the most foolish one — pride. Through this self-awareness, true repentance could be accomplished, turned to Christ the Savior, Who heals us.

Keywords: Hegumen Nikon (Vorobyov), history of the Russian Orthodox Church, revolution, Soviet times, religious persecution

For citation: Osipov, A. I. (2023). The Origins of Catastrophe and Our Last Mohicans. Hegumen Nikon (Vorobyov). *Orthodoxia*, (4), 30–57. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2023-4-30-57

REFERENCES:

Akty sviateishego patriarkha Tikhona i pozdneishie dokumenty o preemstve vysshei tserkovnoi vlasti. 1917–1943 gg. [Acts of His Holiness Patriarch Tikhon and Later Documents on the Succession of the Supreme Church Authority. 1917–1943]. (1994). Moscow: Izd-vo Pravoslav. Sviato-Tikhonov. bogoslov. in-ta: Bratstvo vo imia Vsemilostivogo Spasa. [In Russian].

Veniamin (Fedchenkov), Metropolitan. *Pis'ma o monashestve* [Letters about Monasticism]. (2003). Moscow. [In Russian].

Ignatius Brianchaninov. *Pis'ma k Antoniiu, igumenu Cheremenetskomu.* [Letters to Anthony, Hegumen Cheremenetsky]. (1875). Moscow. [In Russian].

...I dany budut Zhene dva kryla: sbornik k 50-letiiu Sergeia Fomina. [...And Two Wings Will Be Given to the Wife: a Collection for the 50th Anniversary of Sergei Fomin]. (2002). Moscow. [In Russian].

Ignatius Brianchaninov. *Tvoreniia* [Works] (Vol. 1). (1905). Saint Petersburg. [In Russian].

Ilarion (Alfeev), Metropolitan, Korytko, O., priest, Vasechko, V., Protoiereus. *Istoriia religii* [History of Religions]. (2016). Moscow. [In Russian].

John of Kronstadt. *Predsmertnyi dnevnik* [The deathbed diary]. (2003). Moscow. [In Russian].

Krivonos Fedor, priest. *U Boga mertvykh net* [God has no dead]. (2007). Minsk. [In Russian].

Novoselov, M. A. *Pis'ma k druz'iam* [Letters to friends]. (1994). Moscow. [In Russian].

Pis'ma mit. Filareta episkopu Innokentiiu (Sel'no-Krinovu). Pis'mo 55, ianvar' 1828 [Letters from mit. Filaret to Bishop Innokenty (Selno-Krinov). Letter 55, January 1828]. (1871). In *Pribavleniia k izdaniiu sviatykh ottsov. — Ch. 24.* Moscow. [In Russian].

Pis'ma mit. Filareta episkopu Innokentiiu (Sel'no-Krinovu). Pis'mo 137, ianvar1' 1828 [Letters from mit. Filaret to Bishop Innokenty (Selno-Krinov). Letter 137, January 1, 1828]. (1872). In *Pribavleniia k izdaniiu sviatykh ottsov. — Ch. 25.* Moscow. [In Russian].

Stolp Pravoslavnoi Tserkvi [A Pillar of the Orthodox Church]. (1915). Petrograd. [In Russian].

Theophan the Recluse. *Put' ko spaseniiu. Kratkii ocherk asketiki* [The way to salvation. A brief outline of asceticism]. (2008). Moscow. [In Russian].

Florovsky, G. V. *Puti russkogo bogosloviia* [The Ways of Russian Theology]. (1981). Parizh: IMKA-PRESS. [In Russian].

About the author:
Alexei Ilich Osipov — Doctor of Theology, Distinguished Professor of Moscow Theological Academy, Academy, Holy Trinity Lavra, Sergiev Posad, Moscow Region, Russia, 141300.

Conflict of interest:
The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 08.08.2022; approved after reviewing 13.11.2022; accepted for publication 18.04.2023.

ОРТОДОКСИЯ. 2023. № 4. С. 58–89.
УДК 271.2
DOI: 10.53822/2712-9276-2023-4-58-89

Д. В. Сафонов, иерей

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ,
МОСКВА, РОССИЯ

Николай Николаевич Лисовой: «Я — консерватор!» (Обзор творчества Н. Н. Лисового в советский период)

Аннотация. Статья посвящена творчеству Николая Николаевича Лисового (1946–2019) в первые 45 лет его жизни, которые пришлись на советскую эпоху. Именно в этот период были сформулированы основные направления его творчества: Православная Империя и её отношение к Церкви, история русского богословия, история русской Церкви и русских святых, русская консервативная публицистика конца XIX — начала XX века, русское духовное и политическое присутствие на Востоке. На годы молодости приходился и расцвет поэтического творчества Н. Лисового, а себя он, прежде всего, считал поэтом. Современному читателю Н. Лисовой известен почти исключительно в связи с его трудами о Святой Земле и деятельности в ИППО, однако в рассматриваемый период его творчества эти темы ещё не были в центре его внимания. Его вклад в развитие русской консервативной мысли остаётся практически неизвестным. Автор на основании личного архива Н. Н. Лисового, его ранних публикаций анализирует его труды, написанные в советскую эпоху, впервые обращается к истокам его творчества. Особый интерес представляет изучение работ Н. Лисового на

стыке дисциплин: физики, философии и богословия, семиотики и лингвистики, истории и канонического права, историософии и политологии. Творчество Н. Лисового рассматривается в контексте эпохи, с учётом лиц, оказавших на него особое влияние, это: мать — О. В. Таланцева, Ф. Г. Сухов, В. В. Шульгин, архимандрит Иннокентий (Просвирнин) и другие.
Публикация приурочена к 5-летию со дня кончины Н. Н. Лисового, она призвана стать началом большой работы по введению в научный оборот и комплексному изучению духовного и научного наследия Н. Лисового в первые 30 лет его творческого пути, которые пришлись на советскую эпоху. К 1991 году Н. Лисовой заложил основы концепций, развитие которых крайне актуально для консервативной мысли в настоящее время. Наиболее важная из них: Россия была и остаётся Православной Империей, призванной противостоять энтропии, угрожающей человечеству и идущей с Запада. Прежде всего, он считал себя консерватором.
Автор статьи с 2003 года является учеником Н. Н. Лисового и занимается популяризацией его творчества, после принятия сана священника в 2013 году регулярно исповедовал, причащал и соборовал учёного и его супругу.

Ключевые слова: «Русская партия», консерватизм, Православная Империя, поэзия, семиотика, Русская Православная Церковь, Издательский отдел Московской Патриархии, проблема времени в философии, либерализм

Для цитирования: Сафонов Д. В. Николай Николаевич Лисовой: «Я — консерватор!» (Обзор творчества Н. Н. Лисового в советский период) // Ортодоксия. — 2023. — № 4. — С. 58–89. DOI: 10.53822/2712-9276-2023-4-58-89

Одним из значительных православных консервативных мыслителей, ранний период творчества которых пришёлся на советские годы «застоя», является Николай Николаевич Лисовой (1946–2019), который наиболее известен современному читателю как палестиновед, знаток Святой Земли и заместитель председателя Императорского Православного Палестинского общества. Его биография и труды в советскую эпоху известны только специалистам, поскольку в этот период он не имел возможности активно публиковаться. Хотя известность пришла

к Н. Лисовому в 1990-е годы, но формирование его взглядов и основные направления богословского и церковно-исторического творчества к концу советской эпохи были им уже выработаны. К 1991 году он уже был сложившимся мыслителем и поэтом, внёсшим значительный вклад в развитие русской православной консервативной мысли.

Николай Николаевич Лисовой родился 23 октября 1946 года в городе Станислав (Ивано-Франковск), где в то время располагалась часть, в которой служил отец, 40-летний полковник Николай Васильевич Лисовой (1906–1983), выходец из крестьянской семьи, жившей в малороссийском селе Марьинка Харьковской области. В 1953 году он вышел в отставку.

Мать мыслителя Ольга Валентиновна Таланцева (7 (20) мая 1918 — 7 сентября 1983)[1] родилась в Москве. В советских документах О. В. Таланцевой указан 1920 год в качестве года рождения, но это сознательное искажение с целью избежать нахождения подлинных данных о происхождении в метрических книгах в связи с тем, что её отцом был священнослужитель. Она в 1941 году была призвана на фронт в качестве военного переводчика, где и познакомилась с будущим мужем, демобилизовалась в январе 1945 года в звании старшего лейтенанта, поскольку была беременна старшей сестрой Николая Ольгой. Перед войной она училась в Московском государственном педагогическом институте иностранных языков (МГПИИЯ)[2]. Мама, работавшая учителем немецкого в школе, с детства учила Николая языку, которым он овладел в совершенстве уже к окончанию школы. Религиозным воспитанием Николая и его сестёр Ольги и Софьи занималась бабушка по матери Евдокия Васильевна Таланцева (1882–1970). В детские и студенческие годы Н. Н. Лисовой, используя библиотеку, оставшуюся от деда-священника, много читал труды святых отцов, русскую религиозную философию, особенно полюбил труды свт. Феофана Затворника, дореволюционные издания которого хранились в собрании деда. В 1971 году он даже посетил Вышенскую пустынь, где в те годы находилась психиатрическая лечебница.

[1] Выпись из метрической книги о родившихся за 1918 год, выданная причтом Московской Ермолаевской на Садовой улице церкви 1918 года мая 21 дня. Архив Н. Н. Лисового. В некоторых документах О. В. Таланцевой указан 1920 год в качестве года рождения, но это сознательное искажение с целью избежать нахождения подлинных данных о происхождении в метрических книгах.

[2] Ныне — Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ).

В школу он пошёл на Курилах, куда был переведён служить отец, а закончил ее в Волгограде (до 1961 года — Сталинград)[3], где тогда жила его семья. С детства у него проявился поэтический дар, уже в 10 лет он писал хорошие стихи, которые до 1963 года публиковались в газетах[4]. Однако с 1963 года он перестал печататься и писал исключительно «в стол». С конца 1950-х годов семья Лисовых перебралась, как упоминалось выше, в Сталинград. Здесь при отделении Союза писателей был создан молодёжный кружок, который с 1960 года стал посещать Николай, которому тогда было 13 лет. Вёл занятия поэт Фёдор Григорьевич Сухов[5], которого Лисовой считал своим учителем в поэзии. Говоря о поэтах, дорогих для него (но не оказавших прямого влияния), он указывал Николая Рубцова и Алексея Прасолова, из фронтовых поэтов — Алексея Недогонова[6]. В детстве и юности он очень много читал классическую литературу, как русскую, так и зарубежную. В раннем детстве к чтению, в том числе Библии, приучала бабушка Евдокия Васильевна, которая умерла в 1970 году в возрасте 88 лет. Николай Николаевич вспоминал, что с мамой ежедневно читали книги вслух и еженедельно посещали книжные магазины для покупки новых книг. К этому следует добавить глубокую укоренённость в русской национальной культуре и традиции.

В 1963 году шестнадцатилетний Николай приехал в Москву и поступил в МИФИ (факультет теоретической физики). Несмотря на то что мама считала, что он должен стать писателем и поступать ему следует в Литинститут или на филологический факультет МГУ, Николай выбрал физику. В МИФИ он столкнулся с идеологическим давлением, на него донёс сосед по комнате в общежитии. В доносе некого Лёни Макеева было указано, что Лисовой читает Ф. Ницше, с уважением упоминает деятелей Белого движения, в частности Антона Ивановича Деникина. Он также читал литературу на немецком языке, очень любил немецкого военного теоретика Карла фон Клаузевица, классический труд которого

---

[3] Н. Н. Лисовой всю жизнь не признавал этого переименования, о чём не раз упоминал.

[4] Первая гонорарная публикация стихов вышла в 1958 году в гарнизонной газете «Кантемировец».

[5] Сухов Фёдор Григорьевич (1922–1992), русский поэт. Прошёл войну, закончил Литинститут в 1954 году, после которого он приехал в Сталинград, где создал поэтическую школу. Он руководил работой литературного кружка, приглашал в город для встречи с ребятами известных московских и поволжских поэтов.

[6] Аудиозапись поэтического вечера Н. Лисового в Погодинской избе 3 марта 1986 года на кассете, сохранившаяся в архиве Н. Лисового.

«О войне» был приобретён им в букинистическом магазине в проезде Художественного театра. Лисовой любил вспоминать, что заседание по его приёму в комсомол длилось несколько часов, но в итоге он был принят. В МИФИ он отучился 4 курса, но не закончил 5-й курс, поскольку имел ограничения по здоровью (врождённая проблема с пальцами на руках), и перевёлся в другой вуз. В июле 1967 года, сдав экзамены заочно, в возрасте 20 лет он получил диплом Московского государственного заочного педагогического института с квалификацией «учитель физики средней школы». К этому времени вся семья из шести человек перебралась в подмосковный Красногорск, где получила маленькую двухкомнатную квартиру на ул. Вокзальная. До Москвы ему приходилось каждый раз добираться на электричке. К этому времени как таковая физика уже его не привлекала, он решил заниматься философией науки.

С 1968 по 1972 год он заочно обучался в аспирантуре Института философии АН СССР. Здесь он занимался проблемами на переплетении физики и философии, проблематикой времени, Вселенной — вопросами, уже касавшимися богословия.

В 1968 году Николай Лисовой вступил в Общество охраны памятников (ВООПИК), где познакомился с В. В. Кожиновым и другими деятелями зарождавшегося патриотического движения, стремившегося к сохранению и возрождению русской национальной культуры. «С далёких 60-х годов, когда впервые заговорили — в Москве и по “радиоголосам” — о появлении в литературе так называемых “неославянофилов”, первым всегда называли Кожинова», — писал Н. Н. Лисовой в некрологе о писателе[7].

Об этом он вспоминал в 2016 году: «В 1966 году возникла в Москве такая организация — Общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК). Участвовали в этом многие люди — и Солоухин покойный, и Илья Глазунов (дай Бог здоровья!), и другие некоторые люди. Кстати, к слову, когда говорили “фашист”, это штандартенфюрер Штирлиц, имелось в виду, что ты патриот, что ты член Общества охраны памятников культуры, что ты за сохранение старины, за сохранение наследия своего. Вот тогда тебя называли “фашистом” и “националистом”. Когда было создано Общество охраны памятников, нас называли “фашистами”, “националистами”»[8]. Таким образом, ещё до

[7] Лисовой Н. «Душа верна» (Памяти В. В. Кожинова) // Московская перспектива. — 2001. — 6 февраля. — № 5. — С. 4.

[8] «Странствия Одиссея». Цикл бесед Н. Бульчука с Н. Н. Лисовым на радио «Радонеж», за-

начала работы над православной тематикой Лисовой сложился как патриот-консерватор. С детства он не принимал XX съезд КПСС с его критикой «культа личности», критиковал либеральные тенденции в культуре хрущёвской эпохи, не принимал космополитических явлений в литературе. Говоря об этой эпохе, он говорил, что он тоже «шестидесятник», но с обратным знаком, т. к. не принял «оттепели». В его поэтическом творчестве это отразилось в поэме «Странствия Одиссея», написанной в 1962–1963 году. В эпилоге к поэме эпоху XX съезда он характеризовал так:

Но едва склонилось солнце славы
И закат приблизился едва,
А уже трусливые шакалы
Покидали логовище льва,

И уже взыскательная свора
К дележу непризванных рабов
Объявляла жертвой произвола
Перед ним поверженных врагов…
(Лисовой 1989: 18).

Несомненно, поэзию Н. Лисового можно отнести к тому «Бронзовому веку» русской литературы, у истоков которого, по справедливому мнению А. В. Щипкова, стоял столь любимый Н. Лисовым Николай Заболоцкий[9]. Если детские стихи Николай публиковал в советских газетах в 1958–1963 годах, то начиная со «Странствий Одиссея», законченных в 1963 году, больше ни одно его стихотворение до 1980-х годов не было опубликовано. В общий либеральный тренд Н. Лисовой вписываться не хотел, принципиально сохраняя свои консервативные убеждения.

В 1970–1971 годах Н. Лисовым написана неопубликованная статья «Об одной особенности русского духа (реплика) [О книге В. Солоухина. Письма из Русского музея»]. Глубокий патриотизм совсем молодого автора проявился в стремлении бесстрашно защитить Солоухина от нападок псевдоинтеллигентов: «Всякому человеку, посягающему на

писанных в ноябре-декабре 2016 года. — URL: https://radonezh.ru/recommend/stranstviya-odisseya-164722.html (дата обращения: 21.05.2022).

[9] Запись программы «Щипков. 274» на ТВ-канале «Спас». — URL: http://shchipkov.ru/103710?ysclid=lmdpog34pe436256981 (дата обращения: 21.08.2023).

национальные ценности, оскверняющему память великих русских, аккуратно закатывающему всякий росток (каковым и является книга Солоухина), пробивающийся из-под заезженных асфальтов нашей так называемой цивилизации, — всякому тов. Воронову отказывается отныне в праве называться русским интеллигентом, называться русским… Или сейчас, или никогда русская интеллигенция скажет своё первое, пусть не громкое, но первое русское слово. Да! Книга Солоухина — наша книга, хулители и враги Солоухина — хулители и враги русской культуры — наши враги»[10].

Одним из важных направлений научных изысканий Н. Н. Лисового в 1970-е годы была семиотика. 18–20 сентября 1973 года 26-летний учёный принял участие в большом форуме на тему «Семиотика средств массовых коммуникаций», который прошёл в гуманитарном корпусе МГУ. Доклад был опубликован (Лисовой 1973).

В 1974 году он подготовил статью «Семиотика средств моделирования времени в структуре поэтического текста» в сборнике «Семиотика и культура». В этой статье автор проанализировал стихи Г. Р. Державина, Е. А. Баратынского, М. Ю. Лермонтова, Андрея Белого, А. А. Блока. «Семиотический ряд, связанный с образом круга, является одним из наиболее элементарных и архаичных среди изобразительных средств моделирования времени… русская поэзия сохранила нам также образцы нарочитого осмысления образа и понятия “круга времени” (или циклического самозамкнутого хронотопа) — как бы во вторичном моделировании и размышлении о “круге”»[11]. В этой статье Н. Лисовой выступает и как физик, и как поэт, и как богослов. 9 января 1976 года он стал заместителем руководителя проблемной группы по семиотике[12], главой которой был назначен Александр Александрович Волков (р. 1946). Другим заместителем главы группы был Василий Строганов (1941–2014), будущий протоиерей, который покинул МГУ вместе с Н. Лисовым в конце 1977 года и перешёл работать к митрополиту Питириму в Издательский отдел.

[10] «Об одной особенности русского духа (реплика) [О книге В. Солоухина. Письма из Русского музея»]. Архив Н. Лисового. Машинопись. Л. 2–3.

[11] Лисовой Н. «Семиотика средств моделирования времени в структуре поэтического текста». Машинопись. Архив Н. Лисового. 30 л. Л. 1.

[12] Приказ декана филологического факультета МГУ Л. Г. Андреева о составе постоянных сотрудников проблемной группы по семиотике филологического факультета МГУ от 9 января 1976 года. Архив Н. Лисового.

В 1974–1975 учебном году Н. Лисовой преподавал философию в МГПИИЯ им. Мориса Тореза с почасовой оплатой[13]. Одновременно с января по сентябрь 1974 года он работал во Всесоюзном НИИ документоведения и архивного дела[14]. С января 1978 года по декабрь 1980 года Н. Лисовой являлся внештатным сотрудником ИНИОН РАН. В эти годы помимо подготовки рефератов для сборников ИНИОН[15] Н. Н. Лисовой работает в других направлениях науки. К этим годам относится большая работа «О значении метрических инвариантов в исследовании древних русских текстов (предварительные замечания)»[16].

В конце 1970-х — начале 1980-х годов В. Кожинов и Н. Лисовой подготовили для издания на сербском языке очерки древнерусской истории для «Русской истории в иллюстрациях», отрывок рецензии на которую сохранился в архиве Н. Лисового. Свой замысел донести до общества своё видение истории России, её культуры и Церкви Николай Николаевич реализовал только в 2013 году, создав на телеканале «Радость моя» цикл из 60[17] получасовых бесед[18].

Человеком, оказавшим безусловное влияние на формирование взглядов и творчество Н. Лисового, был Василий Витальевич Шульгин (1878–1976). Н. Лисовой вспоминал в интервью автору данной статьи: «В 1968 г. я познакомился и подружился, не боюсь этого слова, с Василием Витальевичем Шульгиным. Последние восемь лет его жизни, с 1968 по 1976-й, мы действительно тесно дружили. Я постоянно ездил к нему во Владимир, он приезжал ко мне в Красногорск. Я записывал за ним его воспоминания. В 2001 г. вышел целый том (Шульгин 2002), куда мной были включены те уникальные материалы, которые он мне надиктовал, которые сохранились в моём домашнем архиве»[19]. О том, что именно

---

[13] Удостоверение преподавателя МГПИИЯ им. Мориса Тореза на имя Н. Н. Лисового. Архив Н. Лисового.

[14] Личный листок по учёту кадров Лисового Н. Н. 1995 год. Архив Н. Лисового.

[15] К сожалению, в связи с пожаром в хранилище ИНИОН выявить рефераты, написанные в эти годы Н. Лисовым, в настоящее время не представляется возможным.

[16] Лисовой Н. «О значении метрических инвариантов в исследовании древних русских текстов (предварительные замечания)». Машинопись. 23 л. Л. 23.

[17] Цикл планировалось продолжить, но он обрывается на 60-й программе, посвящённой причинам Первой мировой войны.

[18] История России. Откуда есть пошла Русская Земля. Автор и ведущий Н. Н. Лисовой // Официальный сайт телеканала «Радость моя». — URL: https://radostmoya.ru/project/istoriya_rossii/video/ (дата обращения: 22.07.2022).

[19] «Московский златоуст»: Николаю Николаевичу Лисовому — 60 лет. Интервью с историком Николаем Николаевичем Лисовым // Православие.Ru. — 2006. — 23 октября. — URL: http://www.pravoslavie.ru/guest/4703.htm. 23.10.2006. (дата обращения: 21.05.2022).

молодому Николаю Лисовому очень доверял престарелый В. В. Шульгин, говорит и передача ему тетрадей с его записями, а также сохранившаяся в архиве Николая Николаевича их переписка, носившая очень доверительный характер. В. В. Шульгин своему молодому другу дал почему-то шутливое прозвище «Коля Колдун». К старому монархисту во Владимир на улицу Фейгина ездило немало представителей творческой интеллигенции, но именно в Николае Лисовом он видел продолжателя своих идей, только ему мог передать духовное преемство, идущее ещё от дореволюционной России.

Публиковать труды Шульгина, писать и выступать о нём Н. Н. Лисовой начал, как только появилась такая возможность в начале 1990-х годов[20]. 15 мая 1994 года он прочитал в Центральном лектории Политехнического музея лекцию «Василий Шульгин — писатель, политик, мыслитель». На конференции, посвящённой русской эмиграции в 1993 году, Н. Лисовой говорил о Шульгине: «Одной из определяющих черт мировоззрения В. Шульгина является национализм, носивший у него характер как психологической, так и теоретической установки. Его концепция национального вопроса развивалась во времени в меру созревания личности и эпохи (дореволюционный, революционный, эмигрантский, советский период). Представляет интерес анализ сформулированных им (в начале 1970-х) “аксиом национальной этики” — в развитие мыслей, высказанных в книге “Что нам в них не нравятся” и в порядке полемики с ней (“Постскриптум”, 1971): аксиома существования нации и национализма, связь типа национальной организации и типа национализма, этика взаимодействия с маргиналами и т. д. Система аксиом дополняется системой “парадоксов национального опыта” — антиномии национализма и шовинизма, национализма и христианства, национализма и Империи. Актуален

[20] В 1990–1993 годах Н. Н. Лисовой опубликовал ряд его трудов в газете. См.: Последний очевидец. Памяти В. В. Шульгина // Московский строитель. 15–22 мая 1990. № 19. С. 8–9; Шульгин В. В. Азбука. Мария Владиславовна Захарченко — Шульц // Московский строитель. 6–13 марта 1990. № 9. С. 12–13; Шульгин В. В. Рассказ о Г. И. Гурджиеве / публ. и предисл. // Московский строитель. 20–27 марта 1990. № 11. С. 12; Шульгин В. В. Деникин и Врангель / публ. и предисл. // Московский строитель. 20–27 декабря 1990. № 7. С.13: Шульгин В. В. Опыт Столыпина / публ. и предисл. // Домострой. 19 февраля 1991. № 6. С. 8–9, 12; Шульгин В. В. Французская интервенция на юге России (отрывочные воспоминания) / предисл. и подг. текста // Домострой. 21 января 1992. № 3. С. 12–13; 4 февраля 1992. № 5. С. 12–13; Шульгин В. В. «Да ведают потомки». Неизданное предисловие к книге «Годы» // Домострой. 12 января 1993. № 2. С. 8-9; Шульгин В. В. Лена (Сон и явь) / публ. и предисл. // Домострой. 6 апреля 1993. № 14. С. 9; Шульгин В. В. Улыбка Вяльцевой // Домострой. 28 сентября 1993. № 39. С. 11.

анализ концепции В. Шульгина в широком контексте традиции и типологии русского национализма (Л. А. Тихомиров, М. О. Меньшиков, И. А. Ильин, И. Л. Солоневич). Сравнение с работами И. А. Ильина в понимании “опасностей и соблазнов” национализма особенно показательно» (Лисовой 1993: 92).

Именно В. В. Шульгин раскрыл Н. Лисовому мир дореволюционной русской публицистики. В 1970-е годы Лисовой досконально изучил подшивки «Нового времени» и «Московских ведомостей»[21], глубоко изучив образ мысли консервативных публицистов того времени: Льва Тихомирова, Василия Розанова, Михаила Меньшикова и других.

С детства Н. Н. Лисовой знал и любил поэзию А. С. Пушкина. С 1970-х годов он читал публичные лекции о нём. В. С. Лопатин писал об этом в 1996 году: «Когда-то, четверть века назад, он читал лекцию о Пушкине в клубе старого МГУ. Невысокий, плотный, в традиционно строгом, тёмном костюме, он буквально заворожил нас и своим голосом, и своей манерой говорить, размышляя, но главное — своей одухотворённостью, полётом мысли, мысли новой, смелой, оригинальной, возвращающей нас к великим традициям русских проповедников и духовных наставников»[22]. Пушкинская тема была близка Н. Н. Лисовому до конца жизни. В 1986 году, открывая вечер поэзии в Погодинской избе, его ведущий[23] отметил, что познакомился с ним на пушкинском вечере. Доклад Лисового о Пушкине показался ему самым глубоким, в котором был явлен не «хрестоматийный» Пушкин. О А. С. Пушкине Н. Лисовой мало писал[24], но любил говорить о нём публично[25]. К концу 1980-х годов Н. Лисовой был признанным пушкинистом, об этом говорит то, что именно его пригласили быть автором текста к документальному фильму к 150-летию гибели поэта[26]. Режиссёром получасовой картины выступила известный советский документалист Владилена Мусатова.

---

[21] Об этом говорят сохранившиеся в архиве Н. Н. Лисового библиотечные требования и выписки.

[22] Лопатин В. С. Юбилей друга и не снятый по этому случаю фильм // Московская перспектива. — 1996. — 29 октября. — № 44 (197).

[23] Им был, предположительно, И. И. Кобзев.

[24] Нами выявлена лишь одна его статья на эту тему. См.: Лисовой Н. Рождённый на Вознесение [А. С. Пушкин] // Домострой. — 1991. — 4 июня. — № 21. — С. 10–11.

[25] Пушкину посвящены сюжеты с участием Н. Лисового православной телепрограммы «Канон» на ТВ в 1995 году, несколько бесед Н. Лисового в цикле «Русское слово», который вела в 2006–2018 годах на «Народном радио» инокиня Ольга (Гобзева).

[26] «И дух терпения, смирения, любви». [К 150-летию со дня гибели А. С. Пушкина]. Центральная студия документальных фильмов (ЦСДФ). 1988.

В 1969 году глава Издательского отдела Московской Патриархии митрополит Питирим искал сотрудников для подготовки изданий о Церкви для зарубежного и отечественного читателя. Он обратил внимание на молодых литераторов В. В. Кожинова (1930–2001) и П. В. Палиевского (1932–2019), которые отказались от сотрудничества, но рекомендовали 22-летнего Н. Лисового, который вспоминал: «Когда я впервые встретился с ним в 1969 году, владыка (ему, напомню, было тогда сорок три) сказал: “Мне уже поздно заниматься богословской наукой, теперь это ваше время”»[27]. Ещё раньше, вероятно в 1968 году, он познакомился с Анатолием Просвирниным, будущим архимандритом Иннокентием (1940–1994).

С этого времени Николай Лисовой в рамках сотрудничества с Издательством МП начал активно писать на богословские и церковно-исторические темы. Его статьи в ЖМП не были подписаны его именем, все внештатные авторы были лишены такой возможности. Первая такая публикация появилась, по-видимому, в 1971 году (Иеросхимонах Амвросий (Гренков) 1971). Митрополит Питирим поручал священнику Анатолию Просвирнину (с 1981 года — архимандрит Иннокентий) и Николаю Лисовому работать над основными проектами Издательского отдела. Н. Лисовой участвовал в подготовке изданий 1970–1980-х годов. Новый Завет издания 1976 года имел послесловие (О Священном Писании Нового Завета 1976), в написании которого он участвовал; значителен его вклад в многотомное издание «Настольной книги священнослужителя» (1977–1988). В 1977–1978 годах Н. Лисовой подготовил целый ряд жизнеописаний и статей о праздниках святых для второго[28] и третьего тома[29] этого издания. Он участвовал в подготовке издания

[27] Лисовой Н. Возраст созидания. К 70-летию со дня рождения митрополита Питирима (Нечаева) // Московское строительство. — 1996. — 10 января. — № 2. — С. 4.

[28] Настольная книга священнослужителя. Т. 2. Месяцеслов. Сентябрь-февраль. М., 1978. Свт. Иоанн IV Постник, патриарх Константинопольский. С. 15–16; преп. Афанасий Серпуховской. С. 63–66; св. князь Феодор Чёрный. С. 87–91; св. князь Игорь Черниговский. С. 91–93; преп. Иосиф Волоцкий. С. 193–201; свт. Иларион, митрополит Киевский. С. 206–209; св. князь Александр Невский. С. 317–322; свт. Геннадий, архиепископ Новгородский. С. 359–362; свт. Филипп, митрополит Московский. С. 477–481.

[29] Настольная книга священнослужителя. Т. 3. Месяцеслов Март-август. М., 1979. Св. князь Василько Ростовский. С. 23–26; Албазинская икона Божией Матери. С. 49–53; св. князь Ростислав Киевский. С. 70–73; Феодоровская икона Божией Матери. С. 73–76; св. князь Довмонт Псковский. С. 341–344; Положение Ризы Божией Матери. С. 498–502; свт. Фотий, митрополит Киевский. С. 502–504; свт. Анатолий, патриарх Константинопольский. С. 509–510; св. князь Андрей Боголюбский. С. 514–519; Обретение мощей преподобного Сергия Радонежского. С. 522–528; Явление Казанской иконы Божией Матери. С. 535–539; св. равноап. княгиня Ольга. С. 553–563; св. варяги-мученики. С. 567–570; св. равноап. князь Владимир. С. 576–583; Память святых отцов шести Вселенских Соборов. С. 587–591.

богослужебных Миней (месячных Миней), приуроченного к 1000-летию Крещения Руси. Николай Лисовой входил в творческую «Минейную группу» и подготовил целый ряд «житийных справок». «Житийные справки» писались в соавторстве, указанные справки не ограничивают вклад Н. Лисового в эти издания.

В 1974 году с его участием была подготовлена книга «Святой основатель Великой России»[30], которая была приурочена к 800-летию убиения святого князя. Особый интерес вызвало у него изучение истории Богородичных икон на Руси. Немногое удалось опубликовать в справках об отдельных иконах «Настольной книги священнослужителя»[31]. Свои наработки 1970-х годов об иконах он опубликовал только в 1990-е в газете «Домострой», а в 2002 году в своей книге, посвящённой русским иконам (Лисовой Чудотворные иконы 2002). В 1991 году он выступил консультантом документального фильма «Образ Твой, над Русью вознесённый», который рассказывал ещё советскому зрителю о Владимирской чудотворной иконе Божией Матери (реж. Т. Г. Пименова. ЦСДФ). Годом ранее, в 1990-м, был показан телефильм «“Из Варяг в Греки”. К 1000-летию Крещения Руси». Одним из авторов сценария был Н. Лисовой (оператор-постановщик Г. И. Зубанов). Так начиналась замечательная творческая судьба Н. Лисового на телевидении.

В 1973 году Н. Лисовой работал над серией статей об истории монашества на Афоне, поводом для появления которых стало давление греков на русское монашество. В архиве Лисового сохранился «План работы», написанный рукой о. Анатолия Просвирнина под названием «Светильник не должен угаснуть. В связи с тревожным положением русских монахов на Афоне». Соавтором также был друг Н. Лисового тех лет, с которым он пришёл к митрополиту Питириму, — Валерий Скурлатов (р. 1938), они дружили со времени обучения в МИФИ. Статьи этого цикла вышли под именем только свящ. А. Просвирнина[32].

---

[30] Рукопись сохранилась в архиве Н. Лисового, издана книга не была.

[31] Настольная книга священнослужителя. Т. 3. Месяцеслов Март-август. М., 1979. Албазинская икона Божией Матери. С. 49–53; Феодоровская икона Божией Матери. С. 73–76; Положение Ризы Божией Матери. С. 498–502; Явление Казанской иконы Божией Матери. С. 535–539.

[32] Афон и Русская Церковь // Журнал Московской Патриархии. — 1974. — № 3. — С. 2–25; — № 4. — С. 5–15; — № 5. — С. 8–12; — № 6. — С. 12–28.

Самым значительным проектом, реализованным Н. Н. Лисовым в 1970-е годы, стало написание очерка истории русской богословской науки. Он вспоминал об этом: «Весной 1976 года был написан раздел “Русская богословская наука” для коллективной монографии “Русская Православная Церковь” в серии “Церкви мира”. Вышла книга (на немецком языке) в 1985 году»[33]. Масштаб проделанной работы можно примерно оценить по количеству выписок и библиотечных требований, которые сохранились в его архиве. Митрополит Питирим, ухватившись за возможность издать за рубежом на немецком языке книгу о Русской Церкви, поручил 29-летнему учёному колоссальную задачу: проанализировать всё русское дореволюционное богословие, включая историю Церкви, каноническое право, литургику и т. д. Рукопись в окончательном виде была отправлена издателям в 1982 году и вышла в Германии только в 1985 году в серии «Церкви мира» (Die russische theologische Wissenschaft 1985). На русском языке благодаря нынешнему митрополиту Владимирскому и Суздальскому Тихону, возглавлявшему в 1995–2000 годы Издательский совет Московского Патриархата, раздел о русской богословской науке был опубликован в подготовленном в 1976 году виде отдельным очерком в 2002 году в «Богословских трудах» (Лисовой «Обзор основных направлений 2002).

Особый интерес у Н. Лисового вызвала история Московской духовной академии, о богословской науке в которой с 1884 года до революции он написал отдельный труд. На основе изученных в 1970-е годы материалов по истории духовных школ в дореволюционной России Н. Н. Лисовой подготовил монографию «Очерки из истории духовного образования в России XIX — нач. XX вв. Московская Духовная Академия при Уставах 1869 г. и 1884 г.», которая так и не была опубликована. В этой работе он проделал большую скрупулезную работу по воссозданию фактографической стороны жизни духовных академий и их конкретных кафедр. Преимущественное внимание им было уделено кафедрам, связанным с дисциплинами исторического и историко-филологического цикла. В первых двух главах работы автором даётся хроника становления и развития дисциплин исторического и историко-филологического цикла в Московской духовной академии, начиная с введения нового, так называемого Макарьевского Устава 1869 года.

[33] «На страже духа — каждый день и час». [Интервью Л. Г. Калининой.] // Московская перспектива. — 2006. — 24 октября. — № 42. — С. 4.

Третья глава посвящена профессору литургики Ивану Даниловичу Мансветову (1843–1885).

Труды двух иерархов вызвали особый интерес Н. Лисового, изучать их творчество он продолжил и в последующие годы. Вместе с архим. Иннокентием они планировали издать труд епископа Михаила (Грибановского) «Над Евангелием». Отдельные части труда Н. Лисовой опубликовал в 1990-е годы[34] в газете «Домострой», книгу целиком — только незадолго до смерти с помощью сотрудников ПСТГУ (Лисовой 2011) вместе со статьей о еп. Михаиле, написанной ещё в 1970-е годы. Изучение творческого наследия епископа Смоленского Иоанна (Соколова) отняло у Н. Лисового немало сил. К сожалению, опубликован только доклад Н. Лисового об этом каноните по итогам форума по церковному праву в Белгороде в 1998 году (Лисовой 1999). Большой интерес в эти годы у Н. Лисового вызвало также изучение духовного наследия митрополита Сергия (Страгородского). В 1991 году была опубликована беседа Н. Лисового об этом иерархе с архимандритом Иннокентием (Просвирниным)[35]. Н. Лисовой был убеждённым сторонником канонизации этого иерарха.

12 мая 1977 года 30-летний Николай Лисовой защитил кандидатскую диссертацию по философии[36] на тему: «Философский анализ современных концепций времени в физике и космологии». Научным руководителем Лисового был доктор философских наук, профессор Николай Фёдорович Овчинников (1915–2010), крупный специалист в области философии науки и истории научного знания[37]. Степень кандидата философских наук позволила Николаю Николаевичу иметь формальное основание для работы в гуманитарной научной области, т. к. основное его образование было естественнонаучным.

Под влиянием церковной среды, в которую он попал, придя работать в Издательский отдел, меняется тематика поэтических произведений Н. Лисового, поэзия становится религиозной. В 1970 году написано

---

[34] Епископ Михаил (Грибановский). Над Евангелием / публ. и послесл. Н. Лисового// Домострой. — 1992. — №25–38, 41, 43–47; — 1993. — № 1, 2, 4–12, 14, 16, 17–20, 25, 26, 45.

[35] Русское спасение. Беседа с архимандритом Иннокентием (Просвирниным) о Патриархе Сергии и его духовном наследии // Домострой. — 1991. — 10 сентября. — № 35. — С. 11–12. См. также научную публикацию этой беседы О. Л. Соломиной и О. В. Курочкиной по архивной копии из НИОР РГБ: — URL: https://www.sedmitza.ru/data/936/993/1234/134_144.pdf

[36] Диплом кандидата философских наук Н. Н. Лисового. 28 декабря 1977 года. Архив Н. Лисового.

[37] См. о нём: (Философия науки в историческом контексте 2003).

стихотворение «Ангелы». «Религиозная тема, тема молитвы будет с этого времени только крепнуть, будет варьироваться по-разному», — вспоминал Николай Николаевич. В его поэзию входит «Русская тема». Летом 1972 года, когда Подмосковье охватили пожары, им было написано стихотворение «Крылатый холоп». В это же время было написано стихотворение про оптинского старца, которое так и называется — «Амвросий». Произведение должно было войти в поэму, которая не была закончена. Празднику Успения Богородицы посвятил одно из лучших своих стихотворений Н. Лисовой и назвал его «Песнь Успенская», снабдив эпиграфом из службы празднику: «Дивны тайны Твоя, Бородица» (1972–1973). Стихотворение «Пророк» посвящено пророчеству Иезекииля, но поэтическое имя пророка — Еремей (Иеремия). Здесь мы видим пророчество о будущем России:

В новые воинства строятся
Косточки русских полей…

Возрождение русского народа, согласно поэтической мысли автора, ознаменует победу России над её врагами:

Круто воинствуешь-ратуешь,
Свято хранишь свой обет.
Скоро возрадуешь, Радонеж,
Русь мою светом побед!

С 1975 по 1984 год он почти перестал писать стихи, по крайней мере, их очень мало среди им опубликованных поэтических трудов[38].

В 1980-е годы Н. Лисовой всё менее оказывался вовлечённым в церковные проекты Издательского отдела, но более посвящал себя истории России, её культуры и имперской традиции. Этому способствовал переход на работу в Государственный исторический музей. С 1981 до 1995 года он работал старшим научным сотрудником в ГИМ. В апреле 1981 года в журнале «Огонёк» вышла рецензия Н. Лисового на книгу одного из лидеров патриотического движения («русской партии») в СССР Сергея Семанова (1934–2011), посвящённую полководцу

[38] Перед своей кончиной, в 2018 году, Н. Н. Лисовой составил и передал для публикации в издательство «Индрик» сборник своих стихов, который ещё не издан.

Брусилову: «Автор книги, писатель, историк Сергей Семанов, интересно пишет портрет своего героя — потомственного воина, прадед, дед и отец которого с честью служили Родине. Более полувека отдал русской армии генерал Брусилов. В годы Первой мировой войны полководческий талант Брусилова открылся с наибольшей ясностью»[39]. Эта рецензия была написана уже после появления записки главы КГБ Ю. В. Андропова в ЦК КПСС от 28 марта 1981 года «Об антисоветской деятельности Иванова А. М. и Семанова С. Н.», в которой о нём речь шла как о «русском и антисоветском элементе». В стране начались репрессии против патриотически настроенных представителей интеллигенции. Некоторых даже арестовывали. С. Н. Семанов не был арестован, но его пять лет не брали ни на какую работу. В записке Ю. В. Андропова говорилось: «Вокруг Семанова группируются лица, которые либо разделяют его взгляды, либо не дают ему по разным причинам достойного отпора». К этим лицам принадлежал и Н. Лисовой. Он не мог не ощущать давления власти на людей его круга и полностью сосредоточился на академической работе.

В 1983 году Н. Лисовой в рамках своей работы в ГИМ подготовил к 400-летию со дня кончины первопечатника Ивана Фёдорова труд на 27 машинописных страниц в серии «В помощь лектору» под эгидой отдела лекционно-массовой работы Правления добровольного общества любителей книги РСФСР[40].

В этот период Н. Лисовой начинает сотрудничать с филологами Галиной Александровной Богатовой[41] (р. 1930) и её супругом академиком Олегом Николаевичем Трубачёвым (1930–2002) (Лисовой 2000), подключается к работе по составлению словаря русского средневекового языка[42]. К 1980-м годам относятся неопубликованные работы Н. Лисового, посвящённые славянской топонимике, например статья «Кострома и Коломна в свете топонимической архаики славянской периферии»[43].

---

[39] Лисовой Н. Зачинатель советской военной школы. [Семанов С. Н. Брусилов. М., 1980.] // Огонёк. — 1981. — № 16. — С. 15. В архиве Н. Лисового сохранился полный текст рецензии на эту книгу под названием «На службе России».

[40] Лисовой Н.Н. Первопечатник Иван Фёдоров и его значение в истории отечественной культуры (к 400-летию со дня кончины: 1583–1983). — М., 1983. — 27 л. Машинопись.

[41] В 1987–2003 гг. Г. А. Богатова являлась главным редактором «Словаря русского языка XI–XVII вв.» (15–26 тома).

[42] Н. Н. Лисовой входил в редколлегию Словаря русского языка XI–XVII вв. в 1990-е гг.

[43] Несколько вариантов статьи с наработками к ней сохранились в архиве Н. Лисового.

Работая в Государственном Историческом музее, Н. Лисовой не оставлял и литературных трудов. Энциклопедичность его кругозора поражала. Он переводит поэтов малых народов России[44], пишет статьи о японском искусстве (Лисовой 1986), пишет книгу о музеях своей великой страны (Лисовой 1983), рецензию на первый поэтический сборник своего друга Геннадия Фролова (1947–2021)[45].

Важным проектом, в котором участвовал Н. Лисовой в середине 1980-х годов, был проект издания «Остромирова Евангелия» и научного сопровождения к нему, которое подготовили Н. Н. Лисовой и Н. Н. Розов (Остромирово Евангелие как исторический источник). К сожалению, как вспоминал Н. Лисовой, издатели потребовали сократить научное сопровождение в несколько раз, и эту работу архим. Иннокентий поручил сделать Н. Лисовому, который должен был сделать это в течение одной ночи в Ленинграде, куда приехал сдавать рукопись в издательство. Ещё в 1984 году между издательским отделом и издательством «Аврора» начались переговоры о совместном издании. Переговоры с издательством и РГБ им. Салтыкова-Щедрина вели митрополит Питирим и архим. Иннокентий (Просвирнин)[46].

Тогда же Н. Лисовой написал статью «К датировке Мстиславова Евангелия» к планировавшемуся изданию этого Евангелия, но публикация осуществилась только в 1997 году (Лисовой К датировке Мстиславова Евангелия 1988).

В 1980-е годы он знакомится с С. С. Хоружим, который активно работал в области изучения традиций исихазма, фаворского света. В 1995 году С. С. Хоружий (1941–2020) пригласил Николая Николаевича опубликоваться в сборнике на эту тему (Преображение Господне: иконография и смысл праздника 1995). В 2020 году мы переиздали эту концептуальную работу (Лисовой 2020).

Тема световидных энергий, восходящих к Богу, незримого света, открывавшегося святым и подвижникам, особенно волновала Н. Н. Лисового. Для Николая Николаевича опыт Преображения был не чем-то далёким, он сам, как человек глубокой духовной жизни,

[44] Он перевёл с языка коми ряд стихов современного поэта Альберта Ванеева. См.: (Ванеев 1983).

[45] Лисовой Н. Книга Геннадия Фролова «Сад» // Литературное обозрение. — 1984. — № 11. — С. 81. Геннадий Фролов часто выступал на поэтический вечерах Н. Лисового, в 1990 году Н. Лисовой привёл его в газету «Московский строитель» («Домострой»).

[46] Справка по вопросу о репродукционном издании «Остромирова Евангелия». Машинопись. 3 л. Архив Н. Лисового.

поэт, молитвенник и подвижник церковной науки, говорил о видении божественных световидных энергий не только умозрительно, но и опытно. Особенно он обращал внимание на эту тему в своих работах (печатных и на телевидении) о преподобных Сергии Радонежском (Лисовой 1991)[47], Серафиме Саровском (Лисовой 1997) и св. прав. Иоанне Кронштадтском (Лисовой 1992). Именно эти три русских святых были в центре внимания Н. Лисового на рубеже 1980-х и 1990-х годов.

Во второй половине 1980-х годов Н. Лисовой стал выступать с публичными лекциями на исторические темы, для многих москвичей раскрылся его уникальный ораторский дар. 15 января 1988 года Н. Лисовой вступил в общество «Знание», что позволило ему получить доступ к площадкам общества как лектору. К 1991 году он уже был известен многим москвичам, заполнявшим залы до отказа. Среди его слушателей было много молодёжи.

В 1987 году под эгидой ВООПИК и общества «Знание» он начал курс лекций в центральном лектории Политехнического музея на общую тему «Культура Древней и Средневековой Руси». Героями лекций стали князь Аскольд, св. Кирилл и Мефодий (1-я лекция), св. кн. Ольга (2-я лекция), св. кн. Владимир (3-я лекция), митрополит Иларион и его «Слово о Законе и благодати» (4-я лекция). В 1988 году цикл продолжился лекциями о св. кн. Андрее Боголюбском и его эпохе (5-я лекция), св. Кирилле Туровском, св. Александре Невском и Довмонте Псковском (6-я лекция), св. Андрее Рублёве (7-я лекция), царе Иване Грозном и Иване Фёдорове (8-я лекция), патриархе Никоне и протопопе Аввакуме (9-я лекция). Лекции сопровождались демонстрацией диапозитивов, которые лектор подробно комментировал. В архиве Н. Лисового сохранилась аудиозапись и машинописная расшифровка первой лекции.

Открывая цикл, Н. Лисовой сказал: «Цикл посвящён истории развития культуры и искусства Древней Руси». Задачей цикла он видел попытку «проследить последовательность того, как складывалась в русской мысли та или иная система представлений, характерная для Средневековой Руси в целом». Он подчёркивал: «Есть возможность

[47] Лисовой Н. Радонежская или Преподобного Сергия школа / «Русская энциклопедия» // Народное образование. — 1990. — № 10. — С. 162–172; Игумен русской земли. К 650-летию пострижения Сергия Радонежского // Российский календарь знаменательных дат. — М., 1991. — № 8. — С. 39–41; Всея России Чудотворец. Сказание о трудах и подвигах Сергия Радонежского (К 600-летию кончины) // Домострой. — 1992. — 14 июля. — № 28. — С. 8–9.

проследить с единой точки зрения всю последовательность формирования русской культуры, русской художественной традиции и стоящих за ними идеологических систем». Он акцентировал, что будут изучаться письменные источники, памятники архитектуры, живописи, прикладного искусства.

В этой лекции он первым в отечественной историографии после академика В. И. Ламанского (1833–1914) доказывал, что миссия св. Кирилла и Мефодия была направлена не к хазарам, а к князьям Аскольду и Диру в Киев. Таким образом, славянская азбука создавалась для славян Киева, а не пришла к ним через болгар через несколько десятилетий, как считала официальная историография. Лекция очень яркая и выразительная. Автор говорит: «Сама византийская историография свидетельствует против хазарской миссии. Византия как бы говорит своим молчанием об этой миссии: “Да не посылала я туда никого!”» Сохранились машинописные тезисы к докладу «Князь Аскольд и Константин Философ: у истоков славянской миссии»[48]. Здесь он приводит основные аргументы за то, «что это была не хазарская, а русская миссия, и всесторонне анализирует названную гипотезу, приводя ряд новых доказательств и наблюдений». Опубликовать эти тезисы в то время Н. Лисовой не смог, статью на эту тему он разместил в газете «Домострой» в 1992 году[49].

Запланированная к выходу к юбилею 1000-летия Крещения Руси, в 1990 году была опубликована, к сожалению в очень сокращённом виде и без указания авторов, история Русской Православной Церкви с древности до XX века, где Н. Лисовой написал раздел периода до 1589 года (Лисовой 1988).

В 1989–1990 годах под эгидой ВООПИК в клубе Московского института электронной техники в Зеленограде он прочитал цикл лекций, темами которого стали «Остромирово Евангелие», Кирилл Туровский, «Голубиная книга», «Никон и Аввакум: альтернативы XVII века». В 1990–1991 годах были лекции об истории Русской Православной Церкви и церковных праздниках. Одновременно также под эгидой ВООПИК в ДК «Меридиан» он прочитал цикл лекций о церковных праздниках.

[48] Лисовой Н. Н. «Князь Аскольд и Константин Философ: у истоков славянской миссии». Машинопись. 3 л.

[49] Лисовой Н. У истоков славянской миссии: князь Аскольд, Кирилл и Мефодий // Домострой. — 1992. — 26 мая. — № 21. — С. 10; 1992. — 23 июня. — № 25. — С. 11.

Будучи автором статей о прп. Сергии Радонежском в «Настольной книге», Н. Лисовой активно готовился к 600-летнему юбилею преставления преподобного, который отмечался в 1992 году. В 1991 году вышел сборник о преподобном, где основной статьёй о нём и его школе была статья Н. Н. Лисового (Лисовой 1991).

Ещё одним излюбленным святым был для него прп. Иосиф Волоцкий, о котором он также написал житийную справку во второй том «Настольной книги священнослужителя». К 550-летию со дня рождения святого осенью 1990 года состоялась вторая научно-практическая конференция «Прп. Иосиф Волоцкий и его обитель Успения Пресвятой Богородицы», для которой Н. Лисовой подготовил доклад «“Перевод «Просветителя” преподобного Иосифа Волоцкого». Над изучением «Просветителя» он работал много лет, о чём свидетельствуют черновики в его архиве.

В мае 1989 года он выступил на семинаре, посвящённом средневековой Руси, с докладом о Софии и её осмыслении в средневековом Киеве и Новгороде в контексте традиции Православной Империи (Лисовой 1995). Развивая идеи свящ. Павла Флоренского, Н. Лисовой выделил «три эпохи, три измерения русской богословской мысли: эпохи “софийного” (XI–XIII вв.), “троичного” (XIV–XV вв.), “успенского” (XV–XVI вв.) мышления, — ассоциируемых последовательно с доминантным значением для духовности и культуры идеологии Софии, Святой Троицы, Успения Богородицы. Специфика каждого из этих типов мышления проявляется не в одной лишь богословской или иконографической области, но на уровне космологических, гносеологических, политических, архитектурно-градостроительных представлений»[50]. Н. Лисовой при этом не только развивал идеи свящ. Павла Флоренского, но и прот. А. В. Горского. Он писал: «В соответствии с попытками русской богословской мысли (А. В. Горский и др.) сопоставить те или иные исторические эпохи с преимущественным раскрытием того или иного Лица Пресвятой Троицы, мы усматриваем преимущественное раскрытие действия Первой Ипостаси — в софийном круге представлений, Второй Ипостаси — в эпоху троичного мышления, Третьей (Святого Духа) — в эпоху успенского мышления. Соответственно, на философском уровне имеем последовательно осознание святости космоса, святости творения (София), осознание святости Церкви и Народа

[50] Лисовой Н. Концепция Софии Премудрости Божией: Киев-Новгород-Москва (тезисы доклада). Машинопись. 3 л. Л. 1.

(под знаком Троицы), осознание святости личности, личного свободного подвига (под знаком Успения)»[51]. В 1990 году Н. Лисовой подготовил газетную публикацию с изложением этой концепции[52]. Окончательное формулирование этой темы Н. Лисовым приходится уже на начало XXI века (Лисовой 2001).

В 1980-х годах Н. Лисовой часто выступал в Телешовском доме на Покровском бульваре, где с 1981 года находилось Московское городское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, членом которого он был.

3 марта 1986 года состоялся литературный вечер 39-летнего Н. Лисового в ещё одном известном тогда месте проведения культурных мероприятий — Погодинской избе. Такие вечера здесь проходили и ранее. Друг Н. Н. Лисового историк и сценарист Вячеслав Сергеевич Лопатин (1936–2023) вспоминал: «Начало 1980-х, кульминация застоя. И вдруг эта чистая, глубоко религиозная музыка прекрасных стихов, поэтические откровения, пронизанные любовью к Богу, добру, свету, силе созидания, Родине»[53].

Вёл мероприятие И. И. Кобзев — организатор и руководитель Общественного музея «Слово о полку Игореве», размещавшегося в Погодинской избе (Москва, Погодинская улица, 12А) при москворецком районном отделении Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Среди активистов музея насчитывалось около 100 человек. Кобзев возглавлял музей со дня основания вплоть до своей кончины, последовавшей через два месяца после вечера. Ведущий говорил о знакомстве с Лисовым на пушкинском вечере в 1970-е годы: «Потом я ближе узнал Николая Николаевича и поражён был кругу его интересов: это и философ, у него есть замечательные философские работы, это и историк, это и теолог, есть и такая наука, наверное, это большое знание и даёт Николаю Николаевичу те творческие решения, которые так ярко проявляются в его стихах». По словам ведущего, ему свойственна «музыка стиха, обаяние стиха, обаяние образа», что это «мастер, стихи которого можно слушать бесконечно». На вечере

[51] Там же. Л. 3.

[52] Лисовой Н. Н. Три лика русской духовности. Статья 1. Сказание о Софии // Московский строитель. — 1990. — 12–19 июня. — № 23. — С. 10–12; Он же. Три лика русской духовности. Статья 2. К Троице Живоначальной // Московский строитель. — 1990. — 17–24 июля. — № 28. — С. 10–12.

[53] Лопатин В. С. Юбилей друга и не снятый по этому случаю фильм // Московская перспектива. — 1996. — 29 октября. — № 44 (197).

Н. Лисовой читал стихи из неизданной книги «Русские поэмы», стихи из поэмы об Александре Невском и другие свои стихи. Прозвучала и его религиозная поэзия. Середина 1980-х годов стала временем активного возвращения Н. Лисового к поэтическому творчеству. В 1989 году издательством «Современник» был опубликован первый его поэтический сборник «Круг земной» (Лисовой 1989).

Готовящийся развал СССР осенью 1991 года очень беспокоил Н. Н. Лисового. 21 ноября 1991 года он организовал и провёл в малом зале Политехнического музея свой творческий вечер на тему «“Я — консерватор” (поэзия, история, богословие)». В вечере приняли участие поэт Татьяна Глушкова и В. В. Кожинов. Буквально за две недели до предательского Беловежского соглашения, развалившего великую страну, Николай Лисовой и его единомышленники призвали к сохранению того наследия, которое веками созидалось предками.

Идеи, высказанные тогда, в конце 1990-х, Н. Лисовой сформулировал в цикле лекций под общим названием «Духовные основы политики». Н. Н. Лисовой говорил на одной из них: «Никакая человеческая деятельность не может быть осмыслена вне духовной её основы. Сама постановка проблемы о духовных основах политики, она совершенно правомерна и понятна, тем более если мы вспомним, что во многих регионах мира и сегодня религиозный фактор является одним из определяющих и в политической жизни народов. Мы будем исходить из того, что нет общечеловеческой культуры, нет общечеловеческих ценностей, а есть культуры, не одна, а несколько, в которых есть своя религиозная традиция, своя ментальная основа, своё мировоззренческое поле, своё правовое поле, своя политическая концепция»[54].

Перестройка открыла возможность для Н. Н. Лисового выйти через газету на широкого читателя. С января 1990 года начала выходить газета «Московский строитель», переименованная в «Домострой» (1991–1993 годы), затем носившая название «Московское строительство» и «Московская перспектива»[55]. Лисовой входил в редколлегию газеты. Здесь, как он вспоминал, он получил карт-бланш для своих публикаций и публикаций живых и усопших авторов, которых он считал нужным опубликовать. Российский кинорежиссёр, сценарист, историк, соратник Н. Н. Лисового Вячеслав

[54] Духовные основы политики. Расшифровка лекции. 1998 год. Архив Н. Н. Лисового.

[55] Н. Лисовой сотрудничал с газетой до 2009 года.

Сергеевич Лопатин (1936–2023) писал к 50-летнему юбилею Николая Николаевича: «Сколько замечательных авторов привлёк он к работе в газете, сколько умных, глубоких статей поместил в ней сам»[56]. В «Домострое» в самом конце 1991 года опубликована переписка Н. Лисового с его другом и единомышленником Татьяной Михайловной Глушковой, с которой, несмотря на дружеские отношения, он полемизировал о будущем России и наследии великих русских мыслителей XIX века[57].

То, что Н. Н. Лисовой не мог опубликовать в газете, он выносил слушателям на своих публичных лекциях. Патриотические направления мысли, выработанные Н. Н. Лисовым в советские годы, легли в основу лекций первой половины 1990-х годов: «Идея “Третьего Рима” в Киеве, Москве, Петербурге» (28 ноября 1993 года, Политехнический музей); «“Московские ведомости”: классики российского консерватизма» (17 апреля 1994 года, Политехнический музей); «Патриотика сегодня: глазами историка и богослова» (29 мая 1994 года, Политехнический музей).

С 1989 года Н. Лисовой активизирует своё участие в деятельности Российского Палестинского общества. Он вступил в него 15 января 1974 года, с 1989 года и до своей кончины входил в Совет Общества (с 1995 года — в качестве заместителя председателя), вернувшего с 1992 года своё историческое название — ИППО[58]. Деятельность Николая Николаевича в ИППО заслуживает отдельного исследования.

6 мая 1989 года он женился на киноактрисе Наталье Яковлевне Величко (1941–2022), она вдохновила Николая Николаевича на новые творческие достижения, была женой и другом, которую он самозабвенно любил до конца своих дней. Их брак благословил старец отец Николай Гурьянов, к которому они ездили на о. Залит. Наконец он нашёл женщину, которая смогла оказать ему поддержку и вдохновить.

Николай Лисовой встретил закат СССР полным творческих сил и замыслов, сохранив верность своим православным консервативным

[56] Лопатин В. С. Юбилей друга и не снятый по этому случаю фильм // Московская перспектива. — 1996. — 29 октября. — № 44 (197).

[57] Два пророка: Достоевский и Леонтьев о «всемирной любви», России и Европе. (Два письма Татьяне Глушковой) // Домострой. — 1991. — 26 ноября. — № 46. — С. 12–13; 81.

[58] Удостоверение РПО № 76 на имя Лисового Н. Н. 1974 год. Архив автора.

убеждениям. Он был убеждён, что СССР был живым продолжением Российской империи, русской имперской традиции, о которой он много размышлял в советское время, но выразить эти идеи публично смог только в постсоветский период своего творчества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Ванеев А. Е. Наша ягода — брусника: стихи / пер. с коми / Альберт Ванеев; [художник В. Комаров]. — М. : Современник, 1983. — 158 с.

Амвросий (Гренков), иеросхим. Письма // Журнал Московской Патриархии. — 1971. — № 11. — С.,68–77. — Публикатор не указан.

Лисовой Н. Н. К датировке Мстиславова Евангелия // Мстиславово Евангелие XII века: Исследования. — М. : Скрипторий, 1997. — С. 710–719.

Лисовой Н. Н. Каноны совести и свобода Церкви // Научно-богословские труды по проблемам православной миссии. — Белгород, 1999. — С. 262–265.

Лисовой Н. Н. Круг земной. Стихи и поэмы. — М. : Современник, 1989. — 151 с.

Лисовой Н. Н. «Освобождающая сила». О богословском наследии епископа Михаила (Грибановского) // Михаил (Грибановский), епископ. Сочинения, письма, жизнеописание. — М. : ПСТГУ, 2011. — С. III–XXXIV.

Лисовой Н. Н. В. В. Шульгин: человек, политик и мыслитель // Международная научная конференция «Культурное наследие русской эмиграции: 1917–1940-е годы» : сборник материалов. — М. : РАН. «Конгресс соотечественников». — 1993. — С. 92.

Лисовой Н. Н. Воля к спасению // Иоанн Кронштадтский (Сборник статей). — М. : Патриот, 1992. — С. 367–379.

Лисовой Н. Н. Одерживающая верх (Г. А. Богатова и её Словарь) // Русская историческая лексикография на современном этапе. К 25-летию издания Словаря русского языка XI–XVII вв. — М., 2000. — С. 149–158.

Лисовой Н. Н. Основание Русской Православной Церкви // Русская Православная Церковь: 988–1988. Очерки истории. — Вып. 1. I–XIX вв. — М., [1990.] — С. 4–29. — На титульном листе год издания: 1988.

Лисовой Н. Н. Преображение Господне: иконография и смысл праздника / подгот. к печати, примеч., предисл. свящ. Д. Сафонова // Христианство на Ближнем Востоке. — 2020. — № 3. — С. 118–143.

Лисовой Н. Н. Чудо Серафима // Преподобный Серафим Саровский : сборник. — М., 1997. — С. 9–18.

Лисовой Н. Н. Школа Преподобного Сергия // Сергий Радонежский : [сборник] / сост. В. А. Десятников ; рецензенты Э. Ф. Володин,

прот. А. Шаргунов ; худ. С. М. Харламов, А. С. Зайцев. — М. : Патриот, 1991. — С. 414–429.

Лисовой Н. Н. Новые музеи СССР. — М., 1983. — 150 с.

Лисовой Н. Н. Обзор основных направлений русской богословской академической науки в XIX — начале XX столетия // Богословские труды. Сб. 37. — М., 2002. — С. 5–127.

Лисовой Н. Н. Песнь Успенская // Три Рима / сост. Н. Н. Лисовой, Т. А. Соколова. — М. : ОЛМА-Пресс, 2001. — С. 441–452.

Лисовой Н. Н. Сквозь века, традиции и стили (Ритмы древних орнаментов; Синтоистские и буддийские традиции в японской архитектуре; Японская скульптура: поиски и традиции; Особенности и достижения японской живописи // Искусство стран Востока. — М., 1986. — С. 269–297.

Лисовой Н. Н. Чудотворные иконы. Обретение, чудотворения, молитвы / под ред. Т. А. Соколовой. — М. : ОЛМА-ПРЕСС, — 2002. — 271 с. : ил. (Православные святыни).

Лисовой Н. Н. Об одной мифологеме времени в связи с проблемой межкультурных контактов // Материалы научного семинара «Семиотика средств массовой коммуникации». — Ч. II. — М., 1973. — С. 345–355.

Лисовой Н. Н. Под знаком Софии (К предыстории идеи Третьего Рима) // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. IX Международный семинар исторических исследований «От Рима к Третьему Риму». Москва, 29–31 мая 1989 г. — М., 1995. — С. 58–64.

О Священном Писании Нового Завета // Новый Завет. — М. : изд. Московской Патриархии, 1976. — С. 593–611. — Автор не указан.

Остромирово Евангелие как исторический источник // Остромирово Евангелие 1056–1057. [Научное сопровождение к факсимильному изданию]. — М. : Издат. отд. Моск. Патриархата ; Л. : Аврора, 1988. — С. 12–14.

Преображение Господне: иконография и смысл праздника // Синергия: Проблемы аскетики и мистики Православия / под ред. С. С. Хоружего. — М., 1995. — С. 207–229.

Философия науки в историческом контексте. Посвящается 85-летию со дня рождения Н. Ф. Овчинникова. — СПб. : Изд-во РХГИ ИД С.-П. ГУ, 2003.

Шульгин В. В. Последний очевидец. Мемуары. Очерки. Сны / сост., предисл., подгот. текста, послесл. Н. Лисового. — М., 2002. — 588 с.

Die russische theologische Wissenschaft // Die russische Orthodoxe Kirche. — Berlin-New York, 1985. — (Die Kirche der Welt. Bd. 19).

Сведения об авторе:
Сафонов Дмитрий Владимирович, иерей — кандидат исторических наук, кандидат богословия, консультант Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, доцент кафедры теологии Института гуманитарных и прикладных наук Московского государственного лингвистического университета, доцент кафедры богословия Российского православного университета святого Иоанна Богослова, 119034, Россия, Москва, ул. Остоженка, 38 стр.1, e-mail: dmisafonov@yandex.ru

Конфликт интересов:
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 20.09.2023; одобрена после рецензирования 06.11.2023; принята к публикации 12.11.2023.

D. V. Safonov, Priest

MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY, MOSCOW, RUSSIA

Nikolay Lisovoy: "I am a Conservative!" (Review of Nikolay Lisovoy's Work in the Soviet Period)

Abstract. This article delves into the works of Nikolay Nikolayevich Lisovoy (1946–2019) during the initial 45 years of his life, which coincided with the Soviet era. It was during this period that the main concepts of his creativity were formulated: the Orthodox Empire and its relation to the Church, the history of Russian theology, the history of the Russian Church and its saints, Russian conservative journalism from the late 19th to the early 20th century, and the Russian spiritual and political presence in the East. Nikolay Lisovoy's youth was marked by the peak of his poetic creativity, and he primarily considered himself a poet. To the contemporary reader, Nikolay Lisovoy is largely known for his writings on the Holy Land and his activities in the Imperial Orthodox Palestine Society (IPPO). However, during the considered period of his creative output, these themes were not yet at the forefront of his attention, thus his main contributions to the development of Russian conservative thought remain practically unknown. Based on Nikolay Lisovoy's personal archive and his early publications, the author analyzes his works written during the Soviet era, delves into the origins of his creativity,

and identifies individuals who significantly influenced his formation. Of particular interest is the examination of Nikolay Lisovoy's works at the intersection of disciplines: physics, philosophy and theology, semiotics and linguistics, history and canon law, historiosophy and political science. Nikolay Lisovoy's creative output is explored using materials from his personal archive within the context of the epoch, taking into account individuals who had a particular influence on him, including his mother Olga Talantseva, Fyodor Sukhov, Vasily Shulgin, Archimandrite Innokenty (Prosvirnin), Tatyana Glushkova and others.

This publication, commemorating the 5th anniversary of Nikolay Lisovoy's passing, aims to initiate a comprehensive study of Nikolay Lisovoy's spiritual and scientific legacy from the first 30 years of his creative path, which unfolded during the Soviet period, and and introduce it to the scientific society. By 1991, Nikolay Lisovoy laid the foundations of concepts that are extremely relevant to conservative thought today. The most important of them is the idea that Russia was and remains an Orthodox Empire, destined to resist the entropy threatening humanity and originating from the West. Above all, he considered himself a conservative.

The author of the article has been a disciple of Nikolay Lisovoy since 2003, actively promoting his works. After being ordained as a priest in 2013, he regularly performed confession, communion, and administered the last sacraments for the scholar and his spouse.

Keywords: Russian Party, conservatism, Orthodox Empire, poetry, semiotics, Russian Orthodox Church, Publishing Department of the Moscow Patriarchate, the problem of time in philosophy, liberalism

For citation: Safonov, D. V. (2023). Nikolay Lisovoy: "I am a Conservative!" (Review of Nikolay Lisovoy's Work in the Soviet Period). *Orthodoxia*, (4), 58–89. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2023-4-58-89

REFERENCES:

Vaneev, A. E. (1983). *Nasha iagoda — brusnika: stikhi: perevod s komi* [Our Berry — Lingonberry: Poems: Translated from Komi]. Moscow: Sovremennik. [In Russian].

Amvrosy (Grenkov), ieroskhim. (1971). Pis'ma [Letters]. *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii*, (11), 68–77. [In Russian].

Lisovoi, N. N. (1993). V. V. Shul'gin: chelovek, politik i myslitel' [V. V. Shulgin: a Man, a Politician and a Thinker]. In *Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia "Kul'turnoe nasledie russkoi emigratsii: 1917–1940-e god". Sbornik materialov*. Moscow: RAN. "Kongress sootechestvennikov". [In Russian].

Lisovoi, N. N. (1997). K datirovke Mstislavova Evangeliia [On the Dating of the Mstislav Gospel]. In *Mstislavovo Evangelie XII veka: Issledovaniia* (pp. 710–719). Moscow: Skriptory. [In Russian].

Lisovoi, N. N. (1973). Ob odnoi mifologeme vremeni v sviazi s problemoi mezhkul'turnykh kontaktov [On One Mythologeme of Time in Connection with the Problem of Intercultural Contacts]. In *Materialy nauchnogo seminara "Semiotika sredstv massovoi kommunikatsii"* (Part II, pp. 345–355). Moscow. [In Russian].

Lisovoi, N. N. (1983). *Novye muzei SSSR* [New Museums of the USSR]. Moscow. [In Russian].

Lisovoi, N. N. (1990). Osnovanie Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi [The Foundation of the Russian Orthodox Church]. In *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov': 988–1988. Ocherki istorii* (Vol. 1, pp. 4–29). Moscow. [In Russian].

Lisovoi, N. N. (1989). *Krug zemnoi. Stikhi i poemy* [The Circle of the Earth. Poems and Poems]. Moscow: Sovremennik. [In Russian].

Lisovoi, N. N. (1991). Shkola Prepodobnogo Sergiia [The School of St. Sergius]. In *Sergii Radonezhskii : [sbornik]* (pp. 414–429). Moscow: Patriot. [In Russian].

Lisovoi, N. N. (1992). Volia k spaseniiu [The Will to Salvation]. In *Ioann Kronshtadtskii. (Sbornik statei)* (pp. 367–379). Moscow: Patriot. [In Russian].

Lisovoi, N. N. (1995). Pod znakom Sofii. (K predystorii idei Tret'ego Rima) [Under the Sign of Sofia. (On the Prehistory of the Idea of the Third Rome)]. In *Rimsko-konstantinopol'skoe nasledie na Rusi: ideia vlasti i politicheskaia praktika. IX Mezhdunarodnyi seminar istoricheskikh issledovanii "Ot Rima k Tret'emu Rimu". Moskva, 29–31 maia 1989 g.* (pp. 58–64). Moscow. [In Russian].

Lisovoi, N. N. (1986). Skvoz' veka, traditsii i stili (Ritmy drevnikh ornamentov; Sintoistskie i buddiiskie traditsii v iaponskoi arkhitekture; Iaponskaia skul'ptura: poiski i traditsii; Osobennosti i dostizheniia iaponskoi zhivopisi [Through the Ages, Traditions and Styles (Rhythms of Ancient Ornaments; Shinto and Buddhist Traditions in Japanese Architecture; Japanese Sculpture: Searches and Traditions; Features and Achievements of Japanese Painting]. In *Iskusstvo stran Vostoka* (pp. 269–297). Moscow. [In Russian].

Lisovoi, N. N. (1997). Chudo Serafima [The Miracle of Seraphim]. In *Prepodobnyi Serafim Sarovskii. Sbornik* (pp. 9–18). Moscow. [In Russian].

Lisovoi, N. N. (1999). Kanony sovesti i svoboda Tserkvi [Canons of Conscience and Freedom of the Church]. In *Nauchno-bogoslovskie trudy po problemam pravoslavnoi missii* (pp. 262–265). Belgorod. [In Russian].

Lisovoi, N. N. (2000). Oderzhivaiushchaia verkh. (G. A. Bogatova i ee Slovar') [Gaining the upper hand. (G. A. Bogatova and Her Dictionary)]. In *Russkaia istoricheskaia leksikografiia na sovremennom etape. K 25-letiiu izdaniia Slovaria russkogo iazyka XI–XVII vv*. (pp. 149–158). Moscow. [In Russian].

Lisovoi, N. N. (2001). Pesn' Uspenskaia [Song of the Assumption]. In *Tri Rima* (pp. 441–452). Moscow: OLMA-Press. [In Russian].

Lisovoi, N. N. (2002). *Chudotvornye ikony. Obretenie, chudotvoreniia, molitvy* [Miraculous Icons. Finding, Miracles, Prayers]. Moscow: OLMA-Press. [In Russian].

Lisovoi, N. N. (2002). Obzor osnovnykh napravlenii russkoi bogoslovskoi akademicheskoi nauki v XIX — nachale XX stoletiia [Review of the Main Directions of Russian Theological Academic Science in the XIX — Early XX Century]. *Bogoslovskie Trudy*, (37), 5–127. [In Russian].

Lisovoi, N. N. (2011). "Osvobozhdaiushchaia sila". O bogoslovskom nasledii episkopa Mikhaila (Gribanovskogo) ["Liberating Force". On the Theological Legacy of Bishop Mikhail (Gribanovsky)]. In *Mikhail (Gribanovsky), episkop. Sochineniia, pis'ma, zhizneopisanie* (pp. III–XXXIV). Moscow: PSTGU. [In Russian].

O Sviashchennom Pisanii Novogo Zaveta [About the Holy Scriptures of the New Testament]. (1976). In *Novyi Zavet* (pp. 593–611). Moscow: Izd. Moskovskoi Patriarkhii. [In Russian].

Ostromirovo Evangelie kak istorichesky istochnik [The Ostromir Gospel as a historical source]. (1988). In *Ostromirovo Evangelie 1056–1057. [Nauchnoe soprovozhdenie k faksimil'nomu izdaniiu]* (pp. 12–14). Moscow: Izdat. otd. Mosk. Patriarkhata. Leningrad: Avrora. [In Russian].

Preobrazhenie Gospodne: ikonografiia i smysl prazdnika [The Transfiguration of the Lord: Iconography and the Meaning of the Holiday]. (1995). In *Sinergiia: Problemy asketiki i mistiki Pravoslaviia* (pp. 207–229). Moscow. [In Russian].

Lisovoi, N. N. (2020). Preobrazhenie Gospodne: ikonografiia i smysl prazdnika [The Transfiguration of the Lord: Iconography and the Meaning of the Holiday]. *Khristianstvo na Blizhnem Vostoke*, (3), 118–143. [In Russian].

Filosofiia nauki v istoricheskom kontekste. Posviashchaetsia 85-letiiu so dnia rozhdeniia N. F. Ovchinnikova [Philosophy of Science in a Historical Context. Dedicated to the 85th Anniversary of the Birth of N. F. Ovchinnikov]. (2003). Saint Petersburg: Izd-vo RKhGI ID S.-P. GU. [In Russian].

Shulgin, V. V. (2002). *Posledny ochevidets. Memuary. Ocherki. Sny* [The Last Eyewitness. Memoirs. Essays. Dreams]. Moscow. [In Russian].

Die russische theologische Wissenschaft [The Russian Theological Science]. (1985). In *Die russische Orthodoxe Kirche* (Vol. 19). Berlin-New York: Die Kirche der Welt. [In German].

About the Author:
Dmitry Vladimirovich Safonov, Priest — Candidate of Historical Sciences, Candidate of Theology, Consultant at the External Church Relations Department of the Moscow Patriarchate, Associate Professor at the Department of Theology at the Russian Orthodox University of St. John the Divine, Associate Professor at the Department of Theology at the Institute of Humanities and Applied Sciences of the Moscow State Linguistic University, 38 str.1, Ostozhenka str., Moscow, Russia, 119034, e-mail: dmisafonov@yandex.ru

Conflict of interest:
The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 20.09.2023; approved after reviewing 06.11.2023; accepted for publication 12.11.2023.

ОРТОДОКСИЯ. 2023. № 3. С. 90–117.
УДК 271.2
DOI: 10.53822/2712-9276-2023-4-90-117

В. А. Саулкин

РАДИОСТАНЦИЯ «РАДОНЕЖ»,
МОСКВА, РОССИЯ

Советская эпоха в тысячелетней истории России. Перечитывая В. Н. Тростникова

Аннотация. Статья посвящена творчеству известного русского религиозного мыслителя В. Н. Тростникова и его взглядам на советскую эпоху. Главный вопрос, на который он отвечал своим творчеством: «В чём был высший смысл страданий и тягот, выпавших на долю России в XX столетии?» Размышления Виктора Николаевича о советской эпохе, на которую пришлась большая часть его жизни, кажутся нам более объективными и важными, чем рассуждения авторов, которые придерживаются прокоммунистических или антикоммунистических взглядов. Тростников считал марксизм еретическим учением, которое за счёт своей псевдонаучности смогло отравить сознание русских людей. Тогда как религиозная природа марксизма воздействовала на христианские чувства народа, что сделало возможным успех Октябрьской революции. Учение о коммунизме было христианской ересью, христианством без Христа. В советское время русский народ сохранил способность верить в нечто высшее, чем материальный мир. Ленинизм дал народу вдохновляющую и окрыляющую мечту. Христианский рай на небесах был заменён земным коммунистическим раем в будущем. На протяжении всего советского периода русской истории государственный атеизм не смог сломать глубоко укоренённые в душе народа традиционные духовно-нравственные ценности православной цивилизации. Тростников отмечал проявления подлинного

подвижничества в советскую эпоху. Несмотря на то что СССР до конца своего существования был атеистическим государством, прикровенно наша страна оставалась Третьим Римом. Тростников предлагал рассматривать историю России XX столетия, в том числе и революционные события, и советскую эпоху, с точки зрения Русской цивилизации. Важно, что народ в это непростое время сумел сохранить ядро своей культуры и цивилизационной идентичности, которое «замаскировалось внешним безбожием». Тростниковым предлагалось особое понимание фигуры Сталина, соотношения власти и народа в советскую эпоху, роли индустриализации в советской истории и искусства в жизни страны.

Ключевые слова: В. Н. Тростников, советская эпоха, Третий Рим, гонения на Церковь, коммунизм, революция, Гражданская война

Для цитирования: Саулкин В. А. Советская эпоха в тысячелетней истории России. Перечитывая В. Н. Тростникова // Ортодоксия. — 2023. — № 4. — С. 90–117. DOI: 10.53822/2712-9276-2023-4-90-117

Прошло больше трёх десятилетий с того времени, как был разрушен Советский Союз. Казалось бы, революция и Гражданская война для нынешних поколений уже далёкое прошлое. Но в российском обществе до сих пор слышны голоса о необходимости примирения между условными красными и белыми.

Сегодня никто не станет отрицать, что и революция, и братоубийственная война стали возможными только при активном вмешательстве внешних сил, которые ярый противник советской власти И. А. Ильин называл «мировой закулисой».

Всего через 20 лет после окончания Гражданской войны была Священная Великая Отечественная война. И недавние красные и белые в большинстве своём сплотились в борьбе с внешним врагом. Но в 1991 году последовал развал исторического Российского государства, 80 лет существовавшего в виде Советского Союза. И сегодня очевидно, что развал СССР происходил при явном участии внешних сил, как в 1917 году развал Российской империи. Потрясения, которые переживала страна в конце XX столетия, заставили многих задуматься над причинами Русской трагедии начала века.

В августе 1991 года к власти в стране пришли российские либералы, идейные наследники «февраля», некий коллективный Керенский. Но и некоторые сторонники «белой идеи» восприняли всё, что происходило в стране, как реванш за поражение в Гражданской войне и как долгожданную победу над «большевиками». С тех пор в нашем обществе не утихают споры между верными ленинцами и современными т. н. белогвардейцами. Хотя большинство нашего народа не участвует в обсуждении этой темы, совершенно очевидно, что нынешние противоречия между красными и белыми старательно разжигаются с помощью информационных технологий.

К сожалению, порой весьма ожесточённая полемика о советской эпохе ведётся и среди православных христиан. В советское время такого разделения, насколько я помню, не было. В большинстве своём православные люди были верными гражданами своей страны, служили в рядах Вооруженных сил. Не сомневаясь ни минуты, они готовы были защищать Родину в случае военной опасности. Но к советской власти христиане в нашей стране совершенно справедливо относились как к богоборческой.

А какое иное отношение могло быть у верующего человека, когда по всей огромной стране от Балтики до Тихого океана мы встречали полуразрушенные или превращённые в овощехранилища храмы? Когда священник мог быть вызван на допрос в органы безопасности, если его проповеди привлекают на богослужение молодёжь? А напечатанные в Издательстве Московской Патриархии Евангелие и молитвослов были огромной редкостью, акафисты переписывали от руки или перепечатывали на пишущих машинках. За ксерокопии творений святых отцов (заметим, не антисоветскую литературу!) могло грозить уголовное наказание.

Разумеется, отношение к Церкви в позднесоветское время невозможно сравнивать с эпохой гонений. Но период хрущёвских попыток уничтожить Церковь и показать к 1980 году «последнего попа» по историческим меркам был совсем недавно. К тому же о гонениях на Церковь и подвиге новомучеников и исповедников мы узнавали не из книг, запрещённых в СССР. В храмах мы могли встретить священников и мирян, совсем недавно пострадавших за верность Христу Спасителю и Церкви Православной. Исповедники, пережившие гонения на Церковь, жили среди нас, мы с ними общались.

После падения советской власти Церковь обрела свободу. Восстанавливались из руин тысячи храмов, возрождались монашеские

обители, появились воскресные школы не только для детей, но и для взрослых, десятки издательств выпускали духовную литературу. Наконец-то появилась возможность преподавать историю Отечества без всякой идеологической цензуры.

Но можно заметить, как советские мифы о истории России в XX столетии, которые нам в СССР внушали в соответствии с «Кратким курсом ВКПб», заменили на такие же мифы, только антисоветские. И те, и другие объективностью не отличаются. Тем более что оголтелый антисоветизм в 90-е годы был взят на вооружение либеральной общественностью, известной своей яростной русофобией и стремлением во что бы то ни стало «реформировать» Русскую Православную Церковь.

После крушения СССР страна пережила тяжелейшие десятилетия. Как сказал Александр Зиновьев о развале Советского Союза: «Целились в коммунизм, а попали в Россию». Оказалось, что антисоветизм российских либералов ничем не отличался от обычной русофобии, процветающей на Западе.

В XX веке мы убедились, как прав был Ф. М. Достоевский, сказав, что «русский либерал дошёл до того, что отрицает самую Россию, то есть ненавидит и бьёт свою мать» (Достоевский 1973: 277).

Коллективному смердякову одинаковы ненавистны все периоды тысячелетней истории России, что эпоха Московского царства, что эпоха Российской империи. А советская эпоха вызывает у российских либералов особенную ненависть.

Но вот что удивительно: ряд православных историков и публицистов, как и российские либералы, считают советский период страшным провалом русской истории. Утверждают, что все десятилетия существования Советского Союза наша страна двигалась по тупиковому пути развития, оторвавшись от цивилизованного мира. Семьдесят лет советской эпохи, по их мнению, стали «чёрной дырой» русской истории.

А всех, кто с этим не согласен и считает, что советская эпоха была трагической, но и одновременно величественной частью единой тысячелетней истории России, немедленно обвиняют в предательстве памяти новомучеников и исповедников, приписывают желание оправдать террор, репрессии и гонения на Церковь.

Но православные сторонники взгляда на советскую эпоху, как на «чёрную дыру» русской истории, рассуждают вполне в логике самых закоренелых материалистов, воспитанных в верности идеям Маркса-Энгельса-Ленина. Они уверены, что кучка заговорщиков с помощью

мировой закулисы сумела обмануть русский народ и ввергла страну в братоубийственную войну, тем самым не позволив Российской империи одержать победу в мировой войне и достичь высочайшего расцвета.

Разумеется, мировая закулиса, могущественный интернационал ростовщиков, финансировали и готовили революцию. Против Российской империи как геополитического конкурента работали спецслужбы иностранных государств, прежде всего Великобритании и США. В 1917 году произошла катастрофа Российской государственности и на народ обрушились неисчислимые бедствия, ужас братоубийственной войны. Террор, развязанный «пламенными революционерами» в годы революции и Гражданской войны против всех сословий, на которых веками держалась российская государственность, с полным основанием можно считать геноцидом.

Но, во-первых, все десятилетия существования СССР невозможно рисовать одной лишь чёрной краской, в советское время были разные периоды. Иначе мы будем повторять ложь западных политологов-русофобов, объявивших СССР огромным Гулагом.

Казалось бы, все православные согласны с тем, что бедствия, постигшие русский народ в годы революции и Гражданской войны, были неизбежным наказанием за постепенную утрату веры в Бога. Об этом писали многие русские духоносные старцы, святители. Но некоторые историки и публицисты считают все семьдесят лет советской власти чудовищным провалом в русской истории, бессмысленно потерянными десятилетиями, которые обескровили русский народ.

Но неужели Промысл Божий о России и русском народе в то время не действовал? В чём же был высший смысл страданий и тягот, выпавших на долю России в XX столетии? Ведь мы же знаем, что в марте 1917-го была явлена чудотворная Державная икона Пресвятой Богородицы, и верим, что Царица Небесная не оставила Русскую землю.

О том, как Господь вёл Россию в то время, о уроках, которые мы с вами должны извлечь из истории России XX столетия, в своих книгах размышляет наш замечательный современник, писатель, учёный, философ Виктор Николаевич Тростников.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ УШЕДШЕЙ ЭПОХЕ

В. Н. Тростников — автор более ста работ по различным разделам физики и математики, а также книг по научной апологетике: «Мысли перед рассветом», «Понимаем ли мы Евангелие», «Раздумья в пути»,

«Православная цивилизация», «Россия земная и небесная», «Мысли перед закатом» и др.

Виктор Николаевич ушёл из земной жизни в Жизнь Вечную в 2017 году в возрасте 89 лет. Родившись в 1928 году, большую часть своей жизни он прожил в Советском Союзе и был свидетелем многих событий в жизни страны.

В 1979 году Тростников пишет, а потом издаёт за границей книгу «Мысли перед рассветом», где выступает как апологет христианства. А затем принимает участие в диссидентском сборнике «Метрополь», признанном в СССР антисоветским, хотя в публикации Тростникова ничего антисоветского и не было. Но заметим, что из всех участников альманаха «Метрополь» репрессиям подвергся единственный автор, а именно Виктор Николаевич Тростников. Напомню, что времена уже были вполне «вегетарианскими», особенно свирепых гонений не было.

Тростников закончил физико-технический факультет МГУ, был доцентом высшей математики, преподавал в МИФИ, МИСИ, МХТИ, МИИТе и ряде других ВУЗов. И талантливого учёного, любимого студентами преподавателя, заместителя заведующего кафедрой по научной работе одного из московских ВУЗов просто «сократили». После сокращения Тростникова не брали на работу ни в один ВУЗ. Виктор Николаевич таким образом был насильно отлучён от науки и лишён возможности заниматься преподавательской деятельностью.

Тростников устраивается работать сторожем, затем подсобным рабочим на стройку и даже дорастает до должности прораба, участвуя в реконструкции Покровского академического храма в Сергиевом Посаде. Работает простым рабочим на восстановлении Даниловского монастыря, первой обители, которую вернули Русской Православной Церкви в канун празднования Тысячелетия Крещения Руси.

В 1982 году он пишет небольшую философскую работу под названием «Увольнение». В ней он и показывает причину, из-за которой Советский Союз должен прекратить существование, как и коммунистическая власть. Эта причина — раздвоение сознания людей, живущих в СССР, и отход от реальности в угоду вымыслу и утопии.

Тростникова трудно заподозрить в особенной симпатии к советской власти.

Тем не менее размышления Виктора Николаевича о советской эпохе, в которой он прожил большую часть своей жизни, нам кажутся более объективными и важными, чем рассуждения авторов, которые

придерживаются прокоммунистических или антикоммунистических взглядов.

Одна из книг В. Н. Тростникова называется «Бог в русской истории». Не только русскую, но и всю мировую историю Тростников рассматривает как воплощение Божиего Замысла о человечестве. Виктор Николаевич в своих книгах и статьях стремится увидеть, как действует Промысл Божий в истории России. В том числе и в советский период нашей истории.

МАРКСИЗМ БЫЛ ЕРЕСЬЮ, НО ПРИВЛЁК РУССКИХ ЛЮДЕЙ МЕЧТОЙ О ПОСТРОЕНИИ РАЯ НА ЗЕМЛЕ

Русский учёный, математик и философ, Тростников в своих работах утверждает, что причины трагического поворота мировой истории заключаются в том, что в своё время на протестантском и католическом Западе произошла подмена веры в Творца верой в науку. И после того как учёные решили, что материя с её законами превыше всего, они сделали весьма логичное заключение: Бога нет.

В православной России с небольшим опозданием происходили те же процессы, что и на Западе. В этом Тростников видит причину, по которой русское общество постепенно теряло веру в Бога: «В конце девятнадцатого века принять христианское учение мало-мальски грамотному, тем более образованному человеку было абсолютно невозможным. Оставаться в это время христианином по убеждению означало выставить себя перед всеми невеждой, тёмной и отсталой личностью, мракобесом. Ведь по всеобщему убеждению, монопольной истиной стала наука, а она объяснила нам, что религиозные представления суть заблуждения» (Тростников 2015).

Тростников считает марксизм ересью, которая именно за счёт своей якобы научности смогла отравить сознание русских людей. Но именно то, что марксизм был ересью, которая воздействовала на христианские чувства русских людей, и привело к успеху Октябрьской революции. Тростников уверен, что учение Маркса прельстило русских людей потому, что «лжехристос может иметь успех только там, где ещё теплится память о настоящем Христе».

Виктор Николаевич утверждает, что учение о коммунизме было христианской ересью, христианством без Христа. Это была ложь, прельстившая русских людей. Но уверен, что даже в этом состоянии русский народ сохранил способность верить в нечто высшее, чем материальный

мир: «Семьдесят лет нас морочили научным коммунизмом, и мы верили в него, оставаясь при этом в глубине души верующим народом»[1].

Тростников пишет о том, что привлекало русских людей в учении Маркса: «Судите сами: в нём сочетались такие качества, как “научность” (конечно, это была не подлинная научность, а ловко сработанная наукообразность) и душевность (чувство братской солидарности трудящихся), а его призыв к самопожертвованию ради осуществления всемирно-исторической миссии трудящихся придавал их жизни смысл, который был отнят материализмом. Огромная духовная сила русского народа пробудилась от спячки, и он устремился к великой цели — освобождению от капиталистического рабства трудящихся всей земли. И тут — Евангелие: будут первые последними, и последние первыми (Мф. 19:30)!» (Тростников 2015).

Именно этот призыв построить общество всеобщей справедливости и привлёк многих русских людей. Они надеялись построить рай на земле.

«Марксизм с самого начала был чистейшей ложью, искусственной кабинетной компиляцией, рассчитанной на отклик тех, в ком теплятся ещё христианские чувства. Это был даже не червяк, а совершенно несъедобная блесна, но русский народ клюнул на неё, и клюнул именно потому, что в нём ещё жива была мечта о Царстве Божием.

Поэтому Октябрьскую революцию можно назвать революцией мечты. Наука запретила мечтать о рае на небесах, и существование стало беспросветным; Маркс позволил мечтать о рае ещё лучшем небесного — рае здесь, на земле, и народ ожил и наполнился непреоборимой силой. Что могли противопоставить этой силе февралисты, назвавшие себя белыми, только что свергнувшие царя ради установления либеральной демократии? Учредительное собрание? — Жидковато в сравнении с раем на земле» (Тростников 2015).

ПОЧЕМУ ИДЕИ МАРКСА РЕШИЛИСЬ ВОПЛОТИТЬ РУССКИЕ, А НЕ ЕВРОПЕЙЦЫ

В наше время утверждение, что вера в Бога противоречит данным науки, повторяют только люди абсолютно невежественные. Среди серьёзных учёных таких людей осталось немного. Но в XIX и в начале XX века всё было иначе:

[1] Тростников В. Н. Как большевистское иго спасло Третий Рим // Покров. — 2017. — № 1. — URL: https://pokrov.pro/kak-bolshevistskoe-igo-spaslo-tretij-rim/?ysclid=lfwvzdjw7l122169117 (дата обращения: 04.02.2023).

«Всё это стало известно сравнительно недавно. А в начале двадцатого столетия умы подвергались бешеному натиску материализма, апеллировавшего к авторитету науки. Устоять перед этим натиском не мог никто. Западная цивилизация, значительно обезбоженная тремя веками протестантизма, оказалась окончательно сломленной этим натиском и сосредоточила все свои усилия на благоустроении жизни тела на земле, начисто выкинув из головы даже намёки на мысль об устроении души в будущей жизни на небесах» (Тростников 2008).

Тростников уверен, что большинство русского народа, в отличие от западных христиан, в душе так и не смогло смириться с мыслью, что мир живёт только по материальным законам.

«Духовная интуиция, не заглушаемая веками протестантизма, как у европейцев, подсказывала ему, что придать земной человеческой жизни смысл может только то, что находится вне этой жизни. И учение Маркса-Ленина дало такой внешний ориентир, который стал стимулом и целью существования — светлое будущее наших потомков, называемое коммунизмом.

Короче говоря, ленинизм дал народу вдохновляющую и окрыляющую мечту, и эта мечта имела в своей основе религиозный характер. Христианский рай на небе был заменён земным коммунистическим раем в будущем.

Существование такого рая нисколько не противоречило науке и даже вытекало из теории Маркса, названной “историческим материализмом”, которую все считали вполне научной. И ещё одним достоинством марксизма-ленинизма было то, что он требовал от уверовавших в него готовности к жертвам — вплоть до отдания за него своей жизни.

Это массовое умопомешательство было вполне закономерным следствием того, что Россия потеряла почву под ногами. Раньше этой почвой было христианство, но в XVIII веке наука “доказала, что Бога нет”, в первой половине девятнадцатого не верить науке могли только низы, а во второй его половине поверили ей уже и они, поскольку верхи всё это время активно их “просвещали”» (Тростников 2015).

Для прагматичных и рациональных европейцев идея жертвовать собой для блага будущих поколений и счастья всех людей на планете казалась безумием. Но русские всегда и во всём были максималистами. Уверовав в новую псевдорелигию, которой являлся марксизм, они готовы были идти до конца.

Именно поэтому большинство русских людей искренне увлеклись ересью марксизма и приняли советскую власть, уверен Тростников. И на месте православной Российской империи появилось первое в мире атеистическое государство — СССР.

СССР ОСТАВАЛСЯ ТРЕТЬИМ РИМОМ ИЛИ БЫЛ АНТИ-РОССИЕЙ?

В. Н. Тростников считает, что Господь возложил на Россию и русский народ великую миссию: Русское царство должно стать Третьим Римом, преемником Второго Рима, Восточно-Римской православной империи. На русский народ возложена задача хранить в чистоте православную веру.

Но многие современные православные публицисты утверждают, что атеистический, а в начале своего существования откровенно богоборческий, Советский Союз был анти-Россией.

Вроде бы логично. Ведь задача Третьего Рима хранить веру, а не гнать Церковь Христову и проповедовать государственный атеизм, с детского сада внушая людям, что Бога нет, а «поповским сказкам» верят только тёмные бабушки.

Но подумаем, как же произошло, что к началу XXI столетия в России строятся тысячи новых храмов, а на «постхристианском» Западе католические и протестантские церкви продают, как обычную недвижимость, превращают в рестораны, гостиницы, что в Англии уже мусульманских мечетей едва не больше, чем англиканских церквей?

Как произошло, что в России в Конституцию вносят поправки о сохранении традиционных духовно-нравственных ценностей, а Запад, где христиане не знали гонений, стремительно превращается в огромный Содом с парадами извращенцев, десятками т. н. гендеров, ювенальной юстицией и эвтаназией?

Виктор Николаевич считает, что в советскую эпоху русской истории государственный атеизм не смог сломать глубоко укорененные в душе русского народа традиционные духовно-нравственные ценности Русской Православной цивилизации:

«Попущенный свыше марксизм в качестве нашей государственной идеологии сохранил Россию в функции Третьего Рима, ибо, заставляя нас временно отказаться от теоретической составляющей христианства, от его богословия, он поощрял в нас другие его составляющие — жизненные установки, идею служения, смирение (в форме скромности), верность, готовность положить душу за други своя … и императив мессианства (в форме нацеленности на совершение мировой революции).

И когда повзрослевшая и поумневшая наука сняла запрет на признание Бога (что Господь, конечно, предвидел), недостающий элемент христианства вернулся, и оно стало полноценным.

Так, по мудрости Всевышнего, большевики, сами того не подозревая, помогли Третьему Риму пережить период воинствующего безбожия и по его окончании восстановить готовность к выполнению своего исторического предназначения. Заповеди Христа никогда не уходили из русской души, просто на время, чтобы уцелеть, они приняли видимость "Кодекса строителя коммунизма". Журналист, который составлял этот кодекс по заказу ЦК КПСС, недавно признался, что списывал его содержание с Нагорной Проповеди Христа» (Тростников 2015).

НЕПРЕОДОЛИМОЕ ЖЕЛАНИЕ РУССКОГО НАРОДА ОСТАВАТЬСЯ РУССКИМ И ВОЗРОЖДАТЬ ГОСУДАРСТВО

Разумеется, все православные люди не сомневаются, что вера в нашей стране сохранилась благодаря подвигу верности Христу Спасителю сонма новомучеников и исповедников Российских, подвигу святых Царственных мучеников и страстотерпцев. Но каким образом, вопреки планам «мировой закулисы», замышлявшей расчленение территории Российской империи, мечтавшей овладеть ресурсами нашей страны, на месте империи возник могущественный СССР, который на Западе со временем стали называть «Красной империей»? Как это произошло, ведь «пламенные революционеры» мечтали о мировой революции, а русский народ должен был послужить хворостом, который погибнет в огне, чтобы разгорелось пламя этого мирового пожара?

Виктор Николаевич отмечает проявление подлинного подвижничества в советскую эпоху, которое оголтелые антисоветчики пытаются отрицать, описывая то сложное и трагическое время только одной чёрной краской:

«Религия, сфабрикованная Марксом из заимствованных в разных местах идей и адаптированная русским народом к своей христианской натуре, была, конечно, подделкой. Но героизм был подлинным, что подтверждалось самым верным критерием — готовностью и даже желанием принять смерть за новую веру» (Тростников 2015).

Тростников совершенно справедливо считает, что революционеры пытались разрушить историческую Россию, которая стояла на трёх опорах — «Православие, Самодержавие, Народность».

Самодержавие свергло ещё февральское либеральное буржуазное правительство. По Православной Церкви был нанесён сильный удар, но он не стал смертельным, по словам Виктора Николаевича: «Ни повсеместное закрытие храмов, ни массовые расстрелы священников, ни бешеная пропаганда Союза воинствующих безбожников, ни спровоцированное властями обновленчество не добились полной ликвидации Православной Церкви — съёжившаяся и притихшая, она продолжала жить» (Тростников 2015).

Но третью опору исторической России по формуле Уварова революционеры сломать не смогли, как ни старались: «Опора, называемая “народностью”, устояла». А устояла потому, что революционеры «натолкнулись на совершенно непреодолимое желание русского народа оставаться русским. Это была очень важная веха на пути медленного и трудного изживания околдовавшей нас марксистской утопии, и она обозначала направление, по которому пойдёт это изживание и возвращение России к самой себе» (Тростников 2015).

Когда же произошёл переход от марксистской утопии? Когда народ настоял на своём желании оставаться русским народом, а не становиться «вязанкой хвороста для мировой революции», как это задумывал Троцкий и прочие «пламенные революционеры»? Тростников пишет:

«Народность восторжествовала у нас около 1930 года, когда произошла главная уступка Сталина — построение социализма в одной, отдельно взятой стране и [он] стал пропагандировать патриотизм».

Именно в это время, по словам Виктора Николаевича, «от фантазирования о мировой революции партия перешла к реальному делу — восстановлению сильного национального государства» (Тростников 2015).

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ В 1930-Е ГОДЫ СОВЕРШЕНА ПОДВИГОМ НАРОДА

Тростников считал безумной затею коллективизации, но, в отличие от тех, кто утверждает, что индустриальная мощь молодого СССР была создана рабским трудом узников ГУЛАГа, был уверен, что индустриализация была успешной благодаря тому, что русские люди осознали её необходимость и искренне трудились, созидая новое государство:

«Секрет успеха заключался в двух обстоятельствах: во-первых, эта программа отвечала интересам народа, ибо закладывала промышленную основу сильного государства, а во-вторых, русские люди в осуществлении

этой программы раскрыли свои незаурядные творческие способности как на уровне рабочих и мастеров, так и на уровне инженеров и учёных. Всё, в чём мы отстали за время Гражданской войны и разрухи от индустриального Запада, очень быстро осваивалось — руки наших умельцев, изобретателей и технических специалистов буквально творили чудеса» (Тростников 2009).

Виктор Николаевич при этом опирается на опыт своей собственной семьи, в которой никто не увлекался идеями коммунизма, но его родственники добровольно отправлялись на стройки промышленных объектов, искренне радуясь возрождению индустриальной мощи страны:

«Началась индустриализация и выстраивание крепкого государства — государственность. Всё это я застал уже в следующий период моего духовного развития. И я свидетельствую, что индустриализация была подвигом нашего народа и что в это время царил энтузиазм. Я знаю это по своей семье.

Члены моей семьи вовсе не были какими-то там потомственными коммунистами, старыми большевиками, они были очень скептически настроенными людьми. Но энтузиазм охватил очень широкие слои. И мой дядя добровольно поехал строить Магнитку, не жалел об этом и гордился этим. И были “пятитысячники” и “двадцатитысячники”, ехали на Дальний Восток осваивать земли, и всё это сопровождалось замечательными песнями Дунаевского.

Был даже “Марш энтузиастов”, а я помню ещё слова песни: “Молодые капитаны поведут наш караван…”. Была не сама по себе романтика дальних путешествий, а романтика именно освоения пространства одной шестой суши, данной нам от Бога, ради построения на этой одной шестой суши светлого будущего» (Тростников 2009).

Когда мы отмечали 85-летие Виктора Николаевича Тростникова, на встрече с читателями он говорил, что очень важно знать и чувствовать дух того времени, чтобы рассуждать о советской эпохе:

«Это была героическая эпоха, и это требовало от народа огромного напряжения. Материально жили плохо, но народ был счастлив. Я свидетельствую об этом, что бы ни писали молодые историки, которые не знают и не нюхали аромата этого, не дышали этой атмосферой! Народ был полон энергии» (Тростников 2009).

По словам Тростникова, в то время «на сцену вышли такие блистательные организаторы производства и капитаны промышленности,

каких, пожалуй, не было в России ни до, ни после, — их с полным правом можно назвать великими людьми».

Он перечисляет имена этих выдающихся людей, благодаря которым наша страна в немыслимо короткие сроки смогла в преддверии неизбежной войны создать мощную промышленность. И именно эта промышленность позволила Советскому Союзу в Великую Отечественную войну обеспечить Красную армию всеми современными видами вооружений и выиграть противостояние с военной машиной Третьего рейха. А ведь гитлеровская Германия владела всеми ресурсами и промышленным потенциалом континентальной Европы — всего нынешнего Евросоюза.

Тростников пишет:

«Так под рёв моторов, жужжание приводных ремней, стук молотков и скрип тачек вершились великие тридцатые, осеняемые лозунгами партии: “Техника решает всё”, “Кадры решают всё” и, наконец, “Кадры, овладевшие техникой, решают всё”. Наш народ овладел техникой и дал стране качественные кадры, в результате чего произошло нечто совершенно невероятное: к 1937 году по объёму промышленной продукции Россия, переименованная в СССР, ещё недавно лежавшая в руинах, вышла на первое место в Европе и на второе место в мире» (Тростников 2009: 64).

Особенное внимание Тростников уделяет авиастроению, которым в 1930-е годы советское правительство занималось с удвоенной энергией. Ведь во всём мире в то время развитие страны во многом определялось способностью создавать современные самолеты, иметь мощный авиапром.

Он пишет в связи с этим:

«В этой области в тридцатых возникла такая мощная школа, какой не было и нет больше нигде в мире. Благодаря преемственности от неё наши современные МИГи и Су по лётным качествам не имеют равных, превосходя и американские “фантомы”, и французские “миражи”.

Здесь уже надо отдавать должное верному стратегическому выбору Сталина. На рубеже тридцатых инженеры и учёные молодой республики просто бредили полётами, оторваться от грешной земли было их вожделенной мечтой, которая была, конечно, сублимацией мечты о лучезарном “новом мире”.

Этим воспользовались такие конструкторы, как Поликарпов, Мясищев, Яковлев, Мигулин, Туполев и другие, чьи имена стали легендарными. Свои изделия они доводили до совершенства с помощью не

менее легендарных пилотов, любимцев партии и народа, знаменитых “сталинских соколов” Серова, Коккинаки, Громова, Ляпидевского и, конечно, Чкалова, который, возможно, был самым гениальным лётчиком всех времён и народов» (Тростников 2009).

Но упоминая успехи государственного строительства, Виктор Николаевич не забывает о репрессиях и терроре 1930-х годов прошлого века:

«На фоне этих поразительных производственных рекордов шокирующе выглядит ещё один рекорд, совсем другого рода: в том же 1937 году был достигнут абсолютный максимум числа арестованных. Почему же как раз в то время, когда всюду распевали “Вставай, не спи, кудрявая, — в цехах звеня, встаёт страна со славою на встречу дня”, по выражению Высоцкого, “в срока огромные брели этапы длинные”?» (Тростников 2009).

В ТОТАЛИТАРНОМ ГОСУДАРСТВЕ РАСЦВЕТ ИСКУССТВА?

Размышляя о советской эпохе, Виктор Николаевич Тростников пишет и о том, что в то время важнейшее значение правительство придавало культурной политике. После 1991 года в российских либеральных СМИ и на ТВ было принято постоянно издеваться над «соцреализмом», утверждать, что цензура в СССР не давала развиваться подлинному искусству.

Но Тростников с этим категорически не согласен: «Невольно возникает вопрос: почему же в сталинскую эпоху, которую нынче принято клеймить как тоталитаризм, делались фильмы такого высокого качества, которое при сегодняшней демократии никак не достигается?»

Например, стремления молодёжи в СССР стать лётчиками, массовое увлечение парашютным спортом и авиацией он связывает с советским кинематографом: «Как раз в тот момент, когда на создание самолётов были отпущены деньги и это дело было взято под личный контроль вождя, на экран вышли прекрасные фильмы о лётчиках — “Истребители”, “Пятый океан”, “Валерий Чкалов”, после чего ни один русский мальчишка не мечтал ни о какой другой профессии. А ведь из этих мальчишек выросли Гастелло, Талалихин, Сафонов, Покрышкин, Кожедуб и другие герои, выигрывавшие сражения в небе с немецкими асами» (Тростников 2009).

Тростников с восхищением пишет о всемирно признанной русской и советской школе актёрского искусства, перечисляя многие имена великих актёров и актрис. На мой взгляд, советский кинематограф представляет уникальное явление мировой культуры. Почему так происходит, размышляет Тростников:

«Это — очень серьёзный философский вопрос, выходящий за рамки киноведения. Почему-то именно в тридцатых годах, когда репрессии были в самом разгаре, когда все боялись сказать или сделать что-то не то, когда поощрялось и стало массовым явлением доносительство, а на всё наложила свою тяжёлую лапу партийная цензура, начался небывалый расцвет всех видов советского искусства» (Тростников 2009).

Но ведь не только Виктор Николаевич Тростников, все мы за последние десятилетия стали свидетелями удивительного явления: известные советские режиссёры, создававшие прекрасные кинокартины в эпоху, когда они якобы страдали от цензуры, в новое время не смогли создать ничего, равного своим прежним работам.

Тростников пишет о советском искусстве:

«Парадоксально, но факт: самая несвободная страна мира, где над каждым висел дамоклов меч ночного ареста, и марксистское лжеслово, как цепными псами, охранялось бдительными идеологами, стала настоящей страной художественных талантов! Высочайшего уровня достигла живопись, где работали такие мастера, как Нестеров, Дейнека, Рылов, Архипов, Малявин, Корин, Пластов, Лактионов, Непринцев, Решетников и другие.

Вряд ли в какой-то другой период Россия могла похвалиться таким обилием скульпторов мирового класса, к числу которых принадлежали Меркуров, Мухина, Шадр, Конёнков, Вучетич и Аникушин. Своими работами они доказывали, что монументальное изобразительное искусство находится у нас на подъёме и занимает одно из первых мест в мире. Музыкальное творчество в области классического жанра было отмечено в России такими именами, как Шостакович и Прокофьев, которым, по всеобщему мнению специалистов, в то время не было равных на Западе» (Тростников 2009).

Тростников, говоря о культуре советского периода, разумеется, упоминает и русскую словесность:

«В советский период был необычайный рост культуры. В литературе — это Михаил Шолохов, Алексей Толстой, Андрей Платонов, Константин Паустовский, Михаил Пришвин, Леонид Леонов, Вениамин

Каверин, Павел Бажов, Александр Серафимович, изумительная поэзия Николая Заболоцкого, Владимира Маяковского. Сергей Есенин — наш гений, но его нельзя назвать советским»[2].

Тростников отмечает и детскую литературу, созданную в СССР:

«Советское время было также эпохой наивысшего расцвета русской детской литературы, которая сравнялась со всемирно признанной за классическую английской, а то и превзошла её» (Тростников 2009).

Надо сказать о том, что Виктор Николаевич, рассказывая о различных периодах советской эпохи, иллюстрировал свои размышления песнями того времени. Одна из его статей так и называлась «Как народ песнями перевоспитал товарища Сталина». Тростников считал, что с советским временем лучше всего знакомиться по песням тех лет. Он говорил, что песни — это душа народа, они отражают истинное состояние духа.

Тростников восхищался многими песнями той эпохи:

«Ещё более поразительным был феномен советского песенного творчества, достойного того, чтобы специалисты написали о нём тома исследований. Такого взлёта песенного жанра не было во всей нашей истории.

И эта планка не опускалась с начала тридцатых и до самого развала Советского Союза, когда песенное искусство вдруг просто вымерло, как вымерли динозавры.

Хотя историю советской песни можно разделить на три периода — довоенный, военный и послевоенный и каждый налагал на неё свой неповторимый отпечаток, её качество оставалось неизменным, и сегодня, когда она безвозвратно ушла в прошлое, мы можем вспоминать о ней как о чуде. Как Дух, о котором говорил Иисус Никодиму, она неизвестно откуда пришла и непонятно куда исчезла» (Тростников 2009: 69).

Подводя итог культурным достижениям страны в советскую эпоху, Тростников признаёт, что давление идеологической цензуры очень часто осложняло жизнь многих творцов, произведениями которых мы сегодня гордимся. Но «несмотря на это, искусство достигло такого уровня, которому нынче, когда всё дозволено, мы можем только завидовать».

Был в СССР и необыкновенный взлёт научной мысли. Отрицать успехи науки в СССР не станет даже самый ярый антисоветчик.

---

[2] Тростников В. Н. Виктор Тростников: «История делается на Небесах, а не в кабинетах министров»//Столетие. — 2017. — 10 марта. — URL: https://www.stoletie.ru/obschestvo/viktor_trostnikov_istorija_delajetsa_na_nebesah_a_ne_v_kabinetah_ministrov_292.htm?ysclid=lfwl0wnej2811292123 (дата обращения: 02.02.2023).

Весь мир знает, что Юрий Алексеевич Гагарин стал первым человеком, покорившим космос. Первая в мире атомная станция, первый в мире атомный ледоход. Да и сегодня мы с вами живём в стране под защитой ядерного щита, который был создан в СССР.

«Мы уже говорили о том, что тридцатые ознаменовались началом мощного взлёта советской науки. В результате за четверть века наши учёные добились таких успехов, которые буквально ошеломили Запад: вместо девяти лет, отведённых нам американскими специалистами на изготовление собственной атомной бомбы, мы уложились в четыре года, водородную сделали всего чуть позже их, а в космос вышли первыми в мире.

Наши либералы, демонизирующие Сталина, отказываются видеть в этом его заслугу: властям, дескать, просто было необходимо оружие для проведения своей милитаристской политики, вот они и не жалели средств на соответствующие отрасли науки и техники. Тут можно было бы возразить, что, кроме денег, для такого потрясающего рывка нужен был ещё гений наших учёных и организаторов производства» (Тростников 2009).

О СТАЛИНЕ, ПОСТРОЕНИИ СОЦИАЛИЗМА И ТРЕТЬЕМ РИМЕ

Одной из самых перекаемых личностей в нашей истории является Иосиф Сталин. Его западные историки-русофобы объявили самым кровавым тираном в истории человечества. Уровень русофобии на Западе растёт с такой скоростью, что, пожалуй, скоро Сталина обвинят в том, что он довёл до самоубийства несчастного Адольфа Гитлера.

Но ведь и некоторые наши православные авторы в ненависти к Сталину не уступают западным русофобам и российским либералам. Сталин в их представлении выступает неким демиургом, который управлял страной путём жесточайшего террора, обрекая на смерть миллионы людей. Главным мотивом всех его поступков они называют ненасытную жажду власти, стремление внушать страх, чтобы единолично вершить судьбу страны.

Тростников уверен, что такие рассуждения очень далеки от понимания подлинной истории Отечества:

«Распространено убеждение, что дать оценку отрезку нашей истории от 1930 до 1953 года — значит дать оценку деятельности Сталина, поскольку он имел огромную власть и поворачивал ход событий куда хотел.

Поэтому все споры о нашем советском прошлом сводятся к вопросу, хороший или плохой был Сталин, спас он Россию или погубил, служил

добру или злу. Такая методология в корне неправильна и никогда к истине не приведёт.

В основу исторического исследования, касающегося этого периода, должна лечь мысль о том, что это был период медленного и болезненного избавления русского народа от соблазнившего его лжеслова и возвращения к единственному подлинному источнику жизни — к Слову. Народ был здесь первичен, а Сталин и всё другое — вторично» (Тростников 2009).

Православный человек не может отрицать действия Промысла Божия в любой исторический период. И без помощи Божией Россия не сохранилась бы как независимое государство. Именно Господь помог русскому народу отойти от края пропасти, на котором он оказался в ходе братоубийственной Гражданской войны, одержимый революционным безумием:

«Призыв батюшки Иоанна Кронштадтского “Русь, держись за святое Православие, в нём твоё спасение!” был для большинства пустым звуком. Как ещё мог Господь помочь сошедшей с ума России “в разум истины прийти”? Только через страдание, иного способа не было. И Он послал нам страдание революции, но так рассчитал его меру, чтобы оно нас не убило, чтобы мы выжили.

И наш самый выносливый в мире народ перетерпел всё сполна и не ушёл с мировой геополитической сцены. С этого момента направление его исторического движения сменилось на противоположное: раньше он шёл к пропасти, теперь очень медленно, нащупывая ногой почву перед каждым шагом, стал от неё отходить. Так что 1929 год всё-таки можно назвать Годом великого перелома» (Тростников 2009).

Более того, Тростников уверен, что, не понимая, как Господь действует в земной истории, невозможно осознать, что же происходило в то трагическое и сложное время, которое переживала Россия:

«Только в свете такой историософской концепции возможно понять появление в тридцатых годах фигуры Сталина. Это был первый шаг русского народа на его возвратном пути к самому себе. Представление о Сталине как о хитром азиате, который околдовал целую нацию и стал помыкать ею, как его левая нога захочет, не только антинаучно, но и оскорбительно для нации. Пусть русофобы сколько угодно кричат о “рабской крови”, текущей в русских жилах со времён татаро-монгольского ига, — мы-то с вами знаем, что наши предки ни перед чьей силой, включая и силу Батыя, угодливо и трусливо не сгибались» (Тростников 2009).

В антисоветской литературе с подачи Троцкого, а затем и Хрущёва незыблемой истиной считается, что коварный тиран Сталин все свои поступки совершал, стремясь победить своих политических конкурентов. Борьбой за власть внутри партии большевиков они объясняют всё, что происходило в годы правления Сталина.

Виктор Николаевич уверен, что всё происходило иначе: «А то, что Сталин оказался у нас на вершине власти, — это результат того, что народ, вопреки природной робости этого человека, в течение нескольких лет буквально выдавливал его туда, ибо единовластие было для тогдашней России единственным спасением…

Не было больше сил терпеть и дальше бесконечные партийные дискуссии о том, кого надо слушать — Маркса, Ленина или Каутского, кормить и дальше всю эту свору кабинетных теоретиков, каждый из которых настаивал на том, чтобы на живом теле русского народа поставить именно его эксперимент» (Тростников 2009).

После революционного безумия народ опомнился, как это бывало не раз в истории России, и решил, что вести страну должен один вождь: «А в России двадцатых стоял незатихающий гвалт — каждая кухарка поверила Ленину, что может управлять государством. И народ стукнул кулаком по столу: всё! Управлять государством должен кто-то один! И предоставил полномочия Сталину».

Именно здоровый государственный инстинкт русского народа, который помог одолеть Смуту в XVII веке и сохранить государство, и в новую смуту в начале XX столетия привёл к принятию правильного решения. Народу пришлось принести огромные жертвы ради спасения Отечества, но именно это извечное стремление русских людей к сильной, по сути самодержавной власти спасло Россию и помогло одержать победу в смертельной схватке с объединённой нацистским Третьим рейхом Европой.

Особенно важно об этом помнить сегодня, когда коллективный Запад превратился в Четвёртый рейх и надеется в этот раз совершить то, что не удалось Наполеону и Гитлеру, — сокрушить и уничтожить Россию.

О том, почему русские люди чувствовали необходимость сильной власти, сосредоточенной в руках главы государства, Тростников пишет:

«Главным для народа было даже не то, на что конкретно мобилизует сильная централизованная власть коллективную энергию, а само наличие огромных мобилизационных возможностей у такой власти. И как только началась война, стало ясно, что народ был прав, когда всё терпел ради сохранения этих возможностей» (Тростников 2009: 73).

Со времён горбачёвской перестройки СССР обличают, называя тоталитарным государством. Но Виктор Николаевич уверен, что эта сильная и решительная, порой даже жестокая власть стала важнейшей составляющей Победы в Великой Отечественной войне:

«Блицкриг не удался Гитлеру только потому, что в совершенно не готовом к войне Советском Союзе власть оказалась способной организовать блицсопротивление, быстро передвигая войска куда надо, и за считаные месяцы наладить в тылу производство военной техники и боеприпасов. Вот тут и сработал пресловутый “тоталитаризм”: попробуй в 1942 году какой-нибудь начальник станции не пропустить в точно указанное время идущий на фронт эшелон! Да такого ему и в голову не могло бы прийти. А там, на фронте, бойцы не представляли себе, как можно не подчиняться приказу командира. Тем и победили» (Тростников 2009: 73).

РОССИЯ ВОЗВРАЩАЕТСЯ НА ПУТЬ, ОПРЕДЕЛЁННЫЙ РУССКОМУ НАРОДУ БОГОМ

Виктор Николаевич Тростников уверен, что Господь определил земной путь России, поставив задачу стать Третьим Римом, т. е. державой, сохраняющей чистоту православной веры. Несмотря на то что СССР до конца был атеистическим государством, прикровенно наша страна оставалась Третьим Римом. Но разве страна, где людям с раннего детства внушали, что Бога нет, может быть Третьим Римом? Тростников разрешает это противоречие:

«”Рим” в формуле Филофея — это не просто империя, а империя православная — Первый Рим начался с Константина, а не с Августа.

Говорить, что Сталин создавал православную империю, было бы неправильно — воспитанник Тифлисской семинарии был отступником, признавшим новую, марксистскую, веру, в которой и пребывал до конца жизни, однако нравственные нормы, которые он укоренял в своей империи, были по своей сути христианскими» (Тростников 2015).

Виктор Николаевич совершенно справедливо считал, что одним из обязательных условий существования Третьего Рима является существование сильного государства. Сегодня это стало очевидным. Представим, что бы ожидало Православную Церковь в современном мире, если бы не было у нашей страны ядерного оружия? Главные причины нынешнего противостояния России с коллективным

Западом, причины безумной ненависти в XXI веке стран «золотого миллиарда» к Русской цивилизации прежде всего духовные. Об этом недвусмысленно говорил американский конгрессмен Джеймс Раскин: «Россия — православная страна с традиционными социальными ценностями. Именно поэтому она должна быть уничтожена, вне зависимости от того, какую цену за это придётся заплатить Соединённым Штатам»[3].

И заметим, это звучит в США, где вроде бы полная толерантность торжествует, где существуют любые секты, любые религиозные движения, от сайентологов до культа Вуду и церкви сатаны.

Тростников в своих книгах пишет об истории многовекового противостояния России с Западом. У него нет сомнений, что противостояние в XX веке не было борьбой стран капиталистических с коммунистической идеологией. Мы с вами стали свидетелями того, как демократическую Россию, полностью открестившуюся от коммунистической идеологии, упорно продолжали окружать базами НАТО.

Нет ничего удивительного в ненависти американского конгрессмена к православию. Запад на наших глазах из протестантско-католической цивилизации стремительно превращается в огромный Содом, где грех утверждается, как норма жизни, и это становится неотъемлемым признаком т. н. демократии и прогресса.

Представим, какая судьба ожидала бы Православную Церковь в этом новом мире торжества «демократических ценностей», если бы не существовало сильного Русского государства. А ведь мощный ВПК и ядерный щит достались нам в наследство от Советского Союза.

Тростников пишет:

«Я признаю заслугу Сталина в деле сохранения Третьего Рима в условиях враждебного окружения посредством создания сильного централизованного Государства.

Сохраняемое он считал форпостом социализма, а антиправославное окружение именовал “капиталистическим” — это была та единственно доступная его разумению интерпретация, которая позволила ему исполнить своё историческое предназначение, истинный смысл которого был от него скрыт.

---

[3] Американский конгрессмен заявил, что наша страна должна быть уничтожена любой ценой. — Завтра. — 2022. — 31 октября. — URL: https://zavtra.ru/events/amerikanskij_kongressmen_zayavil_chto_nasha_strana_dolzhna_bit_unichtozhena_lyuboj_tcenoj?ysclid=lfww9xr39d444754205 (дата обращения: 01.03.2023).

И Сталин успешно его исполнял, не только оберегая уцелевшие элементы Третьего Рима, но и дополняя их восстанавливаемыми заново элементами» (Тростников 2015).

Виктор Николаевич, как и Н. Я. Данилевский, а вслед за ним и Тойнби, и Шпенглер, рассматривали мировую историю как историю развития и взаимодействия различных мировых цивилизаций. Данилевский предлагал изучать мировую историю как историю не государств и наций, а историю существования мировых цивилизаций, а фундаментом любой цивилизации является религия, духовные ценности.

Виктор Николаевич Тростников писал о том, что любая цивилизация имеет ядро — веру в Бога, религию: «Именно вера и формирует систему нравственных и этических ценностей этого человеческого сообщества. Именно вера лежит в основании этого культурно-исторического явления, человеческой цивилизации.

А уже вокруг религиозного ядра, вокруг религиозного культа формируется питательный слой — культура этой цивилизации со своими нравственными и моральными ценностями, воспитанными верой.

А затем следует государство и вооружённые силы — это тот защитный слой, спасающий цивилизацию от уничтожения или поглощения внешними силами. Мы знаем примеры мировой истории, когда под внешним давлением цивилизации исчезали, оставляя после себя только памятники, которые изучают археологи и искусствоведы» (Тростников 2007).

Тростников предлагает рассматривать историю России в XX столетии, в том числе и революцию, и советскую эпоху, с точки зрения жизни Русской цивилизации. Поэтому и подводит итоги советской эпохи: «Самое главное — мы сохранили веру, приобрели сильную государственность и высочайшую светскую культуру»[4].

Важно, что народ в это время сумел сохранить ядро нашей цивилизации, которое, по словам Тростникова, «замаскировалось внешним безбожием». Виктор Николаевич уверен, что большевистская революция в итоге оказалась благом для России, и сегодня наша страна постепенно восстанавливается, как Третий Рим: «В какой-то момент мы сбились с маршрута и не пошли к намеченной Богом цели, не послушались

[4] Тростников В. Н. Виктор Тростников: «История делается на Небесах, а не в кабинетах министров»//Столетие. — 2017. — 10 марта. — URL: https://www.stoletie.ru/obschestvo/viktor_trostnikov_istorija_delajetsa_na_nebesah_a_ne_v_kabinetah_ministrov_292.htm?ysclid=lfwl0wnej2811292123 (дата обращения: 02.02.2023).

“Навигатора”, но Господь перестроил маршрут и более сложным путём вывел нас к цели — вернул на путь христианства»[5].

Виктор Николаевич Тростников по своей природе был очень светлым и живым человеком, исполненным пасхальной радости. И обладал способностью передать надежду на милость Божию и твёрдую уверенность в то, что Господь и Пресвятая Богородица не оставляют наше Отечество. Во время одной из бесед о новейшей истории страны он сказал, что человеческая жизнь очень короткая и поэтому для нас несколько десятков лет кажутся огромным временем. А для тысячелетней истории России это не такой уж большой временной отрезок. Поэтому всё зависит от того, вынесем ли мы правильные уроки из нашего прошлого и сделаем ли необходимые выводы.

Виктор Николаевич Тростников был уверен, что Россия способна выполнить свою историческую задачу и продолжить свой исторический путь, определённый Господом Богом нашему Отечеству:

«По преемственности от Рима и Византии нам вручено неповреждённое учение Христа, содержащее полноту Истины. Оно живёт в нашей Православной Церкви, в нашей культуре, в критериях добра и зла, которыми руководствуется наш народ. Всё это вместе есть Россия, и всё это мы должны сберечь для человечества»[6].

[5] Там же.

[6] Нужна ли нам идеология? Философ Виктор Тростников о национальной идее и государственной идеологии // Русская линия. — 2012. — 23 марта. — URL: https://ruskline.ru/news_rl/2012/03/23/nuzhna_li_nam_ideologiya/ (дата обращения: 03.02.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Достоевский Ф. М. Идиот // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. — Л. : Наука, 1973. — Т. 8. — 512 с.

Тростников В. Н. Бог в Русской истории. — М. : Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2008. — 208 с.

Тростников В. Н. Быть русскими — наша судьба. — М. : Грифон, 2009. — 192 с.

Тростников В. Н. Мысли перед закатом. — М. : Димитрий и Евдокия, 2015. — 367 с.

Тростников В. Н. Россия земная и небесная. Самое длинное десятилетие. — М. : Грифон, 2007. — 296 с.

Сведения об авторе:
Саулкин Виктор Александрович — обозреватель радиостанции «Радонеж», руководитель информационно-аналитического центра общественной организации «Московские суворовцы», 115326, Россия, Москва, ул. Пятницкая, 25.

Конфликт интересов:
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 20.02.2023; одобрена после рецензирования 06.03.2023; принята к публикации 01.04.2023.

V. A. Saulkin

RADONEZH RADIO STATION,
MOSCOW, RUSSIA

The Soviet Era in Russia's Millennium History. Rereading Viktor Trostnikov

Abstract. The article focuses on the works of the renowned Russian religious thinker Viktor Trostnikov and his perspectives on the Soviet period. The primary question guiding his creative output was: "What was the ultimate meaning behind the sufferings and hardships that befell Russia in the 20th century?" Viktor Trostnikov's reflections on the Soviet epoch, which largely coincided with the greater part of his life, appear more objective and significant compared to the reasoning of authors adhering to either pro-communist or anti-communist views. Viktor Trostnikov regarded Marxism as a heretical doctrine that, through its pseudo-scientific nature, poisoned the minds of the Russian people. The religious nature of Marxism influenced the Christian sentiments of the people, facilitating the success of the October Revolution. The doctrine of communism was a Christian heresy, Christianity without Christ. During the Soviet era, the Russian people retained the ability to believe in something higher than the material world. Leninism provided the people with an inspiring and uplifting dream. The Christian paradise in the heavens was replaced by a terrestrial communist utopia in the future. Throughout the Soviet period of Russian history,

state atheism failed to dismantle the deeply rooted traditional spiritual and moral values of Orthodox civilization within the people's souls. Viktor Trostnikov highlighted instances of genuine asceticism during the Soviet era. Despite the USSR being an atheistic state until its dissolution, covertly our country remained the Third Rome. Viktor Trostnikov proposed considering the history of Russia of the 20th century, including revolutionary events and the Soviet era, from the perspective of Russian civilization. Crucially, during this challenging period, the people managed to preserve the core of their culture and civilizational identity, which was "camouflaged by external godlessness". Viktor Trostnikov offered a distinct understanding of Stalin's figure, the relationship between authorities and the people during the Soviet era, the role of industrialization in Soviet history, and the role of art in the country's life.

Keywords: Viktor Trostnikov, Soviet era, the Third Rome, persecution of the Church, communism, revolution, civil war

For citation: Saulkin, V. A. (2023). The Soviet Era in Russia's Millennium History. Rereading Viktor Trostnikov. *Orthodoxia*, (4), 90–117. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2023-4-90-117

REFERENCES:

Dostoevsky, F. M. (1973). Idiot [The Idiot]. In Dostoevsky, F. M. *Polnoe sobranie sochineny* (vol. 8). Leningrad: Nauka. [In Russian].

Trostnikov, V. N. (2008). *Bog v Russkoi istorii* [God in Russian History]. Moscow: Izdatel'sky Sovet Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. [In Russian].

Trostnikov, V. N. (2009). *Byt' russkimi — nasha sud'ba* [Being Russians is Our Destiny]. Moscow: Grifon. [In Russian].

Trostnikov, V. N. (2015). *Mysli pered zakatom* [Thoughts before Sunset]. Moscow: Dimitry i Evdokiia. [In Russian].

Trostnikov, V. N. (2007). *Rossiia zemnaia i nebesnaia. Samoe dlinnoe desiatiletie* [Russia is Earthly and Heavenly. The Longest Decade]. Moscow: Grifon. [In Russian].

About the author:
Viktor Aleksandrovich Saulkin — radio host for Radonezh radio station, head of the information and analysis center of the public interest organization "Moscow Suvorovites", 25, ul. Piatnitskaia, Moscow, Russia, 115326.

Conflict of interest:
The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 20.02.2023; approved after reviewing 06.03.2023; accepted for publication 01.04.2023.

ОРТОДОКСИЯ. 2023. № 4. С. 118–153.
УДК 2-6
DOI: 10.53822/2712-9276-2023-4-118-153

Л. В. Щипкова

МОСКВА, РОССИЯ

Процессы самоорганизации православной молодёжи в 70-е годы XX века

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена религиозного возрождения в среде православной молодёжи Советского Союза 70-х годов XX века. Автор доказывает, что в описываемый период в среде части интеллектуальной советской молодёжи происходили процессы, которые можно охарактеризовать как советский религиозный ренессанс. Этот период совпал с приходом к власти Брежнева и временным ослаблением антирелигиозных гонений. В 1960–1970-х годах в СССР был принят ряд законодательных актов, облегчивших положение верующих и религиозных организаций, обеспечивших им сравнительно большие права. Однако государство оставляло за собой право вмешиваться во внутренние дела Церкви и жёстко контролировать её деятельность, в результате чего число православных приходов из года в год сокращалось. Тем не менее в умах и душах думающей советской молодёжи сформировался религиозно-направленный вектор. В 1970-е годы возникло несколько направлений, по которым разворачивался активный поиск форм духовной жизни. Одним из ярких явлений религиозного диссидентства стала проповедническая деятельность священника Дмитрия Дудко. Последователями о. Дмитрия в 1974 году был организован просветительский «Семинар Огородникова», названный так по имени

одного из его основателей. На семинаре изучали богословскую и философскую литературу, которую его участникам с большим трудом удавалось достать. Семинар стал издавать журнал «Община». Одновременно с московским христианским семинаром в Ленинграде появился религиозно-философский «Семинар Горичевой-Кривулина». В статье рассматривается история православного самиздата 1970-х годов, в особенности журналов «Община», «Вече», «Московский сборник». Православное возрождение 1970-х завершилось в начале 1980-х в результате жёсткого подавления со стороны советской власти, причём наибольшие сроки заключения получали, как правило, те его представители, которые придерживались русской патриотической направленности. Автор приходит к выводу о том, что идеи национально-ориентированных, патриотических деятелей и публицистов остаются востребованными и по сей день.

Ключевые слова: Семинар Огородникова, Семинар Горичевой-Кривулина, журнал «Община», журнал «Вече», журнал «Московский сборник», религиозное диссидентство, священник Дмитрий Дудко, православная молодёжь в СССР

Для цитирования: Щипкова Л. В. Процессы самоорганизации православной молодёжи в 70-е годы XX века // Ортодоксия. — 2023. — № 4. — С. 118–153. DOI: 10.53822/2712-9276-2023-4-118-153

Тема религиозного возрождения 1970-х годов, вылившегося в религиозное правозащитное движение, всё ещё недостаточно изучена. На сегодняшний день мы опираемся в основном на западных авторов, таких как Джейн Эллис или Майкл Бурдо. Российская историография весьма неохотно освещает эту проблему. Однако, на наш взгляд, данный вопрос требует более широкого освещения и изучения, поскольку обращение к Церкви и религии в обстановке жесточайшего контроля со стороны государственных органов и подавления Церкви — явление прямо противоположное тому, чего ожидала власть, уверенная в успехе своей антирелигиозной пропаганды.

Настоящая статья описывает те процессы и виды самоорганизации православной молодёжи, которые наиболее значимы для того периода — это христианские семинары (Огородникова, Горичевой-Кривулина), представляющие форму самообразования молодёжи, а также журналы и альманахи («Община», «37», «Вече», «Московский сборник»), которые являлись

своеобразными «учебными пособиями», вводящими новоначальных в сферу духовного образования и политической актуальности.

Мы не разделяем мнение о том, что к 1970-м годам произошёл упадок религиозности, напротив, наблюдаем религиозный подъём, причины которого анализируем в этой статье.

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА В БРЕЖНЕВСКОМ СССР

Период 1970-х годов очень интересен с точки зрения изменений в политической международной обстановке. Подписание Хельсинских соглашений, в числе которых правительством Советского Союза была подписана «третья» гуманитарная корзина, — очень важный этап развития христианского противостояния государственному давлению на Церковь. Мы касаемся вопроса предшествующего периода хрущёвских гонений, смягчения давления на Церковь в период правления Л. И. Брежнева (своеобразной «оттепели» для верующих) и на этом фоне возникающего «религиозного ренессанса». К «олимпийскому» 1980 году религиозное православное движение молодёжи было подавлено, вопреки всем международным договорённостям.

Подавление Церкви как институционального организма («молчащая Церковь»), что особенно активно муссировали средства западной информации и «официальные» правозащитники, как ни странно, опровергается необычным и никем не ожидаемым расцветом религиозности среди интеллектуальной молодёжи, которую мы видим в «хельсинский» период. На фоне тотальной атеизации населения, запрета на религиозное образование и литературу, запрета на проповедь и религиозное воспитание детей в семье это выглядит удивительно. В итоге государственное подавление веры привело к совершенно противоположным результатам. В статье описываются те семинары и издания, свидетелем развития которых в 1970-е годы был сам автор настоящей статьи.

Описываемое время было отмечено в истории активными гонениями со стороны государства на все виды свободы совести. Чтобы лучше понять религиозные процессы в этот период, необходимо вернуться назад и рассмотреть время правления Н. С. Хрущёва (1953–1964). Только в Русской Православной Церкви за годы руководства Хрущёва из 8 православных семинарий было закрыто 5; из 60 монастырей к концу правления не закрытыми, действующими, осталось 16. Количество приходов сократилось с 13 500 до 7500, то есть почти в два раза. Например, в 1961 году было снято с регистрации 1390 православных приходов, а в 1962 году — 1585. Активно проводилась политика по недопущению молодёжи в духовные учебные

заведения. Так, в октябре 1962 года Совет по делам Русской Православной Церкви сообщал ЦК КПСС, что была проведена индивидуальная работа с абитуриентами и из 560 юношей, подавших заявления о приёме в семинарии в 1962 году, 490 заявления забрали. В эти годы были закрыты Киевская, Саратовская, Ставропольская, Минская, Волынская семинарии, открытые в 1945–1947 годах. И хотя вся антирелигиозная кампания была направлена против всех религиозных организаций, существовавших в то время на территории СССР, включая сектантов, как отмечал М. В. Шкаровский, главные атаки были направлены против Православной Церкви. За 1958–1964 годы число приходов РПЦ уменьшилось на 5863, а религиозных объединений других конфессий — только на 865 (Шкаровский 1999). Если в 1958 году количество храмов в Русской Церкви составляло 13 414, то в 1960 году их было уже 13 008. А к 1965 году у Русской Православной Церкви осталось 7551 храм (Кострюков 2018). Как указывал Д. В. Поспеловский, из действовавших в 1947 году восьми духовных семинарий после хрущёвской кампании осталось только три (из них две — при академиях, Московской и Ленинградской) (Поспеловский 1995). К 1963 году общее число православных приходов в СССР по сравнению с 1953-м было сокращено более чем вдвое. А. И. Филимонова приводит показательную статистику: в 1959 году РПЦ имела 63 монастыря и скита (из них 40 — на территории Украины, 14 — в Молдавии, три — в Белоруссии, четыре — в республиках Прибалтики и только два — в РСФСР) (Филимонова 2011).

Таким образом, мы можем констатировать, что к 1964 году Православная Церковь подошла обескровленной и ограбленной. И то, что на территории РСФСР оставалось только 2 монастыря, указывает на то, что предыдущие антирелигиозные кампании были направлены прежде всего на уничтожение именно русских монастырей, поэтому эти цифры нельзя использовать как доказательство более глубокой религиозности в национальных республиках.

В 1964 году к власти пришёл Л. И. Брежнев. Сосредоточив в своих руках управление страной, Брежнев продолжал рассматривать Церковь как идеологического противника, поэтому курс на постепенное сокращение храмов был продолжен, процветала антирелигиозная пропаганда и ущемление прав верующих. Так, например, в 1965 году на территории Советского Союза было 7853 храма, а в 1985 году — 6806.

И тем не мене уже с осени 1964 года стали явно заметны сдвиги и послабления в отношении Церкви. В октябре 1964 года в Верховном Суде СССР под председательством председателя Верховного Суда СССР А. Ф. Горкина прошло

Специальное совещание по вопросам нарушения социалистической законности в отношении верующих, а в январе 1965 года было принято постановление Президиума Верховного Совета СССР «О некоторых фактах нарушения социалистической законности в отношении верующих» (Указ Президиума 1995), по которому многие верующие смогли вернуться домой из заключения.

30 сентября 1965 года Президиум ВС СССР принял секретный указ «О снятии ограничений по спецпоселению с участников сект “Свидетели Иеговы”, “Истинно-православные христиане”, “Иннокентьевцы”, “Адвентисты-реформисты” и членов их семей»[1], в соответствии с которым «сектанты» могли вернуться в родные места при условии получения разрешения от местных властей.

Можно говорить о некотором смягчении законодательства о культах, которое было направлено на стабилизацию государственно-церковных отношений и на исправление политической ситуации, сложившейся после агрессивных акций хрущёвской эпохи в отношении Церкви.

При этом Церковь как была, так и оставалась изгоем, классовым врагом. Церковная «оттепель» была следствием политической разрядки. Ниже будут освещены те условия, в которых оказалась Церковь в период «потепления» и «разрядки», выявлены попытки церковной власти сохранить Церковь как институцию, а пришедших к вере православных христиан — воспользоваться этой лакуной для восстановления религиозной жизни на фоне многолетнего жёсткого подавления свободы совести.

Надо отметить, что все постановления правительства в отношении религиозных культов выходили в эти годы с примечанием «не для печати», а значит, были закрыты для общественного обсуждения.

В 1965 году в результате объединения Совета по делам Русской Православной Церкви и Совета по делам религиозных культов был создан Совет по делам религий при Совете министров СССР (СДР СМ). Впервые положение о Совете по делам религий было опубликовано в открытой печати в отличие от предыдущих советов, положения о которых практически не были известны верующим и духовенству. Спустя десять лет в 1975 году в компетенции СДР был передан вопрос о регистрации и снятии с регистрации религиозных объединений, который до того был в компетенции

[1] Указ Президиума ВС СССР «О снятии ограничений по спецпоселению с участников сект “Свидетели Иеговы”, “Истинно-православные христиане”, “Иннокентьевцы”, “Адвентисты-реформисты” и членов их семей // Томский мемориальный музей. — URL: https://nkvd.tomsk.ru/content/editor/DOCUMENTS/ArhiwnDokuments/SSSR/SSSR_1918_1988/269-30-09-65-Ukaz-Prezidiuma-Verhovnogo-Soveta-SSSR.pdf?ysclid=lqguuok7ne922277541 (дата обращения: 23.01.2023).

местных властей. Совет имел право принимать решения об открытии и закрытии церквей, проверять деятельность религиозных организаций.

Однако это не убирало бюрократические препоны, так как, например, сроки рассмотрения жалоб и ходатайств со стороны верующих определены не были, да и жалобы на закрытие церкви поступали в ту же инстанцию, которая и выносила решение о её закрытии.

В обстановке смягчения международных отношений в середине 1970-х годов СССР с 23 марта 1976 года признаёт действие на своей территории Международного Пакта о гражданских и политических правах, который декларировал свободу вероисповеданий. Однако в подзаконных актах, изданных позже, были подтверждены и сохранены ограничения в отношении религиозных организаций, существовавшие прежде. В том же 1975 году ВС РСФСР был издан Указ «О внесении изменений и дополнений в постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года “О религиозных объединениях”. Он допускал некоторые послабления в отношении религиозных организаций, например Церковь получала право приобретать церковную утварь, транспортные средства и здания, но не имела ни юридических, ни имущественных прав на церковные здания, которые оставались в собственности государства. Верующие теряли право подавать апелляции в высшие инстанции по поводу закрытия храмов. Решение принимал только Совет по делам религий.

Особое место в период религиозной «оттепели» занимает так называемая брежневская Конституция, которая была принята в 1977 году. В статье 52 Конституции СССР впервые свобода совести гражданам «гарантировалась», а не «обеспечивалась» (как в Конституции 1936 года); «Антирелигиозная пропаганда» была заменена на «Атеистическую пропаганду»; запрещалось «возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями».

Статья 52 Конституции 1977 года: «Гражданам СССР гарантируется свобода совести, то есть право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду. Возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями запрещается. Церковь в СССР отделена от государства и школа от Церкви».

Для сравнения приведём текст статьи 124 Конституции 1936 года: «В целях обеспечения за гражданами свободы совести Церковь в СССР отделена от государства и школа от Церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признаются за всеми гражданами».

Таким образом, более прогрессивная статья о свободе совести в Конституции 1977 года с появлением запрета возбуждения вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями значительно расширила понятие равенства граждан. Замена «антирелигиозной» пропаганды на «атеистическую» тоже в те годы казалась данью более прогрессивному взгляду на свободу совести, так как антирелигиозная пропаганда подразумевала более воинственные действия против религии.

Опираясь на эти факты, можно констатировать, что период правления Брежнева был для Русской Церкви более благоприятным. Однако в реальной жизни видимая стабильность государственно-церковных отношений не привела к отказу от притеснения верующих, не отменила дискриминацию при приёме на работу или увольнение с работы родителей, крестивших детей, не дала право открыто исповедовать свою веру. Внешне такое давление стало более скрытым, закамуфлированным, более тонким. Государство по-прежнему оставляло за собой право вмешиваться во внутренние дела Церкви и жёстко контролировать её хозяйственную деятельность.

Поэтому по-прежнему закрывались храмы, разгонялись общины. Это делалось теперь тихо и под благовидным предлогом. С 1964 по 1975 год количество приходов в Русской Православной Церкви сократилось на 811. В среднем закрывалось по 50 храмов в год. К началу 1966 года у Русской Православной Церкви осталось 7523 храма и 16 монастырей. К 1971 году число приходов сократилось до 7274 (Шкаровский 1999: 342–346, 363, 365, 368–369, 371, 375–379, 382, 384–385, 387, 391; Цыпин 1997: 417).

***

Одним из самых важных событий во внешней политике Советского Союза, которое кардинально повлияло на дальнейшую историю страны, стало подписание в 1975 году Хельсинских соглашений.

После окончания Второй мировой войны её участники не подписали мирных договоров, которые бы официально закрепили окончание военных действий. Таким образом, не были закреплены и территориальные изменения государственных границ. После завершения военных действий были подписаны Пакты о капитуляции, а также военные соглашения странами-победительницами в отношении Германии и её союзников. Политическое руководство Советского Союза осознавало, что закрепление существующих границ — одна из важных задач для безопасности страны. Поэтому постоянно велись переговоры на площадке Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), в результате чего

1 августа 1975 года в Хельсинки был подписан Заключительный акт между главами 35 государств. Этот документ закрепил послевоенные границы в Европе и дал толчок процессам разоружения. Помимо экономических соглашений и пунктов по международной безопасности в документе была прописана «третья», гуманитарная корзина, в продвижении которой большую заинтересованность проявляли США. Соблюдение прав и свобод человека составляли основное наполнение этой корзины. Эта гуманитарная составляющая, казалось, не предвещала ничего опасного для советского государства, однако, как оказалось впоследствии, именно эта корзина дала возможность странам Запада вмешиваться во внутренние дела Советского Союза и всколыхнуть диссидентское движение.

Практически сразу же после подписания Хельсинских соглашений советское диссидентское движение получает системное оформление и профессионализируется. Возникают хельсинские группы по надзору за соблюдением гуманитарно-политических разделов Хельсинских соглашений.

Первая группа была создана в Москве 12 мая 1976 года. Она называлась «Группа содействия выполнению хельсинских соглашений в СССР». Позже подобные группы были созданы на Украине и в Грузии.

Параллельно с политическим диссидентским движением начало развиваться религиозное диссидентство. Всплеск интереса образованной молодёжи к религиозным вопросам в 1970-е годы, ставший полной неожиданностью для советской власти, продолжает привлекать внимание исследователей. Обусловленный слабостью и косностью идеологического бездуховного наполнения в позднем СССР, интерес к религиозным вопросам заполнил те пустоты, которые образовывались в головах и душах думающей молодёжи. Появление религиозно-направленного вектора в молодёжном движении было обусловлено не только антирелигиозной политикой государства и слабостью поставленных под жёсткий контроль традиционных религиозных институтов, но и внутренней жаждой молодёжи к живому общению и поиску нравственной парадигмы. В 1970-е годы возникло несколько направлений, по которым разворачивался активный поиск форм духовной жизни.

Модели самоорганизации православной молодёжи будут рассмотрены на примере религиозно-философских объединений Москвы и Ленинграда. При этом нельзя не принимать во внимание деятельность некоторых представителей старшего поколения, сыгравших важную роль в процессах, имевших место в поздний советский период и вовлечённых в тесное общение с ищущей молодёжью.

ПРОПОВЕДИ СВЯЩЕННИКА ДМИТРИЯ ДУДКО

Одним из ярких явлений религиозного диссидентства явилась проповедническая деятельность священника Дмитрия Дудко. Во времена сталинских гонений он провёл в лагерях восемь с половиной лет. Рукоположенный в сан священника в 1960 году, в семидесятые годы он стал известен православным кругам Москвы своими проповедями, в это время священнику шёл уже шестой десяток. Протоиерей Дмитрий вопреки запрету уполномоченных по делам религий стал произносить проповеди в храме, затрагивать важные для людей проблемы.

Люди шли в храм послушать живое слово священника, задать свои вопросы. Дудко хорошо понимал, что в результате отсутствия литературы, систематического обучения, прервавшейся богословской традиции к нему приходили люди по большей части неверующие, но всегда интересующиеся. Его делом было вернуть их к православию, зажечь искру интереса, убрать страх. В те годы священник не мог выходить за врата храма со своей проповедью. Атеистическое государство всячески препятствовало таким контактам. Но Дудко пошёл на риск, он стал произносить проповеди, начал общаться с прихожанами, отвечать на их вопросы. Вопросы можно было оставлять в письменном виде, и после всенощной в субботу о. Дмитрий отвечал на них. Эти публичные выступления пользовались большой популярностью, их переписывали от руки, перепечатывали, распространяли в виде магнитофонных записей. В книге «Русская православная церковь. Согласие и инакомыслие» английская исследовательница Джейн Эллис писала: «Ничего подобного в Советском Союзе раньше не знали. Никогда ещё священник не давал таких ясных, простых и верных ответов на вопросы своих прихожан о христианской вере. Воздействие этих бесед как на верующих, так и на неверующих было поразительным. Слушать о. Димитрия собирались люди со всей Москвы, а также из других, более отдалённых мест» (Эллис 1990: 43). Западные радиостанции часто транслировали его проповеди.

Он служил сначала в Москве на Преображенке, затем в селе Кабаново Орехово-Зуевского района, потом его перевели служить в село Гребнево, которое находится на Фряновском шоссе недалеко от г. Фрязина. В 1977 году автор этой статьи познакомилась с о. Дмитрием именно в этом приходе. Общительный, доступный, он собирал вокруг себя толпы молодёжи. Беседы, трапеза, разговоры, вопросы-ответы — всё это создавало атмосферу притягательную, живую, радостную. Он почти всегда улыбался и ни в чём не отказывал: мог тайно крестить, мог обвенчать,

чтобы никто не знал. Отец Дмитрий бережно относился к молодёжи. Часто настаивал на том, чтобы молодые люди поступали в светские институты и ни в коем случае их не бросали. Он заботился о судьбе молодых людей, которые начинали свой путь в вере, помогал деньгами попавшим в тяжёлую жизненную ситуацию.

За границей были изданы многие из его проповедей. Переведённый в Париже на французский язык сборник проповедей «О нашем уповании» студенты Сорбонны признали лучшей книжной новинкой 1974 года. Спустя два года в Канаде были напечатаны его книги «Верю, Господи» и «Воскресные беседы». В брюссельском издательстве «Жизнь с Богом» была издана книга «Вовремя и не вовремя», а в 1979 году во Франкфурте-на-Майне — «Враг внутри».

В 1976 году о. Дмитрий Дудко подписал «Экуменическое воззвание» — обращение верующих разных конфессий к Президиуму Верховного Совета СССР и Всемирному Совету Церквей, в котором говорилось о дискриминации верующих, вмешательстве государства в дела религиозных общин. В 1980 году о. Дмитрий Дудко был арестован и обвинён в антисоветской деятельности. Он провёл полгода в следственном изоляторе Лефортовской тюрьмы. Священник, которому к этому времени было почти 60 лет, под давлением следствия 5 июня 1980 года обратился с открытым письмом к патриарху Пимену, где заявил, что никогда не боролся против советской власти. 20 июня 1980 года во время Московской Олимпиады по телевидению было показано его выступление, осуждающее его прежнюю деятельность. Агентство печати «Новости» передало заявление о. Дмитрия иностранным журналистам. На следующий день его освободили. С 10 октября 1980-го по 22 мая 1982 года он служил, находясь под следствием, пока его дело не было закрыто.

Молодые люди, его прихожане, духовные чада тяжело переживали заявление о. Дмитрия, ведь многие утвердились в своей вере через его проповеди и общение с ним.

Главный редактор «Вестника РСХД» Никита Струве опубликовал статью «Что случилось с о. Димитрием Дудко?», в которой обвинил Дудко в том, что он «поддаётся давно известному политическому соблазну, который именуется “национал-большевизмом”»[2]. Струве осудил Дудко за то, что тот «высказал свою поддержку художнику Глазунову». Струве пишет: «Глазунов, даже если его картины и пробуждают какие-то национальные чувства, — глубоко

[2] Вестник РСХД. — 1980. — № 132. — С. 232. — URL: https://www.rp-net.ru/book/vestnik/ (дата обращения: 23.01.2023).

порочное явление»[3], так как «нельзя одновременно живописать Брежнева и “русские лики”, как нельзя служить одновременно двум господам»[4]. Редактор «Вестника РСХД» отказывает художнику в выборе нравственной парадигмы, своего видения, художественного осмысления исторического пути России, его Родины, которой он служит своим искусством. Пробуждение национальных чувств как императива творчества не устраивает Струве, поскольку, видимо, это не укладывается в его понятие любви к Родине, в его понятие свободы творчества, индивидуальности — всё тонет в политической ангажированности. С одной стороны, Струве поддерживал критические высказывания отца Дмитрия в адрес атеистической власти, с другой — осуждал его русофильство и дружбу с Ильёй Глазуновым.

ПРАВОСЛАВНЫЙ СЕМИНАР ОГОРОДНИКОВА

«Вокруг отца Дмитрия Дудко крутилось довольно много православной и околоправославной молодёжи. Надо сказать, что его приходская община не была так чётко организована и структурирована, как, скажем, общинные группы отца Александра Меня. Его последователи съезжались в подмосковные деревни Кабаново, затем Гребнево, где служил отец Дмитрий на субботу и воскресенье, порой до ста пятидесяти человек набивалось в избушку. Вечером долго вычитывали правила, исповедовались, наутро — литургия; основное общение протекало за трапезами, переходящими в долгие разговоры. Здесь люди знакомились, здесь завязывалась дружба, возникали симпатии и антипатии, здесь рождались всевозможные идеи. В том числе и идея создать некий “семинар” для самообразования. Ведь для большинства участников этих встреч дорога в духовную семинарию была закрыта, так как на всех чадах отца Дмитрия стоял “антисоветский” штамп»[5].

Идея семинара принадлежала двум молодым интеллектуалам Александру Огородникову и Владимиру Порешу. Семинар этот вошёл в историю религиозно-диссидентского движения как «Христианский семинар по проблемам религиозного возрождения», который ещё называли Семинаром Огородникова по имени его основателя. Он собрал многих молодых людей из разных регионов России. Практически годом его становления стал 1974-й. «Чаще всего, по-видимому, речь шла о глубоком и систематическом

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Щипков А. В. Огородников и другие: как это было. Интервью Александра Щипкова журналу «Истина и жизнь» // РЕЛИГИЯ и СМИ. — 30 июня 2004 — URL: http://www.religare.ru/2_9782.html (дата обращения: 23.01.2023).

изучении Писания, отцов Церкви и крупных русских философов и богословов, хотя, конечно, приходилось довольствоваться теми книгами, которые с большим трудом удавалось достать» (Элис 1990: 159), — писала Дж. Эллис.

На семинарах участники изучали богословие и философию. Всепоглощающая жажда знания и атмосфера духовного голода толкали мыслящую молодёжь искать источник «воды живой» — христианской веры. Найти учителя в такой сфере, как духовное образование, в Стране Советов было практически невозможно, потому молодые люди собирались на квартирах, «доставали» книги, читали и пытались понять смыслы богословской науки и философии, читали святых отцов. Изучение было несистемное, спорадическое, однако же и это давало свои плоды.

Один из участников семинара священник Владимир Соколов так описывал свои ощущения тех лет: «Для меня была важна атмосфера, те, у кого я учился, глядя им буквально в рот, пожирал все знания. Недаром он назывался семинар, для меня это была семинария. Если уж говорить о семинарии, я тогда её закончил. А потом уже заканчивал настоящую семинарию, имея то “семинарское” образование. Оно было и систематичным, и регулярным, потому что мы относились к этому серьёзно. Я неоднократно переписывал лекции, читал книги, а книги были редкостью, которыми мы обменивались. Я стал вести конспекты, хотя конспекты мне мало помогали, они отвлекали меня от слушания. Мне надо было вслушиваться. Я буквально жрал знания эти, жрал. Настолько была душа истощена, надо было её кормить. А взять негде было. В семинарию в те годы меня не взяли бы, а хотелось всё узнать, потому что всё было новое»[6].

Другой, более зрелый участник семинара, Т. Н. Щипкова, учёный, кандидат филологических наук, так описывала тот дух, который витал на заседаниях семинара: «Эти встречи православной молодёжи, их беседы, доклады и споры давали мне то, чего я не могла найти ни на академических конференциях, ни за чайным столом респектабельных друзей — теплоту христианского общения, ничем не стеснённое стремление мысли, погружение в сферу духовного. Естественным результатом этой работы стал журнал — концентрация творческих сил участников Семинара. Мне особенно близко то, что и Семинар, и журнал проникнуты религиозным духом; общественные вопросы затрагиваются лишь

[6] Интервью свящ. Владимира Соколова. 2009 г. // Архив автора.

в связи с религиозными. Политическая проблема не входит в поле зрения семинарских занятий»[7].

В план семинара были включены, например, такие темы:

- Современная Церковь и индустриальный космос.
- Тело Церкви. /«Духовные основы жизни» — В. Соловьёв/
- Православие. /Святые отцы — В. Лосский/
- Личность и соборность. /Хомяков, Соловьёв, кн. Трубецкие, С. Франк/
- Попытка построения православного миросозерцания.
- Русская идея. /Хомяков, Достоевский, Соловьёв, Бердяев/
- Духовное строительство. /Русская Православная идея: актуализация/
- Христианское учение о личности и теория личности в современной психологии. /«О личности» — Л. Карсавин/
- Тип русской святости. Святые и государство. /Преп. Сергий Радонежский, бл. кн. Александр Невский, св. Филипп Московский/
- Пути и своеобразие тверской святости в историческом теле Православной Церкви. /Св. Арсений Тверской, св. кн. Михаил Тверской, св. Анна Кашинская, св. Савватий Оршинский, преп. Нил Столбенский/
- Беседы о. Дмитрия Дудко. О. Дмитрий как образ пастыря в современном секулярном мире.
- Истоки и смысл русской церковно-национальной жизни и идеи.
- Оживление русского религиозного сознания от Хомякова до наших дней.
- Современные неофиты и Церковь. Репетиция неофитского опыта.
- Что есть истина? «Понятие истины у Платона» М. Хайдеггер — несокрытость церковной истины.
- Свобода и необходимость. /Схема Кант — Бердяев. Тайна личности/
- Судьбы современного гуманизма.
- Русское религиозное міропереживание. /На материале русской литературы/
- Ф. М. Достоевский. Истоки творчества: Полифонизм и меннипея, или Святоотеческое предание. Полемика с М. Бахтиным.

Это далеко не полный перечень тем, которые интересовали молодых христиан семидесятых годов, но и он показывает, насколько разнообразны были их интересы.

[7] Вестник РСХД. — 1979. — № 130. — С. 345. — URL: https://www.rp-net.ru/book/vestnik/ (дата обращения: 23.01.2023).

В течение 1974–1978 годов у «семинаристов» появляется ещё одна цель — практическое создание общины, приходит идея издавать журнал. Таким образом, практически после перерыва в несколько десятилетий в среде православной молодёжи возникает движение освоения православного жительства. Однако отсутствие опыта у его носителей приводит часто к сложностям в отношениях. Это абсолютно закономерно в тех непростых обстоятельствах давления со стороны власти. Но желание вернуться в другую, отличную от советской парадигму отношений было очень сильно. Большинство молодёжи, участвовавшей в семинаре, имело высшее образование. Уже в те годы это были образованные люди, но жажда философского и богословского образования, глубокое стремление почувствовать, что такое вера и Бог, привели их к попыткам создать христианское общежитие. Именно поэтому и журнал, который они начинают издавать, так и был назван «Община». Первый номер журнала был изъят при обыске у А. Огородникова, но второй всё-таки вышел в самиздате в 1978 году. В журнале в качестве программного документа была опубликована «Декларация принципов семинара» и тексты нескольких докладов, прочитанных на семинаре. В «Декларации принципов Семинара» говорилось: «Россия ныне переживает второе религиозное Возрождение, предсказанное ещё русскими святыми подвижниками и религиозными мыслителями. Оно обнаруживает неожиданное многообразие форм, бурное, порою хаотическое, требующее своего исследования и осмысления. Жертвенная кровь Церкви стала семенем нашего Возрождения, а условия гонений определили его вынужденно сокрытый характер»[8].

Журнал должен был служить поиску «путей соборного единения тех, кто страдает от унижения личности и переживает нашу разделённость как русскую трагедию», а также поиску диалога «с инославными братьями во всём мире для изыскания выхода из мирового духовного кризиса»[9].

Особое внимание участники семинара концентрировали на моментах расхождения идей русских религиозных философов начала XX века и позиции Русской Православной Церкви. Неофитов-семинаристов особенно привлекала независимость суждений философов начала века. Критика государственной власти в работах В. Соловьёва, о. Сергия Булгакова, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, Г. Флоровского и других религиозных философов оказалась близкой молодым интеллектуалам, ищущим философскую опору в неприятии богоборческой власти.

[8] Община. — 1978. — № 2.

[9] Там же.

Литературный отдел журнала «Община» вышел под редакцией талантливого духовного поэта Олега Охапкина, в нём были опубликованы его собственные стихи, а также запрещённая в те годы поэма Даниила Андреева «Ленинградский Апокалипсис».

Просуществовал семинар до 1980 года и вошёл в историю как самый жестоко разгромленный семинар. Результатом гонений со стороны властей стало самое большое количество посадок, увольнений с работы, из учебных заведений, большие сроки заключения — так оценила власть плоды деятельности философского семинара. С 1978 по 1980 год были арестованы А. Огородников, В. Пореш, Т. Щипкова, С. Ермолаев, В. Бурцев, В. Папков, Л. Регельсон. А. Щипков был исключён из института и призван в ряды Советской армии в Туркестанский военный округ. Семинар прекратил своё существование перед летней Олимпиадой в Москве 1980 года.

Вопрос такого жестокого подавления Христианского семинара в Москве, Ленинграде и Смоленске требует особого размышления и анализа. Во-первых, конечно, желание властей накануне Олимпиады освободить Москву и другие города, где должны были появляться иностранцы, от диссидентов и правозащитников. Советское правительство стремилось максимально воспрепятствовать контактам иностранных гостей с диссидентами. Во-вторых, испугала, по-видимому, практическая направленность деятельности Семинара, его самоорганизация, вовлечённость большого количества молодёжи. Из всех известных на тот момент семинаров и организаций православной молодёжи трудно найти подобного рода организацию, открыто и организованно декларирующую свою веру. Конечно, органы госбезопасности совершенно точно знали, что семинары существуют не только для самообразования. Покупка дома, попытка создать православную общину, жить, общаться, вместе воспитывать детей — всё это было слишком ярко и слишком противоречило советской идеологии позднего СССР. Достаточно активной можно считать диссидентско-андеграундную жизнь и в Ленинграде. В 1970-е годы число такого рода форм религиозного самообразования и самоорганизации в этом городе исчислялось полутора десятками. Их участники приходили в эти кружки разными путями: кто через увлечение восточной философией и йогой, кто через интерес к европейской культуре, кто через немецкую философию, кто через разочарование в марксизме.

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЙ СЕМИНАР ГОРИЧЕВОЙ-КРИВУЛИНА

Одновременно с московским Христианским семинаром в Ленинграде появился религиозно-философский семинар «37». Его основателями были философ Татьяна Горичева и поэт Виктор Кривулин, супруги, которые назвали семинар по номеру квартиры, в которой они жили по улице Курляндской. Здесь проводились религиозно-философские встречи, поэтические чтения, обсуждения новинок литературы и искусства. В отличие от Семинара Огородникова, здесь наблюдался больший процент людей неверующих, последователей йоги, язычников, бывали там и иудеи, католики и баптисты. В этом смысле по составу семинар «37» был более размытым, или экуменическим, как называют его западные исследователи (Д. Эллис). Если в Семинаре Огородникова его участников в основном интересовали такие темы, как «Православие и Россия», «Православие и история», то семинар Горичевой-Кривулина ориентировался на христианство, литературу и философию. Обсуждались вопросы поиска путей современной культуры, вопросы соединения христианской и современной неофициальной культуры. Горичева и Кривулин издавали журнал, который, как и семинар, имел название «37». «Молодожёны вместе с Львом Рудкевичем поселяются в полуподвальной квартире 37 по Курляндской улице и почти сразу объявляют о начале работы двух семинаров — «Религиозно-философском» (его вела Горичева) и семинара о культуре начала века в современном восприятии (Кривулин). А в январе 1976-го все трое становятся редакторами первого номера журнала «37», в котором «религия женится на поэзии в долгом и не всегда счастливом союзе»[10], — пишет исследователь М. Берг. С 1976 по 1981 год вышел 21 номер.

Журнал распространялся в Москве, Ленинграде, других городах, а также нелегально переправлялся за границу. Тираж журнала по тем временам был очень большим — 200 экземпляров. Самые интересные разделы журнала были отданы философии и литературе, особенно поэзии, так как Татьяна Горичева занималась философией, а Виктор Кривулин — поэзией. В отличие от Христианского семинара Огородникова, семинар «37» был исключительно образовательной площадкой. Весь первый год слушатели изучали раннехристианских богословов и отцов Церкви. Читались доклады о Филоне Александрийском, гностиках, Тертуллиане, Афанасии Великом, Клименте Александрийском, Оригене

[10] Берг М. Несколько соображений к биографии В. Кривулина // Звезда. — 2018. — № 9. — URL: https://magazines.gorky.media/zvezda/2018/9/neskolko-soobrazhenij-k-biografii-v-krivulina.html (дата обращения: 23.01.2023).

и других. Эта область знаний в те годы была практически под запретом. «Конфессиональный» состав был разнородный. «Если сравнить наш семинар с Огородниковым — это просто несравнимо. У них были одни православные. Так сказать, отбор людей. К ним приезжали люди откуда-то из Сибири, из Казани, из Минска… У нас же было только приблизительно пять человек православных, которые каждый день ходили в церковь. Остальные ходили в церковь раз в год или вообще были атеисты, или агностики, или какие-то магометане, или какие-то йоги. Было всё, что угодно…» — рассказывала Татьяна Горичева много лет спустя[11].

В отличие от семинара Огородникова, семинар «37» был более толерантным в отношении веры. Как указывает Джейн Эллис, встречи часто начинались и заканчивались молитвой, но иногда участники перед началом молились по-православному, а в конце — по-баптистски. В 1979 году образовался кружок для изучения католического богословия, его участники иногда встречались для молитвы с католической молодёжью (Эллис 1990: 177). Таким образом, ленинградский семинар выглядел более размытым с точки зрения конфессиональной принадлежности. С другой стороны, семинар Кривулина, карточного игрока, неофита и, как он сам себя позиционировал, «религиозного (спиритуального) поэта», привносил в семинар и журнал дух авантюризма и игры с властью: «Если семинары (пусть и не столь яркие) не были новостью в андеграундской среде, то выход толстого журнала — это качественно другая проблематика игры с властью»[12].

«Содержание журнала делилось на два блока — собственно литературный и философско-религиозный. Чуть позже важную роль стал играть раздел переводов. Поначалу журнал строился так, чтобы в него была включена целиком книга стихов одного автора. Так, в 76–78 годах под обложкой “37” были опубликованы первые книги Елены Шварц, Ольги Седаковой, Всеволода Некрасова. <…> Прозу “37” не публиковал (за исключением главы из романа Георгия Сомова о Пушкине). В первых номерах “37” преобладали ленинградцы — Охапкин, Миронов, Сергей Стратановский и др., но со временем всё большее место в литературном разделе “37” занимают представители московского андеграунда. Здесь

[11] Горичева Т. Татьяна Горичева: Из комсомола в экзистенциализм // Правмир. — 20 марта 2014. — URL: www.pravmir.ru/tatyana-goricheva-iz-komsomola-v-ekszistencializm/ (дата обращения: 23.01.2023).

[12] Берг М. Несколько соображений к биографии В. Кривулина // Звезда. — 2018. — № 9. — URL: https://magazines.gorky.media/zvezda/2018/9/neskolko-soobrazhenij-k-biografii-v-krivulina.html (дата обращения: 23.01.2023).

были опубликованы “Сонеты на рубашках” Генриха Сапгира, стихи Ивана Жданова, Дмитрия Пригова и Льва Рубинштейна (“Каталог комедийных новшеств”), документация по акциям “Коллективных действий” Андрея Монастырского, перформансам Франциско Инфантэ и т. д. В “37” появилась и самиздатская критика, например материалы дискуссии о поэзии И. Бродского», — вспоминал сам Виктор Кривулин[13].

Особенно интересным представляется видение процессов самоорганизации православной молодёжи в это время глазами представителей андеграундной культуры в Ленинграде, где отличия от московских религиозных диссидентов были значительными. Многие приходили в православие, привлечённые идеей отверженности православия властью. М. Берг пишет: «Православие справедливо интерпретировалось в послеоттепельный период как козырь, обеспеченный всей силой предыдущего государственного давления. Чем больше было давление, тем значение козыря перспективно увеличивалось, и культура это попыталась использовать»[14].

«Конфессиональный состав» семинара Горичевой — Кривулина был настолько неопределённым и разнородным, что назвать его христианским по составу участников мы можем с большой натяжкой. Да и проблемы обсуждались на этих площадках совершенно разные. Если в Москве, как подчёркивала и сама Татьяна Горичева, — «молились мученикам русским. Основная тема у них была — историософия России, судьба России, страдание… то у нас этой проблемы не было»[15].

В Ленинграде больше интересовались тем, «как совместить …христианство и творчество. Потому что творчество — это гордыня, это понятно всем. Тогда мы стали говорить о творчестве и свободе, о творчестве и послушании»[16].

Интересна трансформация интересов руководителей этого семинара, которая произошла совсем скоро, в конце 1970-х годов. Брачный союз Горичева — Кривулин распался, и Горичева уходит в феминизм, а Виктор

---

13 Кривулин В. Золотой Век Самиздата // Русская виртуальна библиотека. — 2019. — URL: https://rvb.ru/np/publication/00.htm (дата обращения: 23.06.2023).

14 Берг М. Несколько соображений к биографии В. Кривулина // Звезда. — 2018. — № 9. — URL: https://magazines.gorky.media/zvezda/2018/9/neskolko-soobrazhenij-k-biografii-v-krivulina.html (дата обращения: 23.01.2023).

15 Татьяна Горичева: Мне надоели подвальность и элитарность «Второй культуры» // Гефтер. — 2016. — URL: https://gefter.ru/archive/17640?ysclid=lm0qi2hg38324456 (дата обращения: 23.06.2023).

16 Горичева Т. Татьяна Горичева: Из комсомола в экзистенциализм // Правмир. — 20 марта 2014. — URL: www.pravmir.ru/tatyana-goricheva-iz-komsomola-v-ekszistencializm/ (дата обращения: 23.01.2023).

Кривулин с Сергеем Дедюлиным начинают издавать чисто поэтический журнал «Северная почта».

В начале 1979 года в Ленинграде появляется совершенно новое для России православное феминистское движение. В него вошли четыре женщины, бывшие участницы семинара «37»: Ю. Вознесенская, Н. Малаховская, Т. Мамонова и Т. Горичева. По словам Горичевой, они все были «радикально антикоммунистически настроены», и все, кроме Мамоновой, верующие. Они приступили к изданию альманаха «Женщина и Россия», а затем журнала «Мария». Трансформация православного семинара в феминистский произошла накануне московской Олимпиады 1980 года.

Новое движение отличалось невероятной активностью, яркими политическими акциями. 10 декабря 1979 года в День прав человека активистки вышли к Казанскому собору и попытались развернуть плакаты за права угнетённой женщины. Довольно быстро в группе произошёл раскол: Татьяна Мамонова организовала группу антицерковных феминисток. Другие участницы остались на прежних позициях. Перед Олимпиадой Малаховскую, Вознесенскую и Горичеву арестовали и предложили им покинуть страну. Они согласились. Так закончилась деятельность основательницы христианского семинара «37» Татьяны Горичевой в России.

Вот две цитаты Горичевой, которые проясняют её внутренний строй как христианского философа.

«С одной стороны, советская женщина где-то действительно эмансипирована. Она вынуждена быть сильной, и она становится центром общества. А с другой стороны, у неё совсем другие проблемы. Например, проблема внутреннего рабства, когда женщина готова на всё, чтобы сохранить мужчину. [она]… *образована, но всё забывает и превращается в животное* (курсив. — *Л. Щ.*). Здесь масса проблем, которые не пересекаются с западными, с нормальной, так сказать, жизнью на Западе»[17].

«Я всегда говорю, что *самые страшные преступники — это не коммунисты, которые борются с христианами, не большевики, которые борются с христианами, а плохие христиане* (курсив. — *Л. Щ.*)»[18].

Переориентация с христианской тематики на правозащитную и феминистскую стала итогом вектора «игры с властью», которая, по словам

[17] Татьяна Горичева: Мне надоели подвальность и элитарность «Второй культуры» // Гефтер. — 2016. — URL: https://gefter.ru/archive/17640?ysclid=lm0qi2hg38324456 (дата обращения: 23.06.2023).

[18] Там же.

Михаила Берга, способствовала скатыванию деятельности в более политизированную и правозащитную направленность. Все издания, вышедшие практически за один год существования этой феминистской группы (альманах «Женщина и Россия», журнал «Мария»), были не столько религиозно-философскими, сколько политическими. Религиозно-нравственные вопросы ушли на второй план, а гендерный — стал главным. Все женщины были, по словам Горичевой, «радикально антикоммунистически настроены», их интерес сдвинулся в сторону протестных акций. Именно в редакции журнала «Мария» прошла первая в СССР феминистская конференция. Было подготовлено и опубликовано «Обращение к матерям», в котором авторы призвали женщин не отдавать своих сыновей в армию и выступить против войны в Афганистане.

Такая быстрая, спонтанная и поспешная переквалификация с одного рода деятельности на другой, с религиозно-образовательной на политическую, даёт основание предполагать, что деятельность такой скороспелой феминистской организации была направлена преимущественно на пиар-акции с целью выезда за рубеж.

ХРИСТИАНСКИЙ КОМИТЕТ ЗАЩИТЫ ПРАВ ВЕРУЮЩИХ В СССР

В 1976 году, практически сразу после подписания Хельсинских соглашений, в Москве была основана Московская Хельсинская группа, неправительственная общественная организация для содействия практическому выполнению гуманитарных статей Заключительного акта Хельсинского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). В конце того же года был создан Христианский комитет защиты прав верующих в СССР, который действовал при Московской Хельсинской группе. Основателями этого правозащитного комитета стали священник Глеб Якунин, иеродьякон за штатом Варсонофий (Хайбулин) и мирянин Виктор Капитанчук. 27 декабря 1976 года в Москве была проведена пресс-конференция, на которой было объявлено о его создании, а также опубликована декларация, в которой указывались цели и задачи комитета и обозначалась направленность будущей деятельности.

Очень быстро Христианский комитет вошёл в контакт с Исследовательским центром имени Вашингтона в Сан-Франциско, который аккумулировал информацию, пересылаемую ему Комитетом. Об этом пишет английская исследовательница религиозного диссидентства в России Джейн Эллис в книге «Русская православная церковь. Согласие и инакомыслие» (Эллис 1990: 149).

Центр Вашингтона получал из СССР информацию о преследованиях как православных верующих, так и верующих других конфессий. К марту 1980 года в Америке было издано 423 документа, что составило 11 томов на русском языке и ещё один том избранных материалов на английском. Сам Христианский комитет выпустил 64 документа. Среди них были обращения, адресованные Папе Римскому Иоанну-Павлу II, Вселенскому патриарху Димитрию, Архиепископу Кентерберийскому, ВСЦ и президенту США Картеру, целью которых было привлечение внимания к фактам нарушения прав верующих в СССР. Интересно одно из посланий Папе Римскому Иоанну-Павлу II, датированное 2 апреля 1979 года. В нём члены Христианского комитета защиты прав верующих обвинили Московскую Патриархию в связях с Советом по делам религий. Обращение утверждало, что опасно думать, будто официальные органы РПЦ являются свободными и представительными учреждениями (Эллис 1990: 151).

Таким образом, Папа Римский становится главной инстанцией, к которой апеллируют православные правозащитники. Позже к ним присоединился и «Католический комитет защиты прав верующих», который появился в Литве в 1978 году.

В письме от 22 ноября 1978 года эти два правозащитных комитета предлагают понтифику «стать лидером в защите прав человека в области религиозной свободы и выступить с инициативой заключения международного соглашения о правах человека в области религии и создания международной комиссии по наблюдению за её выполнением» (Его святейшеству Папе Римскому 1979: 1009).

Как пишут в своей статье А. Беглов и Н. Белякова, авторы писем надеялись, что римский понтифик вступит в прямой диалог без участия церковной иерархии их страны (Беглов А., Белякова Н. 2021: 188). Активные действия правозащитных комитетов явились следствием провалов внешней политики Советского Союза и активного давления западных стран на внутреннюю политику. В практическом смысле они воспользовались брешью в виде третьей «корзины» для активизации своих действий и привлечения зарубежного внимания к религиозным проблемам.

В 1979 году о. Глеб Якунин был арестован, в следующем году арестовали и Виктора Капитанчука, с арестом которого закончился первый и самый продуктивный период работы комитета. По мнению Джейн Эллис, в последующие годы было отправлено на Запад очень мало информации, которая представлена была лишь краткими документами «без подробных аналитических разработок» (Эллис 1990: 157).

ПРАВОСЛАВНЫЙ САМИЗДАТ

Активизация религиозной самиздатской периодики сразу после подписания Хельсинских соглашений в истории диссидентского движения представлена сборниками «Надежда». Они начали выходит в самиздате с 1976 года, а впоследствии стали печататься для верующих в Советском Союзе издательством «Посев». Их составителем стала Зоя Александровна Крахмальникова. В 1971 году она пришла в православие и с этого времени начала заниматься религиозной деятельностью, печаталась в самиздате, в журналах «Грани» и «Вестник РСХД».

В 1976 году по благословению иерархов Русской Православной Церкви Заграницей Крахмальникова стала выпускать самиздатский машинописный православный альманах «Надежда (Христианское чтение)». Он носил историко-просветительский характер: там публиковались сочинения отцов Церкви, свидетельства, письма из ссылки священников и епископов, современные работы по православному богословию, беседы священника Дмитрия Дудко и её собственные статьи о православной культуре. Со временем сборник стали перепечатывать на Западе в издательстве «Посев». В начале этой деятельности духовником Крахмальниковой был о. Дмитрий Дудко. После выхода десяти номеров журнал был закрыт, а её редактор арестован. Зоя Крахмальникова была арестована 4 августа 1982 года в Москве и осуждена по 70-й статье к одному году лагеря и пяти годам ссылки. Получило широкое распространение её последнее слово на суде. То, что она сказала в зале суда, поражает своей глубиной и христианским смирением: «В появлении “Надежды” не было ни моей заслуги, ни моей вины, я всего лишь попыталась восстановить то, что было оборвано шестьдесят лет назад. Богу было угодно, чтобы Христианское чтение возобновилось здесь, на русской земле, которая была крещена тысячу лет назад, и если не я, так эту работу выполнил бы кто-нибудь другой. “Надежда” делалась для верующих, для всех, кто ищет Слово Божие, а потому в издании этих книг в том или другом издательстве за рубежом нет никакого преступления… Радуйтесь, а не огорчайтесь, ибо во всём воля Божия… Слава Богу за всё!»[19]

***

С середины 1960-х годов отмечается патриотический подъём среди интеллигенции. В это время в печати появляются имена Василия Белова,

[19] Зоя Александровна Крахмальникова (1929–2008) // Электронная библиотека Александра Белоусенко. — 24 мая 2003. — URL: http://www.belousenko.com/wr_Krakhmalnikova.htm (дата обращения: 23.06.2023).

Валентина Распутина, Владимира Солоухина. Своеобразной штаб-квартирой патриотически настроенных литераторов становится журнал «Молодая гвардия». В диссидентской среде этот идеологический нарратив подхватывает Владимир Осипов, диссидент, только что вышедший из зоны после 7-летнего срока заключения. Он инициирует издание журнала «Вече» и становится его главным редактором.

Позднее В. Осипов определит это время как «исторический шанс»: «Этот исторический шанс был в период того самого подъёма патриотического сознания русской интеллигенции во вторую половину шестидесятых — начало семидесятых годов. В это время я уже издавал журнал “Вече”, и все мои соратники, “молодогвардейцы”, с которыми я был тесно связан, все они желали мирной трансформации советского режима в национальный государственный строй» (Осипов 2012: 149).

По словам самого Осипова, журнал он задумал ещё в лагере[20]. Само название «Вече», по словам автора, восходит к древним Новгороду и Пскову, где существовало вече — русская форма парламентаризма домонгольской Руси. «Название “Вече” мы связываем с духом соборности, разнообразия и терпимости, который издревле характерен для русского народа» (Осипов 1972). Первый номер журнала вышел 19 января 1971 года.

В 2008 году в учебнике истории России место самиздатского журнала «Вече» определяется следующим образом: «Важным событием в русском либерально-патриотическом движении стало появление журнала “Вече”, который тоже был своеобразным ответом на диссидентские либеральные и национальные издания. … Журнал задумывался как лояльный по отношению к власти (на обложке значились фамилия и адрес редактора)» (Барсенков 2008: 562). Можно, конечно, подвергнуть сомнению утверждение, что журнал задумывался как лояльный по отношению к власти, так как уже давно опубликованы воспоминания главного редактора, в которых ясно прочитывается, что сам Осипов и его журнал конечно же были погружены в политику и старались влиять на неё. Для человека, отсидевшего 7 лет в лагерях и прекрасно понимавшего всю опасность такой деятельности, приходилось быть осторожным. Поэтому и в программной статье, и на допросах — везде он отрицал обвинения в том, что «Вече» антисоветский журнал, говорил о его аполитичности, поскольку такие обвинения грозили переквалификацией статьи на более тяжёлую.

[20] Жоголев А. Последний герой // Благовест. — 08.02.2002. — URL: https://благовестсамара.рф/-public_page_8296 (дата обращения: 23.06.2023).

Издание журнала «Вече» было закономерным процессом развития русского национально-патриотического движения, которое в общем русле диссидентских движений продолжало традицию, начатую в Ленинграде 1960-х годов молодыми интеллектуалами. Возникшая в 1964 году тайная организация Всероссийский Социал-Христианский Союз Освобождения Народа (ВСХСОН) помимо резкой критики марксистско-ленинской доктрины и материалистического мировоззрения предлагала в своей программе идеальную модель построения будущей свободной России с ориентацией на христианские ценности, так называемый христианский социализм. В Программу был включён план преобразований СССР на национально-православной основе. Основатели ВСХСОН — Игорь Огурцов, Евгений Вагин, Михаил Садо, Борис Аверичкин — опирались в своих разработках на «Русскую идею» Н. А. Бердяева. Союз просуществовал до 1967 года, когда большинство его членов были арестованы и получили длительные сроки заключения. В 1970-е годы таким центром, ориентированным на христианские ценности и национальные корни, становится русский патриотический журнал «Вече», появившийся в самиздате в 1971 году и просуществовавший до 1973 года. Его редактором Владимиром Осиповым было подготовлено и выпущено за три года 9 номеров. Объём каждого номера был достаточно внушительным — от ста до двухсот страниц машинописного текста на листах формата А4. В это время с журналом сотрудничал один из «всхсоновцев», к этому времени уже вышедший из заключения, Леонид Бородин, впоследствии ставший известным писателем и редактором журнала «Москва».

Структура журнала представляла собой фактически один основной раздел, где печатались статьи, посвящённые вопросам науки, литературы, истории, философии, демографии, культуры. Кроме того, имелись рубрики: «Критика и библиография», «Наша почта», «Хроника».

Конечно, в тех сложных условиях несвободы, подавления любого инакомыслия выражать свою политическую позицию было очень сложно. Осипов неоднократно писал, что «Вече» не является политическим изданием. В журнале было много материалов «…о забытых русских мыслителях христианского направления, таких как Хомяков, Леонтьев, Киреевский, Достоевский; исторические очерки, например о генерале Скобелеве; статьи о православии, религиозной философии, по охране окружающей среды, охране памятников истории и культуры и т. п.»[21]. Всё это, конечно, было вписано в актуальный политический контекст.

[21] Там же.

По признанию Осипова, он печатал те статьи, которые не брали толстые официальные журналы. Под псевдонимом была напечатана статья известного демографа о сокращении численности русского народа. После высылки Солженицына были опубликованы материалы его полемики с Сахаровым. Свой православный журнал Осипов называл умеренно-патриотическим и сознательно аполитичным. «Не считал нужным… попутно даже в устной форме обличать существующий строй. Я говорил лишь, что стране нужна другая идеология, национально-патриотическая, государственническая идеология, но политику КПСС и Советского государства я не трогал»[22].

Духовником журнала был уже упоминавшийся ранее о. Дмитрий Дудко. Он также вёл религиозный отдел журнала. В каждом номере под псевдонимом печатались его проповеди.

В сложных условиях государственно-полицейского давления Владимир Осипов начал издавать журнал, совершенно ясно осознавая цели и задачи, которые он ставил перед своим изданием. Ими были: защита от гибели памятников материального и духовного творчества; воспитание уважения к своим национальным святыням (культура, история), к своему национальному достоинству; способствование восстановлению преемственности русской культуры, что есть залог дальнейшего культурного развития; поддержка любви к Родине и к Православной Церкви; обсуждение животрепещущих проблем современной национальной жизни и современной русской культуры (Осипов 1972).

Позиция Владимира Осипова не совпадала с основным вектором диссидентского правозащитного движения, который был направлен на развал, уничтожение, обличение страны, движение в сторону западных ценностей, желания покинуть страну, не иметь с ней ничего общего. Сразу после выхода первого номера журнала радио «Свобода» опубликовало 27 февраля 1971 года неожиданно негативный отклик на журнал и назвало его «подпольным и крайне шовинистическим». На что Осипов в предисловии ко второму номеру заявил протест (Русина 2017: 155).

Всю историю существования этого журнала его критиковали за русский патриотизм. Осипов писал: «Мы не собираемся умалять достоинства других наций. Мы хотим одного — укрепления русской национальной культуры, патриотических тенденций в духе славянофилов и Достоевского,

[22] Наш современник. — 2009. — № 3.

утверждения самобытности и величия России. Что касается политических проблем, то они не входят в тематику нашего журнала»[23].

Обвинения Осипова в подпольном существовании журнала, как об этом заявило радио «Свобода», не выдерживают никакой критики: своё имя и почтовый адрес Владимир Николаевич указывал открыто на обложке каждого номера. Таким образом, издатель фактически уличал во лжи западные средства массовой информации. Такое предвзятое отношение к самиздатскому изданию, которое находилось в очень стеснённых финансовых и жизненных условиях, в условиях несвободы, «двойные стандарты» западной прессы с позиции современных политических реалий уже не вызывают удивления, но тогда это было нечто неслыханное. Более половины статей в журнале были опубликованы под псевдонимами из-за опасения, что авторы могут лишиться работы. Такое бережное отношение к людям, надо сказать, не всегда присутствовало в диссидентском сообществе. Вызывает уважение то, что Владимир Осипов работал открыто, и при этом он очень бережно относился к авторам, стараясь оградить их от опасности.

Удивляет и то, что в сложных условиях несвободы и постоянной слежки издатели старались выдерживать периодичность журнала. Наверное, впервые в истории самиздата появился журнал, который рассылался во многие города Советского Союза по подписке, его получали не только в Москве и Ленинграде, но и в Киеве, Твери, Ярославле, Архангельске, Магадане, Нальчике, Воткинске, Магнитогорске, Барнауле, в Краснодарском крае, в Гороховце и других городах.

Большую роль в том, что журнал состоялся как явление, по признанию самого Владимира Осипова, сыграл художник Илья Глазунов. В рамках этой статьи нет возможности осветить ту огромную роль, которую этот человек играл в художественной жизни того времени. Однако о его влиянии и помощи религиозным диссидентам необходимо упомянуть. Осипов вспоминал: «Мне лично он помогал советами в издании …помню, как, отложив все дела, он соучаствовал в написании редакционной статьи с отповедью русофобу Яковлеву из аппарата. Тогда тот клеймил национально мыслящих историков и литераторов, стреляя цитатами из Маркса и Ленина, а позже, при демократах, проявил себя как махровый антикоммунист, требовавший Нюрнбергского суда над КПСС. Многие либералы, поносившие “отщепенцев”, сами потом оказались агентами влияния США. Например, у них вызвала ярость картина [И. Глазунова]

[23] Вече. — 1971. — № 2.

“За ваше здоровье!”, и они прямо доносили властям, что автор — антисоветчик. Известный писатель Владимир Солоухин сам признаётся в своих книгах, что его, обыкновенного советского литератора, превратил в борца за русскую культуру именно Илья Сергеевич. А ведь как раз с солоухинских “Писем из Русского музея”, опубликованных в “Молодой гвардии” (и я думаю, едва ли не продиктованных Глазуновым), началась славянофильская полоса в этом прежде унылом комсомольском ежемесячнике. Когда мы говорим о таком важном общественном явлении 60-х годов, как появление русофильского журнала “Молодая гвардия”, где, кстати, публиковался тогда и Глазунов, я готов сопоставить по значимости влияние этого журнала на общественную атмосферу в стране с влиянием и самой живописи Ильи Глазунова. Его выставки, часто прерываемые и запрещаемые, воспитывали массу людей в русском духе» (Осипов 2012: 654).

Многие диссиденты с благодарностью вспоминали Илью Глазунова. Леонид Бородин прекрасно описал самого художника и его квартиру в Калашном переулке в те годы: «В этом смысле квартира Глазунова была микроплощадкой русского бытия… Дело в том, что квартира Глазунова — площадка — была ещё и крохотным полем, где, как уже сказал, вроде бы и под контролем, но прорастало то самое “русистское”, что так основательно тревожило руководителя КГБ. За два с лишним года моего обитания у Глазунова я был свидетелем нескольких подлинных обращений людей, пришедших к Глазунову Бог знает кем, а ушедших, иногда даже порвав отношения с Ильёй Сергеевичем, прочно “обращёнными”. Кое-кто из таковых сегодня в лидерах патриотического направления. Ни от кого из них ни разу не слышал и слова о роли Глазунова в их “образовании”… К слову, вся немногочисленная диссидентская “русская партия” фактически жила на средства Глазунова. От шапки до ботинок — все от него. Пишущие машинки, пятитомники Н. Гумилёва парижского издания, всякий прочий “тамиздат” — от “Посева” до “Континента” и “Русского возрождения”… Даже зажигалки… В моей жизни между двумя сроками был период, когда в течение нескольких месяцев мы с женой не могли найти работу. На руках ребёнок… Когда б не И. С. Глазунов да И. Р. Шафаревич — не представляю, как бы выжили…»[24]

В 1974 году было возбуждено уголовное дело против Владимира Осипова. К этому времени у него на руках было приглашение Amnesty International на выезд за границу. Несмотря на арест, он мог бы покинуть

[24] Бородин Л. И. Без выбора // Викичтение. — URL: https://biography.wikireading.ru/125089 (дата обращения: 23.06.2023).

страну, так как во время допроса следователи открыто предлагали ему воспользоваться этим приглашением. Благодаря его мемуарам мы можем сегодня услышать его голос, его нравственный выбор, который было очень непросто сделать. Осипов описывает свою первую ночь в камере после ареста: «Первая ночь в камере на голых нарах. Спал, укрывшись плащом. Спал беспокойно. Может быть, мне следовало уехать на Запад? Ведь приглашение было, и сам арест, я чувствовал, откладывался в надежде, что я уеду. “Держись, Осипов! Неси свой крест за Россию!” — подбадривал я себя, отметая сомнения» (Осипов 2008: 101).

Владимир Осипов был осуждён по статье 70 на 8 лет лагерей. Освободился он только в 1982 году.

Леонид Бородин, который, как мы увидим далее, продолжил традицию русской патриотической прессы, сказал: «Не суд и не судилище даже, а уголовная расправа. <…> Судили за любовь к Родине. За то, что посмел любить её, замордованную, не по рецептам блокнота агитатора, а по зову души, по высшему и благороднейшему человеческому инстинкту» (Бородин 1990).

В 1968 году в Мордовии в Дубравлаге Владимир Осипов познакомился с членом ВСХСОН Леонидом Бородиным. Бородин был арестован в феврале 1967 года и осуждён по делу ВСХСОН по статье 70 («антисоветская агитация и пропаганда») на 6 лет лагерей строгого режима. Срок отбывал в колонии в Мордовии и в тюрьме во Владимире. Это был его первый срок. В начале 1970-х он начал сотрудничать с журналом «Вече».

В. Осипов пишет: «Он стал, по существу, членом редколлегии. Измученный ворохом проблем, в начале января 1974 г. я собирался передать ему бразды правления журналом и имел с ним доверительный разговор (который КГБ, по-видимому, подслушал). И по странному стечению обстоятельств буквально через несколько дней, как он согласился стать редактором, в том же январе 1974 г., его домик в Калужской области, на другом “101-м километре”, сгорел среди бела дня. Леонид Иванович едва успел выкинуть кое-какие вещи» (Осипов 2008: 93).

В 1975 году Леонид Бородин начинает издавать «Московский сборник», периодический машинописный религиозно-философский и литературный альманах. В это время журнал «Вече» перестал выходить, Владимир Осипов был арестован. Леонид Бородин, задумывая издание журнала, который бы продолжил традиции почвеннической русской православной периодики, конечно, осознавал всю опасность такого шага. «В такой вот интеллектуальной обстановке заявить русскую тему

в качестве позитива означало исключить себя из состава “порядочных людей”, стать объектом гнусных намёков и быть навсегда исключённым из интеллигенции» (Бородин 1990).

Название «Московский сборник» он заимствовал у обер-прокурора Синода Константина Победоносцева, идеолога русского консерватизма, который был редактором журнала с таким же названием в конце XIX века. «Незадолго до своего второго ареста я как-то с азартом перечитал “Московский сборник” и переписку К. П. Победоносцева. Боже! Какая же трагическая личность предстала предо мной в итоге прочитанного. Он, этот ненавистный тогдашнему обществу человек, может быть, один только он и понимал обречённость России на революцию. Страна требовала реформ и всяких вольностей — он видел в этом путь ускорения революции. Консерваторы требовали ужесточения режима, он и в этом видел всё то же самое — ускорение революционного процесса. И как мне кажется, сознательно из двух равно безнадёжных средств выбрал то, каковое хотя бы по чистой видимости “вредило” — тормозило ненавистный ему процесс духовного и политического распада Империи»[25].

Первый выпуск «Московского сборника» вышел в январе 1975-го и был посвящён памяти правозащитника и редактора самиздатских альманахов «Феникс» Юрия Галанского, умершего в ноябре 1972-го в мордовском лагере. Статья «Проблемы нации и религии» открывала основной раздел и была посвящена ему. В 1-м номере вышла статья А. Скуратова (псевдоним Анатолия Иванова) «Триумф самоубийц». Её публикация была начата в журнале «Вече», а после его закрытия продолжена в «Московском сборнике». Здесь же опубликована статья Геннадия Шиманова «О доверии и ответственности в браке». Цикл статей о семье и браке Шиманов начал публиковать ещё ранее в издававшемся В. Осиповым журнале «Земля», который прекратил своё существование в связи с арестом его редактора. Была напечатана интересная статья «Л. М. Лопатин и Московский университет в 20–80 годах», анонимная статья «О положении Православной Церкви в Грузии», «О молитве Господней» Льва Карсавина (в разделе «Неизвестные работы русских писателей»).

Раздел «Переводы» был представлен статьей архимандрита Мефодия «Отец Иоанн Кронштадтский и Лев Толстой». В разделе «Проза и поэзия» опубликована анонимная повесть «Отчизна неизвестная», а также рассказ А. Березовского «Посещение» и стихи С. Васильева.

[25] Там же.

В апреле 1975 года, после конфискации макета 3-го номера, Бородин был вызван в КГБ, и ему было сделано «последнее предупреждение». В этих условиях выпуск «Московского сборника» был прекращён.

В мае 1982 года за публикации художественных произведений в западных изданиях советский суд приговорил Бородина к неслыханно большому сроку: 10 лет лагерей и 5 лет ссылки. Из заключения Бородин вышел в 1987 году. В 2013 году в издательстве журнала «Москва» вышло собрание сочинений Леонида Бородина в 7 томах.

***

Таким образом, к началу 1980-х годов в Советском Союзе закончился период «религиозного ренессанса». Практически все перечисленные активности православной молодёжи к этому времени были разгромлены и перестали существовать. За исключением Горичевой и Кривулина все православные лидеры получили большие сроки заключения.

Мы можем констатировать, что с особой жестокостью были подавлены те инициативы, которые можно причислить к патриотической линии. Именно эти религиозные диссиденты отказывались от эмиграции, именно они оставались в стране и получали наибольшие сроки по «антисоветской» 70-й статье.

Идеологическое разногласие между христианскими и коммунистическими ценностями в описываемый период истории приобрело наиболее непримиримый характер. Этот период высветил и ещё одну проблему, которая в современной России с началом Специальной военной операции на Украине приобрела актуальное значение. 5 октября 2023 года на пленарной сессии XX Ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» президент России Владимир Путин заявил, что на международной арене будущее — за национально ориентированными силами. Это утверждение актуально и для внутренней политики.

Именно национально ориентированные интересы выражали большинство авторов описанных в данной статье религиозных семинаров и групп: «Община», «Вече», «Московский сборник». Эти люди в годы гонений на православную веру ценой своего жизненного благополучия и свободы защищали традиционные православные ценности. Осмысление их идей и борьбы на современном этапе международного политического противостояния приобретает особую актуальность и ценность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. 1917–2007. — М., 2008.

Беглов А., Белякова Н. «Пишите хоть Папе Римскому». Письма верующих из СССР римскому понтифику: формирование и бытование традиции // Государство, религия, церковь. — 2021. — № 4 (39).

Бородин Л. И. Мужество // Литературная Россия. — 1990. — № 7.

Его святейшеству Папе Римскому Иоанну-Павлу II открытое письмо // Документы христианского комитета защиты прав верующих в СССР. Documents of the Christian Committee for the Defence of the Believers Rights in the USSR. Washigton Research Center. Vol.10. — М., 1979.

Кострюков А. А. Лекции по истории Русской Церкви (1917–2008). — М. : Изд-во ПСТГУ, 2018.

Осипов В. Н. «Подвиг Глазунова». Возрождение русской идеологии. — М. : Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012.

Осипов В. Н. Беседа редактора «Вече» В. Н. Осипова с корреспондентом Ассошиэйтед пресс // Вече. — 1972. — № 6.

Осипов В. Н. Корень нации. Записки русофила. — М. : Алгоритм, 2008.

Осипов В. Н. Поле духовной брани. На вопросы главного редактора «Информ 600 секунд» отвечает В. Н. Осипов // Возрождение русской идеологии. — М. : Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012.

Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. — М. : Республика, 1995.

Русина Ю. А. Периодика в самиздате: русский патриотический журнал «Вече» (1971–1973 гг.) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. — 2017. — № 1 (17).

Указ Президиума ВС РСФСР «О внесении изменений и дополнений в постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. “О религиозных объединениях”» // Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и церковью / сост. Г. М. Штриккер. — М. : Пропилеи, 1995.

Филимонова А. И. Государство и церковь в XX веке: эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы. — М. : Книжный дом «Либроком», 2011.

Цыпин В., прот. История Русской Церкви 1917–1997. — М., 1997.

Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 гг.) // Материалы по истории церкви. Кн. 24. — М. : Изд-во Крутицкого подворья : О-во любителей церковной истории, 1999.

Эллис Д. Русская православная церковь. Согласие и инакомыслие. — Лондон: OPI, 1990.

Сведения об авторе:
Щипкова Любовь Васильевна — политолог, Россия, Москва, e-mail: lv@shchipkova.ru

Конфликт интересов:
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 05.10.2023; одобрена после рецензирования 13.11.2023; принята к публикации 18.11.2023.

L. V. Shchipkova

MOSCOW, RUSSIA

Self-Organization Processes of Orthodox Youth in the 1970s

Abstract. This article explores the phenomenon of religious revival among the Orthodox youth in the Soviet Union during the 1970s. The author argues that during this period, some processes took place within a segment of the intellectual Soviet youth that could be described as the Soviet religious renaissance. This phase coincided with Brezhnev's rise to power and a temporary easing of anti-religious persecution. In the 1960s–70s, the USSR passed several legislative acts that improved the conditions for believers and religious organizations, granting them comparatively greater rights. However, the state retained the authority to intervene in the Church's internal affairs and rigorously control its activities, leading to a decline in the number of Orthodox parishes from year to year. Nevertheless, a religious-oriented vector was forming in the minds and souls of the thinking Soviet youth. In the 1970s, several movements emerged, actively seeking forms of spiritual life. One notable phenomenon of religious dissidence was the preaching activities of priest Dmitry Dudko. In 1974, followers of Father Dmitry organized the enlightening "Ogorodnikov Seminar", named after one of its founders. The seminar studied theological and philosophical literature, which its participants struggled to obtain. The seminar later began publishing the journal "Obshchina" (Community). Simultaneously with the Moscow christian seminar, the religious and philosophical Goricheva-Krivulin Seminar emerged in Leningrad. The article delves into the history of

Orthodox samizdat (self-published works and underground press) in the 1970s, particularly the journals "Obshchina" (Community) "Veche" (Popular Assembly), and "Moskovsky Sbornik" (Moscow Collection). The Orthodox revival of the 1970s culminated in the early 1980s due to severe repression by Soviet authorities. Typically, those representatives aligned with Russian patriotic ideologies received the longest prison sentences. The author concludes that the ideas of nationally-oriented, patriotic figures and publicists remain relevant to this day.

Keywords: Ogorodnikov Seminar, Goricheva-Krivulin Seminar, Obshchina journal, Veche journal, Moskovsky Sbornik journal, religious dissidence, priest Dmitry Dudko, Orthodox youth in USSR

For citation: Shchipkova, L. V. (2023). Self-Organization Processes of Orthodox Youth in the 1970s. *Orthodoxia*, (4), 118–153. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2023-4-118-153

REFERENCES:

Barsenkov, A. S., Vdovin, A. I. (2008). *Istoriia Rossii. 1917–2007* [History of Russia. 1917–2007]. Moscow. [In Russian].

Beglov, A., Beliakova, N. (2021). "Pishite khot' Pape Rimskomu". Pis'ma veruiushchikh iz SSSR rimskomu pontifiku: formirovanie i bytovanie traditsii ["Write at Least to the Pope". Letters of Believers from the USSR to the Roman Pontiff: the Formation and Existence of Tradition]. *Gosudarstvo, religiia, tserkov'*, (4). [In Russian].

Borodin, L. I. (1990). Muzhestvo [Courage]. *Literaturnaia Rossiia*, (7). [In Russian].

Ego sviateishestvu Pape Rimskomu Ioannu-Pavlu II otkrytoe pis'mo [To His Holiness Pope John Paul II an Open Letter]. (1979). In *Dokumenty khristianskogo komiteta zashchity prav veruiushchikh v SSSR. Documents of the Christian Committee for the Defence of the Believers Rights in the USSR. Washigton Research Center* (vol. 10). Moscow. [In Russian].

Kostriukov, A. A. (2018). Lektsii po istorii Russkoi Tserkvi (1917—2008) [Lectures on the History of the Russian Church (1917–2008).]. Moscow: Izdatel'stvo PSTGU. [In Russian].

Osipov, V. N. (2012). "Podvig Glazunova". ["Glazunov's Feat"]. In *Vozrozhdenie russkoi ideologii*. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii, Algoritm. [In Russian].

Osipov, V. N. (1972). Beseda redaktora “Veche” V. N. Osipova s korrespondentom Assoshieited press [Conversation of the Editor of “Veche” V. N. Osipov with a Correspondent of the Associated Press]. Veche, (6). [In Russian].

Osipov, V. N. (2008). Koren’ natsii. Zapiski rusofila [The Root of the Nation. Notes of a Russophile]. Moscow: Algoritm. [In Russian].

Osipov, V. N. (2012). Pole dukhovnoi brani. Na voprosy glavnogo redaktora “Inform 600 sekund” otvechaet V. N. Osipov [The Field of Spiritual Warfare. V. N. Osipov Answers the Questions of the Editor-in-Chief of Inform 600 Seconds]. (2012). In *Vozrozhdenie russkoi ideologii.* Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii, Algoritm. [In Russian].

Pospelovsky, D. V. (1995). Russkaia pravoslavnaia tserkov’ v XX veke [The Russian Orthodox Church in the XX century]. Moscow: Respublika. [In Russian].

Rusina, Iu. A. (2017). Periodika v samizdate: russky patrioticheskiy zhurnal “Veche” (1971–1973 gg.) [Periodicals in Samizdat: the Russian Patriotic Journal “Veche” (1971–1973)]. Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii, (1). [In Russian].

Ukaz Prezidiuma VS RSFSR “O vnesenii izmeneny i dopolneny v postanovlenie VTsIK i SNK RSFSR ot 8 aprelia 1929 g. «O religioznykh ob”edineniiakh»” [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR “On Amendments and Additions to the Resolution of the Central Executive Committee and the Council of People’s Commissars of the RSFSR Dated April 8, 1929 “On Religious Associations”]. (1995). In *Russkaia pravoslavnaia tserkov’ v sovetskoe vremia (1917–1991). Materialy i dokumenty po istorii otnoshenii mezhdu gosudarstvom i tserkov’iu*. Moscow: Propilei. [In Russian].

Filimonova, A. I. (2011). Gosudarstvo i tserkov’ v XX veke: evoliutsiia vzaimootnosheny, politicheskiy i sotsiokul’turnyi aspekty. Opyt Rossii i Evropy [The State and the Church in the XX Century: the Evolution of Relationships, Political and Socio-Cultural Aspects. The Experience of Russia and Europe]. Moscow: Knizhnyi dom “Librokom”. [In Russian].

Tsypin, V., protoierei. (1997). Istoriia Russkoi Tserkvi 1917–1997 [Russian Church History 1917–1997]. Moscow. [In Russian].

Shkarovsky, M. V. (1999). Russkaia Pravoslavnaia Tserkov’ pri Staline i Khrushcheve: (gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniia v SSSR v 1939–1964 g.) [The Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev: (State-Church Relations in the USSR in 1939–1964)]. In *Materialy po istorii tserkvi. Kn. 24.* Moscow: Izd-vo Krutitskogo podvor’ia: O-vo liubitelei tserkovnoi istorii. [In Russian].

Ellis, D. (1990). Russkaia pravoslavnaia tserkov'. Soglasie i inakomyslie [The Russian Orthodox Church. Consent and Dissent]. London: OPI. [In Russian].

About the author:
Lyubov Vasilievna Shchipkova — political scientist, Moscow, Russia, e-mail: lv@shchipkova.ru

Conflict of interest:
The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 05.10.2023; approved after reviewing 13.11.2023; accepted for publication 18.11.2023.

ОРТОДОКСИЯ. 2023. № 4. С.154–173.
УДК 271.2
DOI: 10.53822/2712-9276-2023-4-154-173

В. Ю. Даренский

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ТЕХНОЛОГИЙ И УПРАВЛЕНИЯ
ИМЕНИ К. Г. РАЗУМОВСКОГО (ПЕРВЫЙ КАЗАЧИЙ УНИВЕРСИТЕТ),
МОСКВА, РОССИЯ

Воцерковление культуры как главная тема С. С. Аверинцева

Аннотация. В статье рассматривается главная «внутренняя» тема исследований С. С. Аверинцева, которая имеет парадигмальный характер и для него как учёного, и для христианской философии культуры в целом. Это проблема христианизации культуры как особый парадоксальный процесс наполнения и преображения старых языческих форм культуры под воздействием нового христианского содержания. Этот процесс показан у С. С. Аверинцева как модель пара-фраза и пара-докса, как форма трансцендирования сознания для открытости евангельской Вести. Рассмотрены работы С. С. Аверинцева, посвящённые разным периодам мировой культуры от Античности до XX века. В самой разнообразной проблематике С. С. Аверинцев использует метод «вскрытия» трансцендирующих элементов культуры на основе анализа морфологии культуры. В частности, показано, что синтез условного античного языческого «Запада» и библейского «Востока», осуществлённый православным Новым Римом («Византией»), был основной культурологической и историософской темой С. С. Аверинцева, которая развёртывается в его работах на материале разных исторических

эпох и разных культурных регионов. В его работах о культуре XX века дана диагностика и прогностика процессов в современной культуре, дан критический анализ ключевых концепций анализа культуры в этот период. По С. С. Аверинцеву, христианская культура, особенно в эпоху секуляризации, de facto может становиться своего рода «компенсатором» отсутствия христианской жизни. А с другой стороны, задача христианской культуры — провоцировать пробуждение христианской жизни, вторгаться в обыденность в качестве смысловой трансценденции. Это позволяет рассматривать его концепцию как оригинальный ответ на вызов секуляризации.

Ключевые слова: С. С. Аверинцев, культура, христианизация, воцерковление, пара-фраз, форма

Для цитирования: Даренский В. Ю. Воцерковление культуры как главная тема С. С. Аверинцева // Ортодоксия. — 2023. — № 4. — С. 154–173. DOI: 10.53822/2712-9276-2023-4-154-173

Культурологическое наследие С. С. Аверинцева (1937–2004) в наше время становится предметом пристального изучения как образец анализа трансформаций культуры в «переломные» эпохи всемирной истории. Хотя предметное поле его работ очень широко и разнообразно — от классической Античности до XX века и современных культурных процессов, — тем не менее в них всегда сохраняется главное проблемное «ядро». С 1970-х годов, после крещения в православие, С. С. Аверинцев почти полностью посвятил свои исследования одной «магистральной» теме — анализу того, каким образом христианская Весть «входит» в культуру и усваивается ею в своих специфических формах. В центральной работе этого периода — «Поэтике ранневизантийской литературы» — С. С. Аверинцев сформулировал общий принцип такого вхождения следующим образом: «Эллинская “форма” становится мистически бесплотной. Евангельское “содержание” становится мистически материальным» (Аверинцев 2004: 152). Модели пара-фраза и пара-докса становятся формами трансцендирования сознания для

открытости евангельской Вести. В дальнейшей своей проблематике — исследованиях риторической традиции, построения концепции «другого» (христианского) Рима, в анализе творчества отдельных поэтов и т. д. — С. С. Аверинцев везде затем использует обоснованный им на анализе ранневизантийской культуры общий метод «вскрытия» трансцендирующих элементов культуры.

Свой собственный статус как исследователя он осознаёт и выстраивает также на основе продолжения глубинной культурной традиции: себя он явно мыслит как возрождённый тип «книжника» из ближневосточной словесности — «человека, открытого самым разным идеям, лишь бы они утешали и помогали как-то “выпростаться из смуты времени”. Его культурная формация — зеркало западно-восточного синкретизма, характерного для образованных людей на границе двух цивилизаций» (Аверинцев Стоическая житейская мудрость глазами образованного сирийца предхристианской эпохи 1985: 74). Сказанное здесь о древнем сирийском авторе во многом является и самохарактеристикой творческого стиля самого С. С. Аверинцева. Исследование воцерковления культуры в её самых разных содержательных аспектах — от трансформаций художественного слова до экзистенциальных процессов становления нового типа личности, создаваемой евангельской Вестью, — было его «внутренней» темой, которая имела разные частные внешние воплощения в большом разнообразии его научных и публицистических интересов. Соответственно, модель воцерковления культуры, развёрнутая С. С. Аверинцевым на широком эмпирическом материале, имеет *парадигмальный* характер, поскольку стала его методологическим открытием и приложима к любым другим культурам, в которых происходило усвоение христианства.

Целью данной статьи является прояснение общих закономерностей воцерковления культуры, показанных С. С. Аверинцевым на разнообразном материале. В 2023 году вышла книга, в которой собраны философские тексты С. С. Аверинцева самого позднего периода его жизни. Они показывают, что его можно рассматривать и как философа — создателя оригинальной доктрины, достойной продолжить ряд русских мыслителей Серебряного века (Аверинцев 2023). Однако философские взгляды С. С. Аверинцева требуют отдельного исследования. Здесь обратим внимание на название этой книги, данное по теме одного из его докладов, — «Слово Божие и слово человеческое».

Оно очень чётко выражает его философию слова — в первую очередь как носителя сакральных смыслов. В этом отношении С. С. Аверинцев представлял собой противоположность модной в его эпоху семиотике «тартусской школы», которая нивелировала слово до «вариативного знака», изгоняя из него любое сакральное содержание и подменяя его «количеством информации».

В настоящее время уже имеется некоторое количество исследований методологического и общетеоретического наследия С. С. Аверинцева. Так, в статье Г. Г. Квиткова «Некоторые методологические аспекты работ С. С. Аверинцева» указывается только на принцип иерархической целостности культурно-исторических явлений, который лежит в основе концепций С. С. Аверинцева, и его отличие от подобного же принципа у О. Шпенглера (Квитков 2013). А. В. Марков рассмотрел общие аристотелевские принципы герменевтики у С. С. Аверинцева (Марков 2018), а Ю. В. Балакшина сформулировала основные принципы его герменевтики следующим образом: это принцип «большого контекста», принцип «взаимоосвещения эпох», антропологический принцип, принцип сверхдискурсивного языка, принцип личностного общения, принцип смысловой вертикали («“спускание” к непосредственной реальности текста с другой высоты»). Общее своеобразие герменевтического метода Аверинцева «связано с влиянием на него традиции восточного христианства, в частности трудов прп. Исаака Ниневийского, прп. Ефрема Сирина, свт. Григория Богослова, описавших опыт мистического богопознания. Путь к глубине и ясности смысла начинается с внешней аскетики, отказа от познания и понимания, приходящих через земные чувства. Следующим этапом понимания становится внутренний подвиг сосредоточенности, особая дисциплина ума. Только чистый, сосредоточенный, целомудренный ум способен созерцать логосы вещей мира, сокрытые от профанного взора» (Балакшина 2019: 110).

В единственной на данный момент книге о С. С. Аверинцеве — сборнике статей и выступлений О. А. Седаковой имеют место достаточно общие характеристики, которые не касаются его реальных идейных инноваций. Так, например, указывается такая черта его мысли, как «познавательная ценность сердца и совести, о которых забыл, точнее, от которых отвлёк себя “естественный разум” Просвещения: “ум с сердцем не в ладу”»; это — «та установка ума, которая всегда понимание поместит прежде истолкования» (Седакова 2020: 52). Аверинцев, по её словам,

напомнил о «положительном уме, об ordo sapientiae, об уме, который погружен в полноту человеческой реальности, соединён с сердцем и с чувством, сотрудничает с совестью и волей и связан с восприятием Целого, мудро и таинственно устроенного» (Седакова 2020: 202). Только в этой позиции, «понимая умом сердца, умом совести, умом воли (на библейском языке — умом утробы), мы можем позволить себе уверенность, мы можем доверить себе и не сомневаться, различая правое и левое, истинное и ложное» (Седакова 2020: 228). Всё это справедливо, однако в равной степени относится к любому христианскому мыслителю и почти ничего не говорит конкретно о С. С. Аверинцеве.

В первую очередь следует отметить, что уже сама личность С. С. Аверинцева была *историческим феноменом* — но феноменом, радикально противостоявшим своей эпохе официального безбожия и духовного одичания народа: «Когда он читал лекции по истории античной и византийской культуры в Московском университете, в аудиторию, рассчитанную на 200 человек, набивалось чуть ли не 400. Сидели на ступенях, на полу, в проходах, толпились за перилами и, затаив дыхание, слушали, как совсем молодой ещё человек… рассказывал о тонкосплетениях духовных связей, о притяжениях и отталкиваниях между двумя мирами — греко-античным и библейско-христианским… Может быть, со времён Льва Шестова… не появлялся в русской филологии автор с даром такой же яркости и глубины — редким даром тонкого и увлекательного философского комментария» (Аверинцев 1981: 141). Таковы были непосредственные впечатления от него.

В воспоминаниях В. В. Бибихина можно выделить два важных аспекта, которые хорошо проясняют особость С. С. Аверинцева, — то, без чего нельзя понять специфику его мысли и его историческое значение. «Я помню, — пишет он, — как первой же услышанной лекции Аверинцева было достаточно, чтобы переменить мой ум, увести от механики к живой продолжающейся истории» (Бибихин 2006: 408). Эта способность к метанойе — «перемене ума» — была тем особым качеством текстов С. С. Аверинцева, которые выделяют их на фоне его эпохи. «Новизна, абсолютная, Аверинцева была в том, что оттепель и её либерализм продолжали говорить советским языком, а тут мы услышали в принципе другой язык, который перестраивал и изменял наши головы. Брагинская права: в одном его голосе было больше несоветского, чем во всём диссидентстве» (Бибихин 2006: 412), — отмечает тот же автор.

Для понимания главного «метафизического» мотива мышления С. С. Аверинцева очень важно такое его свидетельство об одном диалоге на конференции: «Яннарас говорил об историческом превращении Церкви в религию, новую метафизику, антипод евангельской божественной любви. Аверинцев мягко возразил ему: рядом с любовью христианство знает и закон» (Бибихин 2006: 402). «Закон» здесь следует понимать не только и не столько в богословском смысле этого слова, но в более широком — метафизическом: закон как «принцип формы». Метафизика культуры С. С. Аверинцева была основана на принципе «необходимости формы», как в это же время выразился М. К. Мамардашвили. Один из главных метафизических законов культуры состоит в том, что содержание невозможно без формы; более того, форма является его «порождающей моделью». Поэтому если мы хотим понять, как в культуре может возникать определённое содержание, в первую очередь нужно искать форму, которая способна его породить.

Христос пришёл в мир фарисеев, простецов и язычников. Фарисеи Его убили, простецы стали апостолами, а уже бывшие язычники затем создали христианскую культуру и цивилизацию. Но почему это стало возможным? Как язычники смогли понять, Кто приходил на землю? И как они потом смогли вместить в старые формы культуры новое евангельское содержание? Именно на эти самые принципиальные вопросы отвечал С. С. Аверинцев.

Принципиально важным является отношение С. С. Аверинцева к К. С. Льюису как образцу мысли — «христианского здравомыслия» как сочетания духовного познания с рациональной формой мысли. Он часто подчёркивает также свой пиетет перед христианским аристотелизмом как той традицией чёткой мысли, которая способна удерживать мысль от распада (Аверинцев Христианский аристотелизм как внутренняя форма западной традиции и проблемы современной России 1996). Отметим, что хотя традиционно православная мысль опирается на платоновскую технику, однако именно в критические моменты истории аристотелизм приходил ей «на выручку» — в первую очередь уже тринитарном богословии, которое построено на аристотелевском термине «ипостась», а затем свт. Григорий Палама применил аристотелевское различение «сущности» и «энергии» для победы над очень опасной ересью, которая могла уничтожить православие в критический исторический момент. С. С. Аверинцев также пишет об острой необходимости

актуализации этой традиции в наше ещё более критичное для христианства время.

Так, в статье о Ж. Маритене он писал о «мистерии неосхоластического “универсализма”. Неосхоластика берётся объединить в целостном синтезе самые различные духовные и этические ценности — веру и рационализм, спекуляцию и эмпирию, созерцательность и практицизм, индивидуализм и “соборность”, — якобы ничего не отрицая и даже не умаляя, но всему указывая своё настоящее место (см. утопию “всеединства” у таких философов XIX столетия, как Шеллинг или В. Соловьёв)… Организация “упорядоченных” отношений между различными уровнями и аспектами неосхоластической картины мира осуществляется на основе соблазнительно ясных и простых аристотелианских моделей. В обстановке нашего века, когда крайний парадоксализм мысли стал на Западе всеобщей духовной атмосферой, неотомизм подчёркивает свой респект перед здравым смыслом и школьной рассудочностью логических ходов» (Аверинцев 1981, 124–125). Его собственный канон мысли соответствовал принципу этой рациональной «мистерии». Но это ещё не всё, поскольку вторым фундаментальным компонентом своей мысли С. С. Аверинцев сам назвал «специфическое чувство нравственной свободы — необходимый признак всего, что является русской мыслью» (Аверинцев 1989: 195).

В статье «К дефиниции человека» Аверинцев так определяет онтологические основания возможности человека трансцендировать своё наличное состояние: «Ум человека мыслит целое как мыслительный, вовсе не сентиментальный императив. Целое уму вполне объективно “задано”. Однако оно ему не “дано”. Это значит, что человек есть необходимым образом homo credens, существо верующее. Его сомнения, его бунт против веры остаются родом отношения к вере» (Аверинцев К дефиниции человека 2006: 403). Таким образом, возможность воцерковления человека и культуры изначально определяется неизбывной онтологической константой — направленностью человеческой экзистенции на мировое целое, которая заставляет его преодолевать все частные формы своего бытия. Благодаря этой константе человек всегда открыт евангельской Вести, хотя одновременно этой открытости противостоят его привычки и привязанности к частному. Если речь идёт о конкретном «механизме» восприятия христианского откровения, то здесь, как пишет С. С. Аверинцев, важнейшую роль играет сам язык Церкви. Важно понимать и «фиксировать

мистериальный характер богослужебного текста. Язык — это, конечно, средство общения, но это и средство инициации тоже… язык православных песнопений, православного богослужения и православного богословия искони переполнен терминами, касающимися “мистагогической” реальности инициации» (Аверинцев 2002: 55). Послушание в духовном смысле, по определению Аверинцева, — это «готовность быть возведённым выше, готовность принять то, что не сам придумал, готовность быть посвящённым» (Аверинцев 2002: 55).

Обращение в христианскую веру и воцерковление сознания и культуры происходит в соответствии с универсальной моделью ученичества как «второго рождения» в духе, которое есть во всех традиционных культурах, и разрушается только в секуляризированном обществе: «Учительство как порождение в духе, ничуть не менее конкретное, чем телесное порождение, как отцовство или, ещё глубже и ещё интимнее, как материнство, — похоже на то, что это мотив общечеловеческий. У каждой традиции есть своя “эсотерика” — необязательно как искусственно оберегаемая тайна, но всегда как особая углубленность опыта традиции как традиции, — и мотив духовного порождения об этом напоминает» (Аверинцев 1988: 37). Поэтому, писал он, «наряду со всякой другой инициацией также и христианская инициация — крещение, т. е. таинство принятия во внутренний круг учеников “священного училища”, как называл общину христиан Афанасий Александрийский» (Аверинцев 1988: 37). Это для него очень важная экзистенциальная категория: «Рождённое от Духа — речь идёт о духовном рождении от божественной силы. Но Дух передаётся через людей, имеющих иерархическое положение в церковной структуре» (Аверинцев 1988: 38).

В своей статье о К. Г. Юнге С. С. Аверинцев отмечал: «Архетипы человечества должны быть познаны, и притом с двоякой целью: чтобы их культивировать и чтобы лишить их злой силы» (Аверинцев 1981: 112). В этом и состоит один из важнейших аспектов метода работы С. С. Аверинцева с текстами и любым историческим материалом: поиск «архетипических» оснований, которые лежат в их основе и являются универсальными для любой культуры. Однако сами «архетипы» он понимает не так, как К. Г. Юнг, которого он критикует в первую очередь за «психологизм» и «растворение сознания в бессознательном». Для С. С. Аверинцева «архетипы» — это универсальные смысловые модели культуры. Зная их, можно понять, как может быть понято

и восприниматься бывшими язычниками откровение о Христе. К сожалению, сам С. С. Аверинцев не указывает на тот базовый архетип умирающего и воскресающего божества, который есть во всех архаических культурах и благодаря которому язычники сразу узнают Христа как давно ожидаемого всем человечеством Спасителя.

В «Поэтике ранневизантийской литературы», как уже сказано, была показана модель пара-фраза и пара-докса элементов языческой культуры, которые благодаря такому преобразованию становятся формами само-трансцендирования сознания для открытости евангельской Вести. В качестве примера того, как это конкретно происходит, приведём характеристику С. С. Аверинцевым отношения Псевдо-Дионисия Ареопагита к слову: «Только оспаривающие друг друга слова, только противоборствующие друг другу метафоры создают, так сказать, силовое поле, косвенно порождающее в уме читателя нужный смысл или нужный образ. “Свет”, который есть “мрак”, и “мрак”, который есть “свет”, — это не просто отвлечённый тезис идеалистической диалектики, но одновременно всей силой гипнотизирующих повторов, тавтологий и прочих эмоциональных раздражителей навязанная воображению невообразимость, внедрённое в психику человека противоречие, которое призвано «преобразить» эту психику. Слова должны усиливать друг друга интонационно и вытеснять друг друга содержательно и образно… перед нами самая последняя, сверхцивилизованная стадия тысячелетних путей античной риторики, её приход к своему концу, к своему пределу — доведение себя самой до абсурда. Но одновременно это её возврат к своему истоку и началу, к своей первоначальной наивности и невинности, к самому первобытному и первозданному, что только может быть, — к поэтике загадки» (Аверинцев 2004: 145–146). Как видим, С. С. Аверинцев специально здесь выделяет особый парадокс, который можно назвать «парадоксом формы», состоящий в том, что её крайнее усложнение неизбежно затем приводит к её предельному упрощению и архаизации. Но это именно такая позитивная архаизация, которая вскрывает её архетипические основания, на которых затем уже может основываться и вырасти новая культура.

Но как она вырастает и структурируется? Новый тип христианской культуры, основанный на трансформации традиционных форм культуры, прошедших позитивную архаизацию для нового синтеза, представляет собой, как пишет С. С. Аверинцев, новое «сквозное

единство по вертикали, сверху донизу: от самого общего до самого частного, от самого “умственного” до последней словесной конкретики. Уровни — потому и уровни, что это уровни целого, их различенность обусловлена взаимосоотнесённостью… В этой книге высказывались догадки о связи между самыми различными вещами: между политической идеологией ранневизантийской державы — и теорией символа у Псевдо-Дионисия Ареопагита, а также между обоими этими феноменами и практикой метафоры у ранневизантийских поэтов… между “учительным” умыслом ранневизантийских гимнографов — и разработанной ими системой метрики и аллитерации… между бюрократическим миром константинопольских писцов — и повышенной чуткостью к графическому облику литературного текста… между антиномиями христианской доктрины — и строфикой Романа Сладкопевца с характерной противопоставленностью основного текста и рефрена… между определёнными традициями античной мыслительной техники, реактуализованными Византией, — и появлением стиховой рифмы в “Акафисте”» (Аверинцев 2004: 243).

В этом синтезе заключается самый трудный момент всей «конструкции», поскольку здесь в рамках одной культуры синтезируются две уже ранее существовавшие и противоположные по своим содержательным принципам — античная и библейская. Эту противоположность С. С. Аверинцев определяет так: «Греческий “космос” покоится в пространстве, выявляя присущую ему меру; библейский “олам” движется во времени, устремляясь к переходящему его пределы смыслу» (Аверинцев 1996 Греческая «литература» и ближневосточная «словесность»: 38). Поэтому «Библия преодолевала натуралистический магизм отнюдь не для того, чтобы расчистить место отвлечённому религиозному эсперанто платоников, перипатетиков и стоиков, “Бог Авраама, Исаака и Иакова” не походил на “бога философов и учёных”. Но недоразумению, выявившемуся во времена Клеарха и Феофраста, предстояла долгая жизнь. Оно будет значимо не только для александрийского еврея Аристобула (II в. до н. э.), верящего в тождество учения Торы и платоновско-аристотелевской доктрины, и не только для грека Нумения Апамейского (II в. н. э.) с его знаменитым вопросом: “Что есть Платон, как не Моисей, говорящий по-аттически?”» (Аверинцев 1996 Греческая «литература» и ближневосточная «словесность»: 43). Культурный синтез, осуществлённый Новым Римом, состоял в том, что «люди Востока, желавшие вынести

на всемирный эллинистический рынок идей сокровища своей отечественной мудрости, обязывались предварительно облечь эти сокровища в упаковку греческих словесных форм — и по возможности также мыслительных форм. Время требовало толмачей» (Аверинцев 1996 Греческая «литература» и ближневосточная «словесность»: 44). В качестве очень показательного примера разницы между древнегреческой «диалектикой», требовавшей точных дефиниций, и библейским мышлением, основанным на принципе подобия, С. С. Аверинцев пишет следующее: «Можно прочесть весь Ветхий Завет от корки до корки и не найти там ни одной формальной дефиниции; предмет выясняется не через определение, но через уподобление по типу “притчи” (евр. masal). Освящённая тысячелетиями традиция построения высказываний продолжена и в Евангелиях: “Царство Небесное подобно” тому-то и тому-то — и ни разу мы не встречаем: “Царство Небесное есть” то-то и то-то» (Аверинцев 1996 Два рождения европейского рационализма: 337). Собственно, этот синтез условного античного языческого «Запада» и библейского «Востока», осуществлённый православным Новым Римом, был основной культурологической и историософской темой С. С. Аверинцева.

Он писал об этой самой ранней христианской цивилизации Ближнего Востока так: «В начале первого тысячелетия нашей эры впервые проступают черты новой культурной общности, отличной от всего, что было раньше и что придёт затем. Это была настоящая общность, чётко идентифицируемая на типологическом уровне, осязаемая на уровне исторической эмпирии, — творчество сирийцев, коптов и сопредельных народов, пользовавшихся как собственными языками, так и греческим языком, доставшимся в наследство от эллинизма как средство международного общения, осуществляло себя в непрерывном сотрудничестве и обмене… В землях и городах, лежавших на границе между Римской и Персидской империями, воля к самобытности, отталкиваясь как от греко-римского язычества, так и от иранского зороастризма, имела в христианстве желанного союзника» (Аверинцев На границе цивилизаций и эпох 1985: 5–6). Основную интенцию этой первой в мире христианской культуры С. С. Аверинцев определил так: «Культура “христианского Востока”, глубоко разочарованная неправдой, несвободой, теснотой, ощущаемой людьми той эпохи во всех земных делах, искала потустороннего; но она уравновешивала эти свои порывы удивительно конкретным ощущением присутствия потустороннего

в посюстороннем — вот здесь, рядом. Для сирийцев и коптов присутствие это было таким осязаемым, плотным, почти грубым, как едва ли для кого ещё» (Аверинцев На границе цивилизаций и эпох 1985: 15). Это не «спиритуализм» в западном смысле слова — как уход от реальности в мистику, — а, наоборот, преображение мирского бытия и человека. Этот тип культуры С. С. Аверинцев выделил и в специальной статье, посвящённой его полемике с О. Шпенглером, в которой он справедливо указал на полную неадекватность и бессмысленность его определения этой ближневосточной христианской цивилизации как «магической» или «раннеарабской» (Аверинцев 1968).

Для обозначения этого ближневосточного культурного типа первых веков нашей эры, ставшего парадигмой «византийской» культуры Нового Рима, а затем русской культуры Третьего Рима, нами был ранее предложен термин «библейская цивилизация», по отношению к которой «фаустовская» цивилизация Запада стала «псевдоморфозой» и уклонением в неоязычество (Даренский 2020). С. С. Аверинцев также в различных работах постоянно отмечал эту преемственность как основу русской культуры, вследствие которой русской культуре всегда свойственна «независимость совсем особого рода, редкая во всём мире» (Аверинцев 2005: 192).

Работы С. С. Аверинцева по русской и современной западной культуре достаточно многочисленны и требуют особого рассмотрения в контексте проблематики воцерковления культуры, которую мы рассматриваем здесь только относительно её самых ранних исторических стадий. Упомянем лишь, что одну из своих статей он посвятил «христианским писателям Германии, которые имели мужество последовательно противостоять духу мещанского шовинизма и конформистского “единомыслия” как в фашистском его варианте, так и в респектабельном псевдорелигиозном обличии» (Аверинцев 1982: 114). Как видим, общим признаком христианских писателей в XX веке С. С. Аверинцев и на Западе усматривает такое же точно противостояние «единомыслию» обезбоженного мира, как это в ещё более радикальной форме происходило в СССР. При этом он отмечает их очень трагическое положение вследствие невозможности уже вновь создать «большой стиль» христианского искусства в том «новом мире» без Христа, который создал Запад в XX веке. Он писал: «Интеллигентные новообращённые в Германии как раз и воплощают свою веру в своём творчестве, в несколько отвлечённой сфере чуть

стилизованных образов… Перед нами достаточно различные писатели, но на словесной ткани их книг лежит общий отпечаток торжественного архаизаторства, благородного эпигонства, заставляющего вспомнить так называемое Бевронское искусство — попытки немецких монахов-бенедиктинцев второй половины прошлого века создать новый сакральный стиль путём обращения к египетским формам, к греческой архаике, к романскому средневековью. Мы увидим, как налёт этот постепенно улетучивается; и когда от него не остаётся ровно ничего, о “христианском направлении” уже невозможно говорить как о направлении литературном» (Аверинцев 1982: 113–114). Здесь сам термин «Бевронское искусство» используется С. С. Аверинцевым как метафора попыток создания «большого стиля» христианского искусства, который стал уже невозможным в секуляризированном обществе Запада.

В заключение стоит отметить ещё один важный культурный парадокс, сформулированный С. С. Аверинцевым относительно сути существования христианской культуры уже в наше время. Он писал о том, что в современную эпоху «книги христианских поэтов и философов должны быть компенсацией утрат в области христианства как жизненной реальности»; но, с другой стороны, для христианской философии «специфическая опасность — искать не жизни во Христе, а, так сказать, христианского мировоззрения, что слишком часто близко к понятию христианского “дискурса”. То, что рождается из чтения книг, изначально заражено “книжностью” и рискует остаться переживанием читателя, только читателя (как сказал однажды Поль Валери, “когда-нибудь мы все станем только читателями, и тогда всё будет кончено”)… Но “межеумочность” религиозного философствования, какой бы она ни была опасной, отвечает его легитимнейшей локализации именно между верой, “иноверием” и неверием» (Аверинцев Христианская философия как проблема для себя самой 2006: 431–432). Таким образом, по С. С. Аверинцеву, христианская культура, особенно в эпоху секуляризации, de facto может становиться своего рода «компенсатором» отсутствия христианской жизни. А с другой стороны, задача христианской культуры — провоцировать пробуждение христианской жизни, вторгаться в обыденность в качестве смысловой трансценденции.

Кратко рассмотренные здесь аспекты концепции С. С. Аверинцева не могут претендовать на полноту и являются только первым наброском в рамках этой темы, требующей развёрнутого систематического

исследования, как и всё его наследие в целом. Однако даже из этих кратких аспектов достаточно очевидно парадигмальное значение его концепции для анализа процессов христианизации как исторических, так и современных культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Аверинцев С. С. «Морфология культуры» О. Шпенглера. — Вопросы литературы. — 1968. — № 1. — С. 132–153.

Аверинцев С. С. Религия и литература. — Michigan : Эрмитаж, 1981. — 140 с.

Аверинцев С. С. Литература христианского направления в ФРГ // Философия. Религия. Культура: Критический анализ современной буржуазной философии. — М. : Наука, 1982. — С. 104–134.

Аверинцев С. С. На границе цивилизаций и эпох: вклад восточных окраин римско-византийского мира в подготовку духовной культуры европейского средневековья // Восток — Запад. Исследования. Переводы. Публикации. — М. : Наука, 1985. — С. 5–20.

Аверинцев С. С. Стоическая житейская мудрость глазами образованного сирийца предхристианской эпохи // Античная культура и современная наука. — М. : Наука, 1985. — С. 67–74.

Аверинцев С. С. Западно-восточные размышления, или О несходстве сходного // Восток — Запад. Исследования. Переводы. Публикации. — М. : Наука, 1988. — С. 37–39.

Аверинцев С. С. К характеристике русского ума. — Новый мир. — 1989. — № 1. — С. 194–198.

Аверинцев С. С. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность» (противостояние и встреча двух творческих принципов) // Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. — С. 13–75.

Аверинцев С. С. Два рождения европейского рационализма // Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. — С. 329–346.

Аверинцев С. С. Христианский аристотелизм как внутренняя форма западной традиции и проблемы современной России // Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. — С. 319–328.

Аверинцев С. С. Язык как совместное обладание эпох и поколений // Язык Церкви: Материалы международной богословской конференции (Москва, сентябрь 1998 г.). — М. : СФИ, 2002. — С. 47–55.

Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. — СПб. : Азбука-классика, 2004. — 478 с.

Аверинцев С. С. Русское подвижничество и русская культура // Аверинцев С. С. Связь времён. — Киев : Дух и Литера, 2005. — С. 189–198.

Аверинцев С. С. К дефиниции человека // Человек. История. Весть. — Киев : Дух и Литера, 2006. — С. 403–436.

Аверинцев С. С. Христианская философия как проблема для себя самой // Человек. История. Весть. — Киев : Дух и Литера, 2006. — С. 427–441.

Аверинцев С. С. Слово Божие и слово человеческое: Римские речи. — М. : Никея, 2023. — 400 с.

Балакшина Ю. В. Герменевтика С. С. Аверинцева: истоки, принципы, своеобразие. — Вестник Свято-Филаретовского института. — 2019. — Вып. 32. — С. 110–127.

Бибихин В. В. Алексей Фёдорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. — М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. — 416 с.

Даренский В. Ю. О. Шпенглер о «двойном лике России»: от культур-мифологии к историософским прозрениям. — Тетради по консерватизму. — 2020. — № 4. — С. 167–190.

Квитков Г. Г. Некоторые методологические аспекты работ С. С. Аверинцева. — Вестник Томского государственного университета. — 2013. — № 372. — С. 110–113.

Марков А. В. Об одной предпосылке искусствоведения С. С. Аверинцева. — Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». — 2018. — № 3 (13). — С. 155–160.

Седакова О. А. Сергей Сергеевич Аверинцев: Воспоминания. Размышления. Посвящения. — М. : Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2020. — 328 с.

Сведения об авторе:
Даренский Виталий Юрьевич — доктор философских наук, заведующий кафедрой философии, Московский государственный университет технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет), 109004, Россия, Москва, ул. Земляной Вал, 73, e-mail: darenskiy1972@rambler.ru

Конфликт интересов:
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 05.11.2023; одобрена после рецензирования 13.11.2023; принята к публикации 18.11.2023.

V. Yu. Darenskiy

K. G. RAZUMOVSKY MOSCOW STATE UNIVERSITY OF TECHNOLOGIES AND MANAGEMENT
(THE FIRST COSSACK UNIVERSITY),
MOSCOW, RUSSIA

The Churching of Culture as the Main Theme of S. S. Averintsev

Abstract. The article examines the main "internal" theme of S. S. Averintsev's research, which has a paradigmatic character both for him as a scientist and for Christian philosophy of culture as a whole. This is the problem of Christianization of culture as a unique paradoxical process of filling and transformation of old pagan forms of culture under the influence of new Christian content. This process is shown by S. S. Averintsev as a model of paraphrase and paradox as forms of transcending consciousness for the openness of the gospel message. The article discusses the works of S. S. Averintsev dedicated to different periods of world culture from antiquity to the 20th century. In his diverse problematic, S. S. Averintsev uses the method of "revealing" transcendent elements of culture based on the analysis of cultural morphology. In particular, it is shown that the synthesis of the conditional pagan "West" and the biblical "East", realized by Orthodox New Rome ("Byzantium"), was the main cultural and historiosophical theme of S. S. Averintsev, which unfolds in his works on the material of different historical epochs and different cultural regions. In his works on the culture of the 20th century, he provides a diagnosis and prognosis of processes in contemporary culture, and critically analyzes key concepts of cultural analysis during this period. According to S. S. Averintsev, Christian culture, especially in the era of secularization, de facto can become a kind of "compensator" for the lack of Christian life. On the other hand, the task of Christian culture is to provoke the awakening of Christian life, to penetrate into everyday life as a meaningful transcendence. This allows us to consider his concept as an original response to the challenge of secularization.

Keywords: S. S. Averintsev, culture, Christianization, churching, paraphrase, form
For citation: Darenskiy, V. Yu. (2023). The Churching of Culture as the Main Theme of S. S. Averintsev. *Orthodoxia*, (4), 154–173. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2023-4-154-173

REFERENCES:

Averintsev, S. S. (1968). "Morfologiia kul'tury" O. Shpenglera ["Morphology of Culture" by O. Spengler]. *Voprosy literatury*, (1), 132–153. [In Russian].

Averintsev, S. S. (1981). *Religiia i literatura* [Religion and literature]. Michigan: Ermitazh. [In Russian].

Averintsev, S. S. (1982). Literatura khristianskogo napravleniia v FRG [Literature of the Christian Direction in Germany]. In *Filosofiia. Religiia. Kul'tura: Kriticheskii analiz sovremennoi burzhuaznoi filosofii* (pp. 104–134). Moscow: Nauka. [In Russian].

Averintsev, S. S. (1985). Na granitse tsivilizatsii i epokh: vklad vostochnykh okrain rimsko-vizantiiskogo mira v podgotovku dukhovnoi kul'tury evropeiskogo srednevekov'ia [On the Border of Civilizations and Epochs: the Contribution of the Eastern Outskirts of the Roman-Byzantine World to the Preparation of the Spiritual Culture of the European Middle Ages]. In *Vostok — Zapad. Issledovaniia. Perevody. Publikatsii* (pp. 5–20). Moscow: Nauka. [In Russian].

Averintsev, S. S. (1985). Stoicheskaia zhiteiskaia mudrost' glazami obrazovannogo siriitsa predkhristianskoi epokhi [Stoic Worldly Wisdom Through the Eyes of an Educated Syrian of the Pre–Christian Era]. In *Antichnaia kul'tura i sovremennaia nauka* (pp. 67–74). Moscow: Nauka. [In Russian].

Averintsev, S. S. (1988). Zapadno-vostochnye razmyshleniia, ili O neskhodstve skhodnogo [Western-Eastern Reflections, or about the Dissimilarity of the Similar]. In *Vostok — Zapad. Issledovaniia. Perevody. Publikatsii* (pp. 37–39). Moscow: Nauka. [In Russian].

Averintsev, S. S. (1989). K kharakteristike russkogo uma [To the Characteristics of the Russian Mind]. *Novyi mir*, (1), 194–198. [In Russian].

Averintsev, S. S. (1996). Grecheskaia "literatura" i blizhnevostochnaia "«slovesnost»" (protivostoianie i vstrecha dvukh tvorcheskikh printsipov) [Greek "Literature" and Middle Eastern "Literature" (Confrontation and Meeting of Two Creative Principles)]. In *Ritorika i istoki evropeiskoi*

literaturnoi traditsii (pp. 13–75). Moscow: Shkola "Iazyki russkoi kul'tury". [In Russian].

Averintsev, S. S. (1996). Dva rozhdeniia evropeiskogo ratsionalizma [Two Births of European Rationalism]. In *Ritorika i istoki evropeiskoi literaturnoi traditsii* (pp. 329–346). Moscow: Shkola "Iazyki russkoi kul'tury". [In Russian].

Averintsev, S. S. (1996). Khristianskii aristotelizm kak vnutrenniaia forma zapadnoi traditsii i problemy sovremennoi Rossii [Christian Aristotelianism as an Internal Form of Western Tradition and Problems of Modern Russia]. In *Ritorika i istoki evropeiskoi literaturnoi traditsii* (pp. 319–328). Moscow: Shkola "Iazyki russkoi kul'tury". [In Russian].

Averintsev, S. S. (2002). Iazyk kak sovmestnoe obladanie epokh i pokolenii [Language as a Joint Possession of Epochs and Generations]. In *Iazyk Tserkvi: Materialy mezhdunarodnoi bogoslovskoi konferentsii (Moskva, sentiabr' 1998 g.)* (pp. 47–55). Moscow: SFI. [In Russian].

Averintsev, S. S. (2004). *Poetika rannevizantiiskoi literatury* [Poetics of Early Byzantine Literature]. Saint Petersburg: Azbuka-klassika. [In Russian].

Averintsev, S. S. (2005). Russkoe podvizhnichestvo i russkaia kul'tura [Russian Asceticism and Russian Culture]. In *Sviaz' vremen* (pp. 189–198). Kiev: Dukh i Litera. [In Russian].

Averintsev, S. S. (2006). K definitsii cheloveka [On the Definition of Man]. In *Chelovek. Istoriia. Vest'* (pp. 403–436). Kiev: Dukh i Litera. [In Russian].

Averintsev, S. S. (2006). Khristianskaia filosofiia kak problema dlia sebia samoi [Christian Philosophy as a Problem for Itself]. In *Chelovek. Istoriia. Vest'* (pp. 427–441). Kiev: Dukh i Litera. [In Russian].

Averintsev, S. S. (2023). *Slovo Bozhie i slovo chelovecheskoe: Rimskie rechi* [The Word of God and the Word of Man: Roman Speeches]. Moscow: Nikeia. [In Russian].

Balakshina, Iu. V. (2019). Germenevtika S. S. Averintseva: istoki, printsipy, svoeobrazie [Hermeneutics of S. S. Averintsev: Origins, Principles, Originality]. *Vestnik Sviato-Filaretovskogo instituta*, (32), 110–127. [In Russian].

Bibikhin, V. V. (2006). *Aleksei Fedorovich Losev. Sergei Sergeevich Averintsev* [Alexey Fedorovich Losev. Sergey Sergeyevich Averintsev]. Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy. [In Russian].

Darenskiy, V. Yu (2020). O. Shpengler o "dvoinom like Rossii": ot kul'tur-mifologii k istoriosofskim prozreniiam [Spengler on the "Double Face of Russia": from Cultural Mythology to Historiosophical Insights]. *Tetradi po konservatizmu*, (4), 167–190. [In Russian].

Kvitkov, G. G. (2013). Nekotorye metodologicheskie aspekty rabot S. S. Averintseva [Some Methodological Aspects of S. S. Averintsev's Works]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, (372), 110–113. [In Russian].

Markov, A. V. (2018). Ob odnoi predposylke iskusstvovedeniia S. S. Averintseva [On One Premise of S. S. Averintsev's Art Criticism]. *Vestnik RGGU. Seriia "Filosofiia. Sotsiologiia. Iskusstvovedenie"*, 13, 155–160. [In Russian].

Sedakova, O. A. (2020). *Sergei Sergeevich Averintsev: Vospominaniia. Razmyshleniia. Posviashcheniia* [Sergey Sergeyevich Averintsev: Memoirs. Reflections. Dedications]. Moscow: Sviato-Filaretovsky pravoslavno-khristiansky institut. [In Russian].

About the author:
Vitaliy Yurievich Darenskiy — Doctor of Philosophical Sciences, Head of the Department of Philosophy, K. G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (the First Cossack University), 73, Zemlianoi Val str., Moscow, Russia, 109004, e-mail: darenskiy1972@rambler.ru

Conflict of interest:
The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 05.11.2023; approved after reviewing 13.11.2023; accepted for publication 18.11.2023.

ОРТОДОКСИЯ. 2023. № 4. С. 174–191.
УДК 271.2
DOI: 10.53822/2712-9276-2023-4-174-191

А. Г. Зоитакис

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА,
МОСКВА, РОССИЯ

Феномен почитания святителя Луки Крымского в Греции

Аннотация. Вопреки всем историческим, культурным и религиозным бурям и нестроениям, время от времени омрачающим межгосударственные отношения, общая православная вера неизменно способствовала укреплению связей русского и греческого народа. В православии авторитетами для Церкви являются не только тексты священных книг, но и обоженные люди — святые. Почитание подвижников объединяет разные народы в единое духовное пространство. Жизнеописания русских святых вызывают большой интерес у греческих читателей. Помимо многочисленных переводных и компилятивных работ немало и оригинальных исследований. Некоторые русские подвижники известны в Греции даже больше, чем на Родине. Особый феномен представляет собой почитание архиепископа Симферопольского и Крымского Луки (Войно-Ясенецкого). Настоящая статья представляет собой попытку проследить истоки, масштаб и характер почитания святителя Луки в Греции. Впервые греки узнали об архиепископе Симферопольском и Крымском Луке ещё при его жизни, в 1957 году — тогда впервые о нём была прочитана одна лекция. Однако по-настоящему всенародную популярность имя святого Луки снискало благодаря трудам архимандрита (с 2013 года митрополита

Арголидского) Нектария (Антонопулоса). Впервые он услышал о святителе Луке летом 1996 года. Архимандрит купил в Крыму книгу протодиакона Василия Марущака «Святитель-хирург. Житие архиепископа Луки» и заказал её перевод на греческий язык. Потом он много путешествовал по тем местам, где некогда жил святитель. Много лет Антонопулос самостоятельно собирал архивные материалы и беседовал с людьми, знавшими Войно-Ясенецкого. В 1999 году отец Нектарий опубликовал написанную им книгу «Архиепископ Лука. Святой пастырь и врач хирург» на греческом языке, которая многократно переиздавалась (28-е издание вышло в 2020 году). В настоящей статье рассказывается об этой и других публикациях, посвящённых святителю Луке на греческом языке. В центре рассмотрения также научные конференции, посвящённые осмыслению наследия святителя. По состоянию на 2016 год в Греции освящено более 40 новопостроенных храмов Луки (Войно-Ясенецкого). В статье содержится рассказ о наиболее известных центрах почитания святителя в Греции, а также некоторых храмах, которые были построены и освящены за последние годы. Кроме того, приводятся данные о почитании святого Луки на Балканском полуострове и Кипре.

Ключевые слова: почитание святых, русско-греческие духовные связи, святитель Лука Крымский (Войно-Ясенецкий)

Для цитирования: Зоитакис А. Ю. Феномен почитания святителя Луки Крымского в Греции // Ортодоксия. — 2023. — № 4. — С. 174–191. DOI: 10.53822/2712-9276-2023-4-174-191

Россия и Греция географически расположены далеко друг от друга, что накладывало на их контакты объективные трудности. Однако отношения двух единославных народов скрепляла и скрепляет общая вера — православие и чувство церковного единства, которое выше границ и национальных разделений.

Связь между греческим и русским народом можно уподобить отношениям «учитель-ученик» и наоборот. Влияние никак не значило простого копирования, отсутствия собственного взгляда и инициативы. «Учитель» также часто учился у «ученика» и перенимал у него духовный опыт.

Русский и греческий духовные типы были отмечены своими особыми чертами, но существовали в рамках единого Предания, которое обеспечивало возможность творчества и развития на национальном уровне.

«Связи греческого мира с Россией, естественно, были двусторонними, как любые динамические отношения. На духовный вклад эллинизма русский мир ответил своими разнообразными приношениями, которые расширялись и развивались на протяжении веков… Помощь России порабощённому эллинизму принимала форму финансовой поддержки и политического заступничества… и в конце концов, особенно с девятнадцатого века, приобрела форму приношения богословской мысли» (Κιτρομιλήδης 1994: 152), — подчёркивает известный греческий учёный Пасхалис Китромилидис.

Конечно, в истории двух народов были периоды «политизации» церковных отношений и вмешательства светских интересов в духовные дела, когда церковный фактор, вместо того чтобы служить объединяющим началом, превращался в повод для антагонизма. Прекращение духовных связей и настаивание на своей «исключительности» неизбежно вызывало замкнутость и застой. Однако подвижники благочестия и церковные деятели, действовавшие в рамках Предания, неизменно ставили перед собой цель консолидации православных. Вслед за возобновлением контактов и возвращением на общий духовный путь следовало культурное и церковное возрождение.

***

Вопреки всем историческим, культурным и религиозным бурям и нестроениям, время от времени омрачающим межгосударственные отношения, общая православная вера неизменно способствовала укреплению связей русского и греческого народа.

В православии авторитетами для Церкви являются не только тексты священных книг, но и обоженные люди — святые (Παπαδόπουλος 1997: 300). Почитание подвижников объединяет разные народы в единое духовное пространство.

Греки знают и любят русских святых: Иоанна Кронштадтского, Оптинских старцев, Сергия Радонежского, Матрону Московскую, Серафима Вырицкого, Царственных мучеников, Иоанна Максимовича и многих других подвижников. Построено несколько монастырей в честь преподобного Серафима Саровского. В дни памяти Иоанна Русского к храму, где покоятся его мощи, греки отовсюду идут к нему крестными

ходами. Чтобы поклониться святому, некоторые проходят по несколько сотен километров.

Иконы прпп. Сергия Радонежского и Серафима Саровского можно увидеть в кельях греческих монахов, их опыт и жизнь являются для них ориентиром. В греческих монастырях (в том числе на Святой Горе Афон) часто можно услышать, как на трапезе читают труды свв. Игнатия Брянчанинова, Феофана Затворника, архимандрита Софрония (Сахарова). Наставления этих и других русских святых выдержали уже не одно переиздание.

Очень почитаем в Греции преподобный Силуан Афонский. Когда празднуются дни его памяти, во всех афонских монастырях неизменно проходят многочасовые торжественные ночные богослужения. В здании Священного кинота Афона на видном месте висит торжественный акт о канонизации святого Силуана. Примечательно, что это единственный подобный документ, который монахи-афониты посчитали необходимым вывесить на всеобщее обозрение.

Жизнеописания русских подвижников благочестия вызывают большой интерес у греческих читателей. Помимо многочисленных переводных и компилятивных работ немало и оригинальных исследований.

В центре внимания греческих историков личность и наследие Максима Грека. Ему посвящены, во-первых, монографии: Παπαμιχαήλ Γ. Μάξιμος ο Γραικός, ο πρώτος φωτιστής των Ρώσων. Αθήνα, 1951; Φειδάς Β. Μαξιμος ο Γραικός. Αθήνα, 1966; Φειδάς Β. Μάξιμος ο Γραικός ο φωτιστής των Ρώσων. Αθήνα, 1988). Во-вторых, диссертации: Λασκαρίδης Χ. Μάξιμος ο Γραικός και οι εκκλησιαστικές επιδιώξεις της Μόσχας (διδακτορική διατριβή). Θεσσαλονίκη, 1991, а также статьи и сборники, например: Άγιος Μάξιμος ο Γραικός, ο Φωτιστής των Ρώσων. Επιμέλεια Ι. Μ. Οσίου Γρηγορίου. Αθήνα, 1991. Регулярно проводятся конференции, посвящённые осмыслению наследия этого подвижника (их материалы, как правило, публикуются — «Μάξιμος ο Γραικός». Διεθνές επιστημονικό συμπόσιο Άρτα, 28–30 Οκτωβρίου 1988. Άρτα, 2017).

Некоторые святые, никак не связанные с Грецией, также породили пласт оригинальной литературы. К их числу, безусловно, относится почитаемый на Балканах Серафим Саровский, его наследие осмысляется не только историками (Λέκκος Ε. Άγιος Σεραφείμ του Σαρώφ ο «πατερούλης» των ορθόδοξων Ρώσων. Αθήνα, 2009), но и богословами (Μητροπολίτης Ναυπάκτου Ιερόθεος. Ο άγιος Παΐσιος ο Αγιορείτης ως εμπειρικός θεολόγος. Αθήνα, 2016).

Особенное внимание греки уделяют подвижникам 20-го столетия: Матроне Московской, Царственным страстотерпцам (Τσοπάνης Κ. Νικόλαος

Β΄ Ρομανώφ. Η αυτοκρατορική Ρωσία και το τέλος της δυναστείας. Αθήνα, 2010; Τσοπάνης Κ. Οι άγιοι Ρομανώφ. Νεομάρτυρες επί κομμουνισμού. Αθήνα, 2019) и другим новомученикам и исповедникам Российским.

Обобщающих работ по агиологии, связанных с Русской Церковью, немного. Отметим исследование Ирини Касапи «Причисление к лику святых в русской церкви» (Κασάπη Ε. Οι ἀνακηρύξεις αγίων στη Ρωσική Εκκλησία. Αθήνα, 2009) и труд профессора Антониоса Марку «Русский агиологий» (Μάρκου Α. Το ρωσικό αγιολόγιο. Κορωπί, 2005).

***

Некоторые русские подвижники известны в Греции даже больше, чем на Родине. Особый феномен представляет собой почитание архиепископа Симферопольского и Крымского Луки (Войно-Ясенецкого). «Православный народ Греции так полюбил русского святителя Луку, как у нас в России любят и почитают нерусского святителя Николая, Мирликийского чудотворца»[1]. Один из греческих священников сравнивает масштаб торжеств в честь святого с празднованием Пасхи: «Почитание святителя Луки в Греции теперь таково, что если бы в день его памяти 11 июня пролететь над страной на вертолёте, то можно увидеть большое оживление на улицах, много людей у храмов, везде звонят колокола, и праздник этот подобен Пасхе. Люди празднуют день святителя Луки в большом великолепии… Врачи Греции, а особенно — военные медики считают святителя Луку своим святым покровителем. Для них он образец, заступник, помощник»[2].

Масштаб почитания русского святого в далёкой Греции произвёл большое впечатление на заслуженного врача России, полковника медицинской службы филиала № 3 ФБУ «Главный военный клинический госпиталь имени академика Н. Н. Бурденко МО РФ» Сергея Шестопалова: «В Греции мы своими глазами увидели, насколько там почитают и как искренне, по-детски любят святителя Луку, как щедро он являет греческому народу свою помощь, как общество и Церковь воспринимают духовный подвиг русского святого. Иконы святителя Луки мы встречали повсюду — в храмах, домах, магазинах, автомобилях и даже в государственных учреждениях»[3].

[1] Ахундова Ирина. Как святитель Лука стал греческим святым // Правмир. — 2012. — 15 июня. — URL: https://www.pravmir.ru/kak-svyatitel-luka-stal-grecheskim-svyatym/ (дата обращения: 12.12.2023).

[2] В Греции особо почитают святителя Луку (Крымского) // Живой Журнал «Макарушка». — 2015. — 12 июня.— URL: https://makaryshka.livejournal.com/242754.html (дата обращения: 12.12.2023).

[3] Ахундова Ирина. «Скальпель в Божьих руках». Врачи — о помощи святителя Луки Крымского в своей работе // Православие.ру. — 2017. — 9 июня. — URL: https://pravoslavie.ru/104183.html (дата обращения: 12.12.2023).

Впервые греки узнали об архиепископе Симферопольском и Крымском Луке ещё при его жизни, в 1957 году — тогда впервые о нём была прочитана одна лекция[4]. Однако по-настоящему всенародную популярность имя святого Луки в Греции снискало благодаря трудам архимандрита (с 2013 года митрополита Арголидского) Нектария (Антонопулоса). Этот богослов и писатель много лет проявлял интерес к русским подвижникам. Широкую популярность получили его книги, посвящённые Серафиму (Вырицкому) (Νεκτάριος Αντωνόπουλος, Μητροπολίτης Αργολίδος. Ο στάρετς Σεραφείμ της Βύριτσα 1866–1949. Αθήνα, 2003), святым Мурома (Οι άγιοι του Μούρομ. Ναύπλιο, 2019) и Карелии (Οι Άγιοι της Καρελίας. Οδηγός γνωριμίας με τη γη της Καρελίας, τα μοναστήρια και τους Αγίους της. Ναύπλιο, 2019), новомученикам и исповедникам Российским (Ρώσοι νεομάρτυρες και ομολογητές 1917–1922. Αθήνα, 2000).

Популяризации святителя Луки Крымского (Войно-Ясенецкого) в Греции способствовали именно авторские книги Антонопулоса, написанные по материалам поездок в места, где прошла жизнь святителя Луки (Αρχιεπίσκοπος Λουκάς. Ένας Άγιος ποιμένας και γιατρός χειρουργός. Ναύπλιο, 2020 (первое издание — 1999). Впервые архимандрит Нектарий услышал о святителе Луке летом 1996 года[5]. «Он купил в Крыму книгу протодиакона Василия Марущака “Святитель-хирург. Житие архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого)” и заказал её перевод на греческий язык. Потом он много путешествовал по тем местам, где некогда жил святитель»[6].

«Не зная русского языка, он смог найти людей, которые имели отношение к святителю, записать их воспоминания, перевести их... Очень важно, что он зафиксировал живые свидетельства о святителе Луке по горячим следам, пока обстоятельства не забыты и эти люди живы. Это большая ценность»[7].

---

[4] В Греции особо почитают святителя Луку (Крымского) // Живой Журнал «Макарушка». — 2015. — 12 июня.— URL: https://makaryshka.livejournal.com/242754.html (дата обращения: 12.12.2023).

[5] «Святитель Лука: через чудеса и после смерти — на службе медицины». Доклад игумена греческого монастыря Преображения Господня Сагмата Архимандрита Нектария (Антонопулоса) на Третьей научно-практической конференции «Духовное и врачебное наследие Святителя Луки — профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого» (г. Железнодорожный, пос. Купавна 19 мая 2011 г.) // Отдел по благотворительности, социальному служению и взаимодействию с медицинскими учреждениями. Ярославская митрополия. Московский Патриархат. — URL: http://www.medotdel76.ru/luka1/vospominaniya/pamyat_nektariy (дата обращения: 12.12.2023).

[6] Ахундова Ирина. «Выросшие пальцы Назара и другие чудеса святого Луки». К 140-летию со дня рождения крымского святителя // Православие.ру. — 2017. — 27 апреля. — URL: http://www.pravoslavie.ru/103015.html (дата обращения: 12.12.2023).

[7] Филимонов Сергий, прот. «Это нечто феноменальное, с чем я не сталкивался в житиях других святых» // Православное Заволжье. Официальный сайт Заволжской ерархии. — URL: https://www.pravpokrov.ru/Articles/index/51906 (дата обращения: 12.12.2023).

«В Сибири больше всего греку запомнились Туруханск, Енисейск и Красноярск. Иногда спать приходилось в школах и других помещениях, ничего общего не имеющих с уютными гостиницами. В Красноярске отец Нектарий посетил школу № 10, в здании которой в годы Великой Отечественной войны был эвакогоспиталь № 1515»[8].

По словам отца Нектария, «когда для него перевели книгу об этом святом, он был так поражён, что изменилась вся его жизнь — он без остатка посвятил её распространению знаний о владыке...»[9]. «В моей груди загорелось пламя. Я не мог успокоиться, пока не узнал всё, что можно, о святителе Луке», — признаётся митрополит Нектарий[10].

Много лет Антонопулос самостоятельно собирал архивные материалы и беседовал с людьми, знавшими Войно-Ясенецкого. По результатам этой работы в 1999 году отец Нектарий опубликовал написанную им книгу «Архиепископ Лука. Святой пастырь и врач хирург» на греческом языке, которая многократно переиздавалась (28-е издание вышло в 2020 году). Отчёт о путешествиях Антонопулоса в поисках свидетельств о святителе опубликован в трёх томах (Συνοδοιπορία με τον Άγιο Λουκά. Στους τόπους που έζησε, με τους ανθρώπους που τον γνώρισαν: Ρωσικός Βορράς, Μόσχα, Ταμπώφ, Οδησσός. Αθήνα, 2013; Συνοδοιπορία με τον Άγιο Λουκά. Στους τόπους που έζησε, με τους ανθρώπους που τον γνώρισαν: Ουκρανία, Ρωσία, Ουζμπεκιστάν, Τατζικιστάν, Σιβηρία. Αθήνα, 2013; Συνοδοιπορία με τον Άγιο Λουκά. Στους τόπους που έζησε, με τους ανθρώπους που τον γνώρισαν: Κριμαία. Αθήνα, 2013). В отдельном издании владыка также издал собранные им свидетельства о чудесах святителя Луки, снискавшие у читателей огромную популярность («Ταχύς εις βοήθειαν...». Τα θαύματα του αγίου Λουκά σήμερα. Αθήνα, 2011). Митрополит Нектарий также известен как организатор конференций и автор нескольких фильмов о святителе Луке. Его книги переведены на румынский, английский, французский, албанский и русский (Безмездный целитель святитель Лука (Войно-Ясенецкий): Житие. Чудеса. Письма / пер. Н. Г. Николау. Сергиев Посад, 2011) языки.

---

[8] Ахундова Ирина. «Выросшие пальцы Назара и другие чудеса святого Луки». К 140-летию со дня рождения крымского святителя // Православие.ру. — 2017. — 27 апреля. — URL: http://www.pravoslavie.ru/103015.html (дата обращения: 12.12.2023).

[9] Бизункова Татьяна. О почитании святителя Луки в современном мире // Витебск. Никола-Георгиевский храм. — 2014. — 11 июня. — URL: https://vithram.by/o-pochitanii-sv-luki-v-sovremennom-mire/ (дата обращения: 12.12.2023).

[10] В Греции особо почитают святителя Луку (Крымского) // Живой Журнал «Макарушка». — 2015. — 12 июня. — URL: https://makaryshka.livejournal.com/242754.html (дата обращения: 12.12.2023).

Под редакцией митрополита Нектария опубликованы автобиография святителя «Я полюбил страдание» (Λουκᾶς (Βόϊνο-Γιασενέτσκι), ἀρχιεπ. Ἠγάπησα τό μαρτύριο: Αὐτοβιογραφία. Ἀθήνα, 2013), книга протопресвитера Георгия Шевченко «Приветствует вас святитель Лука, врач возлюбленный» (Σεβιτσένκο Γ., πρωτοπρεσβ. Ἀσπάζεται ὑμᾶς Λουκᾶς ὁ γιατρὸς ὁ ἀγαπητός. Ἀθήνα, 2011), а также альбом детских рисунков о святителе Луке. На греческий язык переведены проповеди и слова святителя (Λουκᾶς (Βόϊνο-Γιασενέτσκι), ἀρχιεπ. Λογόι κα ὁμιλίες / Μετάφραση: Ἀ. Ντανίλιν. Θεσ., 2003-2004. 3 τ.), «Очерки гнойной хирургии» (Δοκίμια για τη χειρουργική των πυογόνων λοιμώξεων / Μετάφραση: Β. Ζούρου, Α. Γρηγοριάδου, Α. Τσέλλιου. Αθήνα, 2011), а также опубликованы популярные книги, посвящённые священноисповеднику («Приветствует вас Лука, врач возлюбленный» и другие).

Автор «Православной Энциклопедии» О. В. Лосева в статье, посвящённой святителю Луке (том 41, опубликован в 2016 году), сообщает, что в Греции освящено более 40 новопостроенных храмов Луки (Войно-Ясенецкого). Остановимся на наиболее известных центрах почитания святителя в Греции, а также некоторых храмах, которые были построены и освящены после 2016 года[11].

В монастыре Преображения Господня Сагмата (игуменом которого много лет был отец Нектарий Антонопулос) расположен «дом святителя Луки в Греции» — часовня, а также музей (построены в 2004 году). Здесь хранятся митра и другие предметы его облачения, его личные хирургические инструменты, документы, фотографии, его рисунки и написанные им книги.

В монастыре многочисленные паломники заказывают молебен, просят о помощи святителя Луку, прикладываются к частице его святых мощей и чудотворной иконе, получают освящённое на мощах святителя масло. Архимандрит Нектарий уже много лет записывает рассказы паломников о явлениях святого врача, о его благодатной помощи множеству людей, где бы они ни жили — в Греции, России в целом или в Крыму в частности. Все оригинальные справки об исцелениях, документы, фотографии люди передают в музей святителя Луки. «Чудотворная икона святого увешана дарами от благодарных верующих, получивших помощь

[11] Лука (Войно-Ясенецкий Валентин Феликсович) // Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия». — 2020. — 26 августа. — URL: https://www.pravenc.ru/text/2110802.html (дата обращения: 12.12.2023).

архиепископа-хирурга. Этот образ написан греческими иконописцами. На нём святой врач изображён с хирургическими инструментами в руках»[12].

На военного врача Сергея Шестопалова особое впечатление произвели святыни в северной части Греции: «Великолепные храмы в честь святителя Луки мы видели и в Салониках на территории госпиталя, и в Верии. В Верии храм поражает своими огромными размерами, архитектурой и внутренним убранством. Ничего подобного нет ни в России, ни в мире»[13].

В 2005 году частицы мощей святого Луки были подарены митрополитом Крымским Лазарем монастырю Довра (Кали-Панагия) в Веррийской, Наусской и Камбанийской митрополии, и вскоре после этого в обители началось сооружение большого храма во имя этого святого. Веррийский митрополит Пантелеимон возложил обязанность записывать чудеса, происшедшие от мощей Луки в его епархии, на архимандрита Дионисия (Анфопулоса). Его книга выдержала 10 изданий (Διονύσιος (᾽Ανθόπουλος), ἀρχιμ. Διηγοῦ ὅσα ἐποίησέ σοι ὁ ῞Αγιος... : Βίος κα θαύματα τοῦ ῾Αγίου Λουκᾶ, ᾽Αρχιεπισκόπου Συμφερουπόλεως τοῦ ἰατροῦ / ῾Ιερὰ Μονὴ Παναγίας Δοβρᾶ. [Βέροια], 2015)[14].

29 апреля 2017 года был торжественно открыт храм святителя Луки в селе Лефкакия близ Навплио. Возглавил торжества Архиепископ Афинский и всея Эллады Иероним. Богослужения проходили при большом стечении верующих в присутствии сонма архиереев и священников Греции. В числе приглашённых также был епископ из Танзании, который особо почитает у себя на родине святителя Луку. Симферопольскую и Крымскую епархию представлял по благословению Митрополита Симферопольского и Крымского Лазаря протодиакон Василий Марущак (автор книги «Святитель-хирург. Житие архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого)»), который принял участие в чине освящения храма. По окончании богослужения в нижнем храме, где расположен музей,

[12] Ахундова Ирина. «Выросшие пальцы Назара и другие чудеса святого Луки». К 140-летию со дня рождения крымского святителя // Православие.ру. — 2017. — 27 апреля. — URL: http://www.pravoslavie.ru/103015.html (дата обращения: 12.12.2023).

[13] Ахундова Ирина. «Скальпель в Божьих руках». Врачи — о помощи святителя Луки Крымского в своей работе // Православие.ру. — 2017. — 9 июня. — URL: https://pravoslavie.ru/104183.html (дата обращения: 12.12.2023).

[14] Лука (Войно-Ясенецкий Валентин Феликсович) // Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия». — 2020. — 26 августа. — URL:https://www.pravenc.ru/text/2110802.html (дата обращения: 12.12.2023).

в честь святого покровителя нововозведённого храма, состоялась конференция, посвящённая святителю Луке Крымскому[15].

При храме в Наплио функционирует музей. В самом храме верующие могут поклониться мощам Луки (Войно-Ясенецкого). В Навплио хранятся личные вещи и фотографии святителя. В экспозиции музея в том числе представлены Священные сосуды (на которых святой Лука совершал богослужение, когда был в ссылке), его врачебные инструменты и картины[16].

8 октября 2022 года был освящён храм Луки Крымского на острове Калимнос[17], 21 октября 2022 года торжественно открыт храм в селении Дросия Фиванской митрополии[18]. 5 мая 2023 года митрополитом Керкирским Нектарием был торжественно открыт больничный храм в честь великомученицы Ирины и святителя Луки (Войно-Ясенецкого)[19].

По просьбам верующих мощи святителя Луки доставляются для поклонения в отдалённые епархии. Святыня неизменно привлекает множество паломников. Например, в Патрах только за первые несколько дней пребывания мощей в городе поклониться им пришли от пяти до семи тысяч человек, люди самых разных возрастов, среди которых было немало молодых[20].

---

[15] Тихомирова Людмила. «Новый храм в честь святителя Луки был освящён в Греции» // Официальный сайт Крымской митрополии Русской Православной Церкви. — 2017. — 12 мая. — URL: https://crimea-eparhia.ru/59-events/10347-novyj-khram-v-chest-svyatitelya-luki-byl-osvyashchen-v-gretsii (дата обращения: 12.12.2023).

[16] Το Ναύπλιο τιμά τη μνήμη του Αγίου Λουκά του Ιατρού // OrthodoxTimes.gr. — 2023. — 11 июня. — URL: https://www.orthodoxtimes.gr/to-nafplio-tima-ti-mnimi-tou-agiou-louka-tou-iatrou/ (дата обращения: 12.12.2023).

[17] Εγκαινιάσθηκε ο ναός του Αγίου Λουκά του Ιατρού στη Κάλυμνο // Ορθοδοξία. Διεθνές πρακτορείο εκκλησιαστικών ειδήσεων. — 2022. — 11 октября. — URL: https://www.orthodoxianewsagency.gr/mitropolitiko_ergo/%ce%b9-%ce%bc-%ce%bb%ce%ad%cf%81%ce%bf%cf%85-%ce%ba%ce%b1%ce%bb%cf%8d%ce%bc%ce%bd%ce%bf%cf%85-%ce%ba%ce%b1%ce%b9-%ce%b1%cf%83%cf%84%cf%85%cf%80%ce%b1%ce%bb%ce%b1%ce%af%ce%b1%cf%82/egkainiasthike-o-naos-tou-agiou-louka-tou-iatrou-sti-kalymno-foto-vinteo/ (дата обращения: 12.12.2023).

[18] Εγκαίνια ναού του Αγίου Λουκά του Ιατρού από τον Μητροπολίτη Θηβών // Ορθοδοξία. Διεθνές πρακτορείο εκκλησιαστικών ειδήσεων. — 2022. — 23 октября. — URL:https://www.orthodoxianewsagency.gr/mitropolitiko_ergo/%CE%B9-%CE%BC-%CE%B8%CE%B7%CE%B2%CF%8E%CE%BD-%CE%BA%CE%B1%CE%B9-%CE%BB%CE%B5%CE%B2%CE%B1%CE%B4%CE%B5%CE%AF%CE%B1%CF%82/egkainia-ierou-naou-tou-agiou-louka-tou-iatrou-apo-ton-mitropoliti-thivon/ (дата обращения: 12.12.2023).

[19] Κέρκυρα: Εγκαινιάζεται η εκκλησία του Νοσοκομείου // Κέρκυρα Σήμερα (Corfu News). — 2023. — 5 мая. — https://www.kerkyrasimera.gr/κέρκυρα-εγκαινιάζεται-η-εκκλησία-του/(дата обращения: 12.12.2023).

[20] Тысячи греков пришли поклониться мощам Луки Крымского в Патрах // Рамблер. — 2016. — 3 апреля. — URL: https://weekend.rambler.ru/items/33234025/?utm_content=weekend_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 12.12.2023).

В настоящее время во многих греческих храмах и монастырях еженедельно совершаются молебны святителю Луке. Дни его памяти неизменно празднуются с особой торжественностью. Русский святой поистине один из самых почитаемых в Греции подвижников. Ему посвящено множество лекций, конференций, вечеров памяти, радио- и телепередач, публикаций в прессе и научной периодике. О научной конференции в Афинах 11–12 ноября 2011 года рассказывает врач Сергей Шестопалов: «Нас поразил масштаб мероприятий, посвящённых ему. Конференции прошли не только в Афинах, но и в таких городах, как Верия, Фивы, Салоники… Всё увиденное показало, что представители государственной и церковной власти считали эту конференцию мероприятием государственной важности, способствующим преодолению возникших в стране трудностей… Наше восхищение вызвали и количество участников, и их состав. Например, вечернее заседание конференции проходило в Салониках в госпитале, на территории которого действует великолепный храм в честь святителя Луки. Окончилась конференция в десять часов вечера. Зал был набит битком — заняты были дополнительные стулья и ступеньки лестниц в зале. Это было впечатляюще! … Греческий народ с огромным интересом слушал выступления о святителе Луке… В Афинах в одном лишь Музее вооружённых сил Греции в течение двух дней в конференции участвовало около полутора тысяч человек. Это были представители власти и администрации, верующие и духовенство во главе с Предстоятелем Греческой Православной Церкви. Тут были архиереи, монашествующие, священники, учёные, преподаватели и, конечно, врачи разных специальностей, которые рассказали об актуальности вклада святителя Луки в каждую специальность и о своих достижениях. Всем запомнилось и участие в конференции родственников святителя Луки. Благодаря прямой радиотрансляции выступления докладчиков смогли слышать и тысячи греков, которые не поместились в двух больших залах музея»[21].

Известными греческими песнотворцами написано несколько молебных канонов Луке (Войно-Ясенецкому).

Память Луки внесена в «Новый Синаксарист» под 29 мая (Μακάριος Σιμωνοπετρίτης, ἱερομόν. Νέος Συναξαριστὴς τῆς Ὀρθοδόξου Ἐκκλησίας. Ἀθῆναι,

[21] Ахундова Ирина. Как святитель Лука стал греческим святым // Правмир. — 2012. — 15 июня. — URL: https://www.pravmir.ru/kak-svyatitel-luka-stal-grecheskim-svyatym/ (дата обращения: 12.12.2023).

2007. Т. 9: Μάϊος. Σ. 329), т. е. по старому стилю, так как он был составлен в афонском монастыре Симонопетра. В «Синаксаристе» Фанарийского епископа Агафангела память Луки упоминается дважды: 29 мая и 11 июня (приводится с житием) (᾽Αγαθάγγελος (Χαραμαντίδης), ἐπ. Συναξαριστὴς τῆς ᾽Ορθοδόξου ᾽Εκκλησίας. ᾽Αθῆναι, 2006. Т. 5: Μάϊος. Σ. 458; 2009. Т. 6: ᾽Ιούνιος. Σ. 210-214). В Веррийской, Наусской и Камбанийской митрополиях память Луки совершается 11 июня, а 29 мая празднуется перенесение его мощей в монастырь Довра (᾽Εγκόλπιον ῾Ημερολόγιον 2016 / ῾Ιερὰ Μητρόπολις Βέροιας, Ναούσης κα Καμπανίας. [Βέροια], 2015. [Σ. 42, 44])[22].

Серебряная рака в кафедральном соборе Симферополя, где почивают мощи святителя, — дар христиан Греции, изготовленный и доставленный в Крым в 2001 году к торжествам по случаю 40-летия со дня блаженной кончины святителя Луки.

Относительно причин всенародного почитания Луки (Войно-Ясенецкого) в Греции высказываются разные предположения. На греческий язык переводится много житий новомучеников и исповедников Российских, но именно святой Лука занимает среди них особое место. «Святитель Лука больше всех возлюблен греками. Его житие — это что-то особенное, ничего подобного не существует в других житиях. Он прекрасный глава семьи, замечательный учёный, хороший хирург, замечательный священник, претерпел такие гонения. Нас поражает его жизнеописание. Даже самый закоренелый атеист не может остаться к нему равнодушным», — полагает представитель Элладской Православной Церкви архиепископ Иероним[23].

По словам кандидата богословия, профессора СПбГПМУ и Первого СПбГМУ им. акад. И. П. Павлова, доктора медицинских наук протоиерея Сергия Филимонова: «Он так часто помогает грекам, что многие из них считают его своим святым. Это закономерно, ведь святитель родился в Керчи, и его молодость прошла в областях, которые были старыми греческими колониями. И в Крыму, где окончилась его земная жизнь, до сих пор много греков живёт в греческих поселениях. Поэтому неудивительна такая тонкая связь его с Грецией, где

[22] Лука (Войно-Ясенецкий Валентин Феликсович) // Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия». — 2020. — 26 августа. — URL: https://www.pravenc.ru/text/2110802.html (дата обращения: 12.12.2023).

[23] В Греции особо почитают святителя Луку (Крымского) // Живой Журнал «Макарушка». — 2015. — 12 июня. — URL: https://makaryshka.livejournal.com/242754.html (дата обращения: 12.12.2023).

в каждом храме есть его икона и много храмов построено в его честь. Общество военных хирургов Греции носит имя святителя Луки как своего покровителя»[24].

В Греции засвидетельствовано «обилие поражающих чудес», совершённых по молитвам святому. Вспоминает митрополит Нектарий (Антонопулос): «Люди рассказывали, как святитель Лука являлся им то в епископском облачении, то во врачебном халате, он помогал исцелиться от болезней, присутствовал в больницах и операционных и даже, как утверждали некоторые, приходил к тяжелобольным и сам их оперировал (после глубокого сна они обнаруживали на теле следы крови, а болезнь уходила). Много раз он являлся тем, кто не отличались глубиной веры. Весть о таких чудесах расходилась среди людей, как молния»[25].

Греческий народ не единственный, почитающий великого Крымского святителя. Множество чудес по молитвам святому засвидетельствовано в России.

С «необыкновенным почитанием» святителя Луки на Кипре столкнулся о. Сергий Филимонов: «В Лимассоле познакомился с чудесной семьёй, хранящей дома частичку его сердца — святые мощи. В храме отца Параскеваса еженедельно читается параклис святителю, который привлекает множество народа. Его дочь Панайота написала стихи к песне и книги про святителя»[26].

В 2016 году было засвидетельствовано два чуда во время принесения мощей Луки (Войно-Ясенецкого) в храм Святой Варвары в Тамасосе из монастыря Преподобного Паисия Величковского в Крыму. Оба события были официально зафиксированы и подтверждены Тамасосской епархией:

«В первом случае речь шла о маленькой девочке, больной лейкемией. Её отец после многих неудачных попыток найти совместимого донора для трансплантации прибыл в святой храм, чтобы присутствовать

[24] Филимонов Сергий, прот. «Это нечто феноменальное, с чем я не сталкивался в житиях других святых» // Православное Заволжье. Официальный сайт Заволжской ерархии. — URL: https://www.pravpokrov.ru/Articles/index/51906 (дата обращения: 12.12.2023).

[25] В Греции особо почитают святителя Луку (Крымского) // Живой Журнал «Макарушка». — 2015. — 12 июня. — URL: https://makaryshka.livejournal.com/242754.html (дата обращения: 12.12.2023).

[26] Филимонов Сергий, прот. «Это нечто феноменальное, с чем я не сталкивался в житиях других святых» // Православное Заволжье. Официальный сайт Заволжской ерархии. — URL: https://www.pravpokrov.ru/Articles/index/51906 (дата обращения: 12.12.2023).

на Божественной литургии и помолиться. На следующий день ему сообщили, что найден совместимый донор.

Второе чудо касается женщины, которая увидела святого Луку во сне за несколько дней до прибытия его святых мощей на Кипр. Он рассказал ей, что у неё есть проблема со здоровьем, о которой она не знала, и что он ей поможет.

Как рассказал настоятель храма Святой Варвары архимандрит Нектарий Балкопулос, “девушка обратилась к врачу, у неё диагностировали серьёзную проблему со здоровьем. Когда прибыли мощи, она узнала об этом, пришла и поклонилась. В последующие дни она подтвердила нам, что её проблема со здоровьем решена”»[27].

На Кипре несколько храмов Луки (Войно-Ясенецкого). 10 июня 2022 года митрополитом Лимасольским Афанасием торжественно открыт храм в Левкофеа (Лимасольский район)[28]. Придел святителя Луки есть в храме Всех Святых в Македонитиссе, также построена церковь в Ембе (Пафос). 25 сентября 2023 года епископом Амафунтским Николаем был заложен камень в основание будущего храма Луки Крымского в селении Като Милос[29].

На Балканском полуострове святителя Луку также особенно почитают в Болгарии и Сербии.

В Сербии с 2009 года домовая церковь святителя Луки действует при лучшем медицинском учреждении страны — Военно-медицинской академии в Белграде. Идея об устроении «возникла в тот момент, когда там лечился покойный Патриарх Павел, а освящение совершил почивший митрополит Амфилохий (Радович)»[30]. «Регулярные богослужения

---

[27] Άγιος Λουκάς ο Ιατρός: Εγιναν 2 θαύματα στην Κύπρο κατά την παραμονή των ιερών λειψάνων του // ΑΝΤΚύπρος. — 2016. — 25 августа. — URL: https://www.ant1live.com/arheio/247999_agios-loykas-o-iatros-eginan-2-thaymata-stin-kypro-kata-tin-paramoni-ton-ieron (дата обращения: 12.12.2023).

[28] Λεμεσός: Θυρανοίξια Ιερού Ναού Αγίου Λουκά του Ιατρού στη Λευκοθέα // Ορθοδοξία. Διεθνές πρακτορείο εκκλησιαστικών ειδήσεων. — 2022. — 10 июня. — URL: https://www.orthodoxianewsagency.gr/aytokefales_ekklisies/ekklisia_kiprou/%ce%b9-%ce%bc-%ce%bb%ce%b5%ce%bc%ce%b5%cf%83%ce%bf%cf%8d/lemesos-thyranoiksia-ierou-naou-agiou-louka-tou-iatrou-sti-leykothea/ (дата обращения: 12.12.2023).

[29] Κατάθεση θεμέλιου λίθου παρεκκλησίου Αγίου Λουκά του Ιατρού // Ορθοδοξία. Διεθνές πρακτορείο εκκλησιαστικών ειδήσεων. — 2023. — 25 сентября. — URL: https://www.orthodoxianewsagency.gr/aytokefales_ekklisies/ekklisia_kiprou/%ce%b9-%ce%bc-%ce%bb%ce%b5%ce%bc%ce%b5%cf%83%ce%bf%cf%8d/katathesi-themeliou-lithou-parekklisiou-agiou-louka-tou-iatrou/ (дата обращения: 12.12.2023).

[30] Свт. Лука Крымский — покровитель Военно-медицинской академии в Белграде. // Телеграм-канал о. Игнатия (Шестакова). — 2022. — 11 июня. — URL: https://t.me/ignatrs/1442 (дата обращения: 12.12.2023).

в храме свт. Луки совершаются с апреля 2009 года, здесь находится и частица мощей святителя Луки, как дар и благословение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла»[31].

В болгарском городе Добрич с 2019 года ведётся строительство храма святого Луки Крымского. Церковь строится на муниципальной земле на пожертвования прихожан на площади 258 квадратных метров[32]. Камень в основание будущего храма был торжественно заложен митрополитом Варненским Иоанном[33].

В 2016 году по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла согласно просьбе Святейшего Патриарха Болгарского Неофита в дар Болгарской Православной Церкви была передана частица мощей святителя Луки (Войно-Ясенецкого)[34].

11 и 12 февраля 2017 года в болгарском городе Пловдив состоялись торжества, посвящённые памяти святителя Луки Крымского. 11 февраля в помещении Драматического городского театра состоялась конференция, посвящённая святителю. «Во время конференции прозвучали тематические доклады и были представлены болгарские издания, посвящённые описанию жизни и деятельности святителя. Гостям также был представлен фильм “Святитель хирург”, снятый при содействии Пловдивской митрополии режиссёром Ангелом Бончевым»[35].

Храмы святого Луки есть в Польше, Германии, США и других странах. Поистине весь православный мир с благоговением относится к подвигу и выдающемуся наследию нашего великого соотечественника.

---

[31] День святителя Луки Крымского отпразднован в Белграде // Православие.ру. — 2016. — 13 июня. — URL: https://pravoslavie.ru/94238.html (дата обращения: 12.12.2023).

[32] В Добриче построят ещё один православный храм // Bourgas.ru. — 2018. — 27 декабря. — URL: https://bourgas.ru/v-dobriche-postroyat-esche-odin-pravoslavnyy-hram/ (дата обращения: 12.12.2023).

[33] Θεμέλιος λίθος για την ανέγερση Ναού του Αγ. Λουκά του Ιατρού // Ορθοδοξία. Διεθνές πρακτορείο εκκλησιαστικών ειδήσεων. — 2019. — 16 апреля. — URL: https://www.orthodoxianewsagency.gr/patriarxeia/patriarxio_boulgarias/themelios-lithos-gia-tin-anegersi-naou-tou-ag-louka-tou-iatrou/ (дата обращения: 12.12.2023).

[34] Болгарской Церкви передана частица мощей святителя Луки // Православие.ру. — 2016. — 25 октября. — URL: https://pravoslavie.ru/98087.html (дата обращения 12.12.2023).

[35] Многочисленные верующие и последний царь Болгарии почтили память святителя Луки Крымского // СПЖ. — 2017. — 13 февраля. — URL: https://spzh.news/ru/news/39271-mnogochislennye-veruyushchie-i-posledniy-tsar-bolgarii-pochtili-pamyat-svyatitelya-luki-krymskogo-fo (дата обращения: 12.12.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Κιτρομηλίδης Π. Από την Ορθόδοξη Κοινοπολιτεία στις Εθνικές Κοινότητες: το πολιτικό περιεχόμενο των Ελληνορωσικών πνευματικών σχέσεων κατά την Τουρκοκρατία // Χίλια χρόνια Ελληνισμού — Ρωσίας, Διεθνές Εμπορικόν Επιμελητήριον — Εθνική Ελληνική Επιτροπή. Εκδ. : Γνώση, 1994.

Παπαδοπούλος Σ. Πατρολογία. τ. Α. Αθήνα, 1977.

Сведения об авторе:
Зоитакис Афанасий Георгиевич — кандидат исторических наук, доцент МГУ им. М. В. Ломоносова, 119192, Россия, Москва, Ломоносовский проспект, 27 к. 4, e-mail: zoaf@yandex.ru

Конфликт интересов:
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 07.11.2023; одобрена после рецензирования 13.11.2023; принята к публикации 18.11.2023.

A. G. Zoitakis

LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY,
MOSCOW, RUSSIA

The phenomenon of veneration of St. Luke of Crimea in Greece

Abstract. Despite historical, cultural, and religious storms and instabilities that intermittently cloud interstate relations, the shared Orthodox faith has consistently fostered the strengthening of ties between the Russian and Greek peoples. Within Orthodoxy, authorities for the Church are not only the texts of sacred books but also revered individuals—saints. The veneration of ascetics unites different nations in a single spiritual realm. Biographies of Russian saints garner significant interest among Greek readers. Apart from numerous translated and compiled works, there exist many original research pieces. Some Russian ascetics are even more renowned in Greece than in their homeland. A particular phenomenon is the veneration of Archbishop Luke of Simferopol and Crimea (Valentin Voyno-Yasenetsky). This article attempts to trace the origins, scale and nature of the veneration of St. Luke in Greece. Greeks first learned about Archbishop Luke of Simferopol and Crimea during his lifetime, in 1957, when a lecture about him was delivered for the first time. However, the true nationwide popularity of St. Luke's name was earned thanks to the efforts of Archimandrite (since 2013, Metropolitan of Argolis) Nectarios (Antonopoulos). He first heard about St. Luke in the summer of 1996. Archimandrite bought a book about Archbishop Luke by Archdeacon Vasiliy Marushchak, "The Blessed Surgeon: The Life of Saint Luke of Simferopol" in Crimea and commissioned its translation into Greek. He then extensively traveled to the places where the saint once lived. For many years, Antonopoulos independently collected archival materials and interviewed people who knew Valentin Voyno-Yasenetsky.

As a result of this work, in 1999, Father Nectarios published his book "Archbishop Luke. A Saint Pastor and Physician Surgeon" in Greek, which has been reprinted multiple times (the 28th edition was released in 2020). This article discusses this and other publications dedicated to St. Luke in the Greek language. It also focuses on academic conferences devoted to understanding the legacy of the saint. As of 2016, more than 40 newly constructed churches dedicated to St. Luke (Voyno-Yasenetsky) were consecrated in Greece. The article details the most famous centers of veneration of the saint in Greece and some of the churches built and consecrated in recent years. Additionally, it provides some information on the veneration of St. Luke in the Balkan Peninsula and Cyprus.

Keywords: saint veneration, Russian-Greek spiritual connections, St. Luke of Crimea (Voyno-Yasenetsky)

For citation: Zoitakis, A. G. (2023). The phenomenon of veneration of St. Luke of Crimea in Greece. *Orthodoxia*, (4), 174–191. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2023-4-174-191

REFERENCES:

Κιτρομηλίδης, Π. (1994). Από την Ορθόδοξη Κοινοπολιτεία στις Εθνικές Κοινότητες: το πολιτικό περιεχόμενο των Ελληνορωσικών πνευματικών σχέσεων κατά την Τουρκοκρατία [From the Orthodox Commonwealth to the National Communities: the Political Content of Greek-Russian Spiritual Relations During the Turkish Occupation]. In *Χίλια χρόνια Ελληνισμού — Ρωσίας, Διεθνές Εμπορικόν Επιμελητήριον — Εθνική Ελληνική Επιτροπή.* Εκδ.: Γνώση. [In Greek].

Παπαδοπούλος, Σ. (1977). *Πατρολογία. τ. Α.* Αθήνα. [In Greek].

About the author:
Afanasy Georgievich Zoitakis — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, 27 k 4, Lomonosovsky Prospect, Moscow, Russia, 119192, email: zoaf@yandex.ru

Conflict of interest:
The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 07.11.2023; approved after reviewing 13.11.2023; accepted for publication 18.11.2023.